

П И О Н Е Р

ОКТАБРЬ 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1965 г.

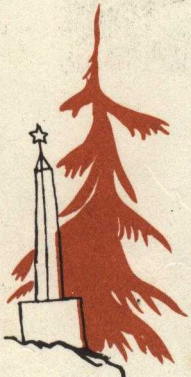

ТРУБИТЕ СБОР!

Дан старт Большого пионерского похода. Твоя дружина снова на марше. Сейчас, в эти дни, складывается ритм, вырабатывается темп движения. Не время зевать!

Кто задает темп? ТОТ, КТО ШАГАЕТ ВПЕРЕДИ.
СОВЕТ ДРУЖИНЫ, ТЫ ПОМНИШЬ ОБ ЭТОМ!
ТВОЕ ДЕЛО:

первое
второе
третье

- узнать, чем хотят заняться отряды;
- решить, что главное в работе дружины;
- объединить отряды в общих делах.

Отряд собрался идти в поход
Боевой славы — хорошо!

Придумал создать свой шумовой оркестр — хорошо!

Хочет переплести в библиотеке истрепавшиеся книжки — хорошо!

НАДО ОТРЯД ПОДБОДРИТЬ, НАДО ЕМУ ПОМОЧЬ. Не забудем похвалить отряд на сборе актива. Расскажем о его замыслах по школьному радио. Придумаем такое дело, в котором бы отряды могли посоревноваться.

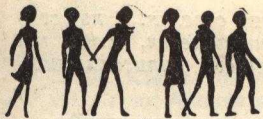
В дружинном музее Боевой славы каждый увидит, что сделал его отряд и как потрудились остальные.

На дружинном музыкальном фестивале пусть выступят отрядные оркестры, певцы, танцоры.

На выставке самоделок отряды покажут свое мастерство.

ТРУБИТЕ СБОР!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

А еще затеем такое дело, которое всем интересно, за которое все возьмется сообща. Может быть, починим участок разбитой дороги, может быть, построим для села стадион — мало ли дел вокруг! Все вместе мы же вон какая сила!

Только договоримся: дружинных дел не должно быть слишком много. **САМОЕ ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ В ОТРЯДАХ УМЕЛИ РАБОТАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО.**

СОВЕТ ДРУЖИНЫ, ПОМНИ: дать темп общему маршу — полдела. **ВАЖНО — СОХРАНЯТЬ ТЕМП.**

Замешкался в дороге какой-то отряд, сбился с шага. То ли нелады пошли, то ли дело наскучило — не зевай, совет дружины! Ругать не спеши. Разберись как следует, в чем беда. Устрой сбор сразу двух отрядов. Сбор-спор: кто как живет и как жить надо? А может, отряду просто помощь нужна, тех, кто постарше, тех, кто посильнее?

В совете дружины народ с хитринкой. **ХИТРОСТИ У НАС ПРОСТЫЕ, А ПОЛЬЗА ОТ НИХ БОЛЬШАЯ.**

Трудно было отряду втянуться в работу. Совсем крошечного успеха добился отряд, но мы оценим его, как большой, настоящий успех.

НЕ БУДЕМ ИСКАТЬ ОДНОГО ПОБЕДИТЕЛЯ во всех наших конкурсах и соревнованиях, ведь в каждом отряде было что-то хорошее, за что можно отряд похвалить. Зато уж ни у кого не опустятся руки, никому не расхочется действовать.

Трудно придется совету дружины на первом переходе до зимнего привала, зато взят хороший темп и легче прийти к цели.

О К Т Я Б Р Ъ
№ 10 1965 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**ОДИН ВОПРОС —
ПЯТЬ ОТВЕТОВ
В ДЕНЬ СТАРТА.**

Что ты пожелаешь своей дружке?

Ответы:

Чтобы помнили: мы не детский сад. Мы все уже выросли, и нас не надо водить за ручку.

Чтобы поменьше слов говорили, чтобы побольше разных дел делали.

Чтобы все было честно. Чтобы никто никого не обманывал. Чтобы все верили друг другу.

Чтобы дел было больше мальчишеских. Девочкам они тоже ведь нравятся.

Чтобы командиры не очень-то воображали о себе. А то им совсем нечем будет командовать.

Эта пьеса не только смешная, не просто веселая. В ней есть над чем подумать, поразмыслить. Очень хочется, чтобы наши читатели, прочитав ее, откликнулись, написали нам.

А. ХМЕЛИК

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Комедия

(Сокращенный вариант)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Юра Нечаев	}	пионеры из 7-го «А»
Лаптев		
Нечитайло		
Таня Скрипицына		
Гарик Акопян		
Костя — старший брат Юры		
Петров — первоклассник		
Ирина — знакомая Кости		
Курочкин — владелец «Москвича».		

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира Нечаевых. За столом работает Юра Нечаев, председатель совета отряда 7-го «А» класса. Перед ним большой разграфленный лист и стопочка каких-то бумажек, очевидно, квитанций.

ЮРА (бормочет). Семь да восемь — пятнадцать, да шесть — двадцать один. Один пишем, два в уме. Два да восемь — десять. Десять да семь — семнадцать да восемь...

Входит Костя Нечаев, старший брат Юры.

КОСТЯ (снимая плащ). Меня никто не спрашивал? ЮРА (не отрываясь от работы). ...Ы... Девять да четыре — тринадцать да восемь — двадцать один, один пишем, два в уме.

КОСТЯ. И не звонили?

ЮРА. ...Ы...

Костя прошелся по комнате, потоптался возле телефона, вздохнул, обернулся к брату.

КОСТЯ. Ты обедал?

ЮРА. ...Ы...

Костя выходит из комнаты. Через минуту возвращается со сквородкой в одной руке и холодной котлетой в другой. Жует.

КОСТЯ. Ты уверен, что мне никто не звонил?

ЮРА. Угу. (Вписывает что-то в разграфленный лист.)

Костя опять потоптался у телефона. Подошел к столу, заглянул через плечо брата.

КОСТЯ (с набитым ртом, сочувственно). М-м-м-м... ЮРА (вздохнул). ...Ы... (Рассеянно взял со сквороды котлету, жует.)

КОСТЯ. Н-да... Картина, прямо скажем, мрачная. (Юра вздохнул.) А кто в седьмом «Б» председатель?

ЮРА (с ненавистью). Рыжая Машка Грибоедова из сорок шестой квартиры.

КОСТЯ. Классно она вас обштопала. (Водит пальцем по разграфленному листу.) Металлолом. Цветные металлы. Седьмой «А» — 10 килограммов, седьмой «Б» — 14. Черные металлы. Седьмой «А» — 197 килограммов, седьмой «Б» — 232. Макулатура... Ну, с макулатурой у вас вроде порядок. Зато аптечные пузырьки!.. М-м-м-м... Седьмой «А» — 28. Седьмой «Б» — 101. Ай да Машка! Ай да Грибоедова! Вставила вам фитиль с этими пузырьками.

ЮРА (с горечью). Да... С пузырьками мы того... (Похлопал себя по кончикам ушей.)

КОСТЯ (подначивает брата). Какой же ты председатель, если на таком участке того... (Похлопал себя по ушам.)

ЮРА (многообещающе). Ничего... Мы сейчас все силы бросаем на пузырьки... У нас тут одна идея есть... Если получится, Машка засохнет от зависти.

КОСТЯ. Прямо!.. Так уж и засохнет.

ЮРА. Точно... вот только бы Акопян согласился помочь...

КОСТЯ. Какой это Акопян?

ЮРА. Гарик Акопян из нашего класса...

КОСТЯ. А что этот ваш Акопян может?

ЮРА. Гарик?.. Гарик все может! У него-тетя-в аптеке работает.

КОСТЯ. Ну и что?

ЮРА. Ничего... Там этих пузырьков — миллион!

КОСТЯ. Ну и что?

ЮРА. Чего ж тут непонятного? Мы просим Гарика, Гарик просит тетю, тетя приносит ему пузырьки, мы эти пузырьки сдаем, выходим на первое место в школе — рыжая Машка Грибоедова засыхает от зависти.

КОСТЯ. Пстой, пстой... Значит, вы просите Гарика?

ЮРА. Ага.

КОСТЯ. Гарик просит тетю... Ту, которая в аптеке?

ЮРА. Точно.

КОСТЯ. Тетя из аптеки дает вам пузырьки?..

ЮРА. И мы их сдаем!

КОСТЯ. Обратю в аптеку?

ЮРА. Конечно, не в «Гастроном».

КОСТЯ. Вы выходите на первое место...

ЮРА. Рыжая Машка Грибоедова засыхает от зависти.

КОСТЯ (разводит руками). Гениальный план.

ЮРА (гордо). А то!.. Только бы тетя не подвела. Гарик-то согласится.

КОСТЯ. А тебе не кажется, что все это — жульничество?

ЮРА (усмехнулся, посмотрел на брата с жалостью). Сказал... Жульничество... Не жульничество, а соревнование... Ты думаешь, Машка Грибоедова черные металлы где взяла?

КОСТЯ. Ну где?

ЮРА. «Где»... Не знаешь — не говори... Она со своими гавриками ночью железную ограду у сквера разломала.

КОСТЯ. Так это же разбой!

ЮРА (вздыхнул). Ты что? Никогда в жизни металлолом не собирал, что ли? «Разбой! Разбой!» Какой разбой? Мы же не для себя берем, для государства!

КОСТЯ (с усмешкой). А-а... Ну, тогда, конечно, другое дело...

ЮРА. Из этой ограды, может, новый тепловоз построят. И напишут: «Пионерский»... А ты — разбой...

Звонок. Костя бросается к телефону. Юра со снисходительной усмешкой смотрит на него: звонят в дверь. Костя, поняв свою ошибку, отходит от аппарата.

ЮРА. Да позвони ты ей сам... Вы что, опять поспорились?

КОСТЯ. Не твое дело... Иди открой...

ЮРА (направляясь к двери). Это Акопян, наверное... (Замаясь.) Слушай, Костя... У нас тут разговор

Валя Лаптев.

сейчас будет... Ну, насчет того самого дела... Ты бы пошел пока погулял. А то Гарик при тебе застесняется...

КОСТЯ. Гарик застесняется, а мне звонить должно...

ЮРА вздохнул, покачал головой и пошел открывать. Через минуту возвращается в сопровождении мальчика в очках, который тащит авоську, набитую аптечными пузырьками.

МАЛЬЧИК В ОЧКАХ (Косте). Здравствуйте.

КОСТЯ. Здорово, Акопян!

ЮРА. Это не Акопян. Это Лаптев.

ЛАПТЕВ (вываливает пузырьки на стол). Вот.

ЮРА. Ух ты! Где взял?

ЛАПТЕВ. Повезло. У соседки инфаркт, ей всякие лекарства тачками возят.

ЮРА (пересчитывает пузырьки). Сколько же тут! Раз, два, три, четыре... (Рассматривает у одного пузырька горлышко.) Этот не пойдет. На горлышке трещина.

ЛАПТЕВ (заволновался). Где трещина, какая трещина? Это шов.

Поглядели друг на друга, решили, что это все-таки шов.

ЮРА. Пять, шесть, семь, восемь... Молодец, Лаптев!.. Девять, десять... (Варуг задумался. Повернулся к брату.) Костя! Ты не знаешь, от инфаркта быстро поправляются?

КОСТЯ. Нет. Инфаркт — это месяца на три.

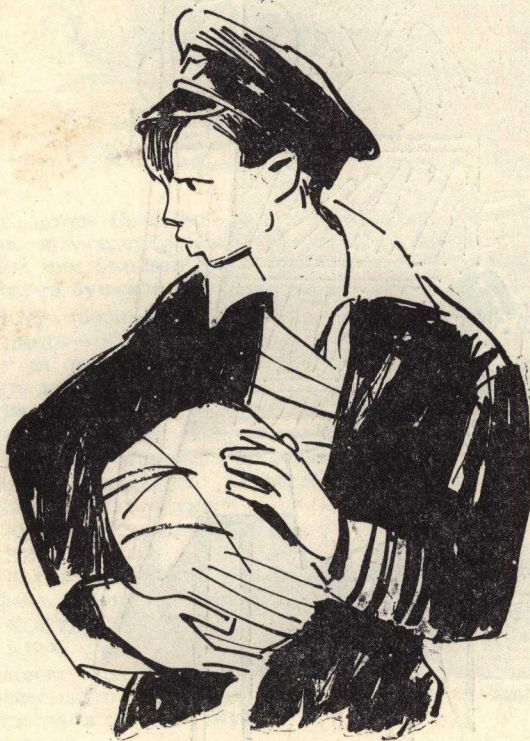
ЮРА (обрадованно). А-а-а! Одиннадцать, двенадцать...

КОСТЯ. Вот только, бывает, помирают от инфаркта.

ЮРА (вздрыгнул). Как это помирают?

КОСТЯ. Очень просто. Раз — и ваших нету.

ЮРА. Это что ж... И соседка так может? Раз —

Петя Нечитайло.

и нету? А пузырьки? (Юра глубоко задумался.) Слушай, Лаптев! Ты там скажи в квартире, чтоб ее не волновали, поберегли чтоб... Может, она тогда по-дольше поболует... А?

ЛАПТЕВ. Я скажу.

ЮРА. И сам с ней повежливей так, пообходительней. Может, ей чего надо: за хлебом там сбегать или... в аптеку, за лекарством. Так ты не отказывайся. Мы тебе это потом как тимуровскую работу засчитаем. Понял?

Юра собрал пузырьки со стола, перенес их в угол, где уже сложен другой хлам. Лаптев подошел к столу, водит пальцем по развернутому листу, шевелит губами, вздыхает.

ЮРА (подходя). Что вздыхаешь?

ЛАПТЕВ. Плохо дело.

ЮРА. Да, брат... Ну, ничего. Сейчас Акопян придет.

ЛАПТЕВ. Только бы Машка Грибоедова не пронюхала.

ЮРА. Не пронюхает, если сами не протрремлемся. (Звонок в дверь.) Акопян! (Побежал открывать. Остановился. Косте.) Ты бы все-таки ушел.

КОСТЯ. Никуда я не уйду. Мне интересно.

Юра ушел. Возвращается с медлительным, грузным Петей Нечитайло. В руках у Пети какой-то сверток.

ЮРА (разочарован). Это не Акопян, это Нечитайло.

НЕЧИТАЙЛО. Здорово, Лаптев! А где Акопян?

ЮРА (нервно). Не-знаю я, где Акопян!.. Пузырьки принес?

НЕЧИТАЙЛО. Нету пузырьков. (Кладет на стол сверток. Слышно, как что-то лязгнуло.)

ЮРА. А это что?

НЕЧИТАЙЛО. Металл. (Не спеша начинает разворачивать сверток.)

ЮРА. Черный? Цветной?

НЕЧИТАЙЛО. А черт его знает... Блестящий. (Развернул сверток, извлек четыре хромированных колпака с автомобильных колес.)

ЛАПТЕВ. Что это?

НЕЧИТАЙЛО. Не видишь? Колпаки.

ЛАПТЕВ. Откуда?

НЕЧИТАЙЛО. От «Москвича». Совсем новый «Москвич» у нас во дворе стоит.

ЮРА. Ты что?.. (Покосился на Костю.) Это же разбой.

НЕЧИТАЙЛО (обиделся). Какой разбой! Что я для тебя брал?.. Из этих колпаков, может, тепловоз построит и напишут: «Пионерский». Скажи ему, Лаптев.

ЛАПТЕВ (растерян). Да я не знаю как-то... (Задумался.) «Москвич»-то государственный?

НЕЧИТАЙЛО. Какой государственный! Что я, ополумел — с государственной машины колпаки снимать!.. Частный «Москвич»!

ЛАПТЕВ (обрадованно). Ну, если частный, тогда совсем другое дело...

НЕЧИТАЙЛО. Конечно... Стал бы я, если бы не частный...

ЮРА (сдаваясь). Ну, тогда ладно... (Понес колпаки в угол.) А ты, Нечитайло, пузырьки ищи. Что значит — нету пузырьков? Вон Лаптев нашел...

НЕЧИТАЙЛО. Где я возьму? Что я, не искал, что ли?

ЮРА. Плохо, значит, искал... На помойке смотрел?

НЕЧИТАЙЛО (помрачнел). Нет.

ЮРА. Почему?

НЕЧИТАЙЛО. Противно...

ЮРА. Смотри, какой гордый!.. Помойка ему не нравится... А на честь отряда тебе наплевать?! Да?

КОСТЯ (задыхаясь от смеха). Ой, не могу!

ЮРА (оторопел). Ты что?

КОСТЯ (отмахивается от него руками). Ой, помру сейчас... От инфаркта... Вот деатели...

ЮРА (разозлился). Ну чего ты? Чего ржешь-то? И вообще, чего ты тут сидишь, прислушиваешься?

Костя смеется. Юра кинул на него испепеляющий взгляд и шагнул к телефону. Набирает номер.

ЮРА. Будьте добры, позовите, пожалуйста, Ирину. (Костя моментально посерьезнел.) Ирина? Здравствуй-те, Ирина! Это Юра говорит, Костин брат.

КОСТЯ (пытается отнять трубку). Ты что? Совсем обалдел? Дай сюда!

ЮРА. Ирина, тут Костя от телефона не отходит, все вашего звонка ждет.

КОСТЯ. Замолчи!

ЮРА. Что?.. Почему сам не звонит?.. А он боится...

КОСТЯ (вырвал наконец трубку). Алло... Ирина? Да... Нет. Угу... (Покосился на ребят. Все трое стоят, уставившись на него с нескрываемым интересом. Даже рты пораскрывали от любопытства.) Угу... Нет... Да... Нет... Угу... Да... (Покосился на ребят.) Я не могу говорить... Да... Где?.. Когда?.. (Положил трубку, начал поспешно натягивать плащ. Юре.) Ну, погоди... Я тебе это припомню.

ЮРА. Иди... Иди... (Костя ушел.) Смотреть противно, как он за этой своей Ириной бегаёт. (Звонки в дверь.) Во! Умчался — ключи забыл... (Убегаёт. Из-за кулис слышны его возгласы.) Акопян! Здорово! Наконец-то! Мы уж заждались... Раздевайся, проходи... (Вбегаёт в комнату. Вполголоса — ребятам.) Акопян пришел. Вы только не вмешивайтесь. Я его сам обработаю. (Громко.) Заходи, заходи, Гарик.

Входит Гарик Акопян. Он задумчив и рассеян.

НЕЧИТАЙЛО. Привет, Акопян.

ЛАПТЕВ. Здравствуй, Гарик.

ГАРИК. А?

НЕЧИТАЙЛО. Здравствуй, говорим.

ГАРИК. А-а... Здравствуй, Лаптев. (Рассеянно пожал руку Нечитайло.)

НЕЧИТАЙЛО (удивлен). Ты что?

ГАРИК. А что? (Заметил свою ошибку, как-то странно засмеялся.) Извини... Здорово, Нечитайло. (Пожал руку Лаптеву.)

ЮРА (с удивлением наблюдает за странным поведением Акопяна). Садись, Гарик. Кушать хочешь?

ГАРИК. Спасибо... Я, кажется, пообедал... (Несколько опомнился.) Я, понимаешь, на минутку забежал. Мне тут еще кой-куда успеть нужно.

ЮРА (насторожился). Куда это?

ГАРИК (замаялся). Так... по делу... Мама просила помочь, понимаешь.

ЮРА (пытаясь что-то сообразить). А-а. Ну да... родителям надо помогать... А то, может, магнитофон послушаем? А?.. У меня записи — блеск! (Достаёт катушку с пленкой.) Во! Танец с саблями! (Со значени-

ем.) Музыка Арама Хачатуряна. Замечательный композитор. Тоже из Армении, между прочим.

ГАРИК. Я не люблю Хачатуряна.

ЮРА (озадачен). Как не любишь?.. Хачатуряна не любишь?.. Вообще-то я тоже не люблю... А кого ты любишь?

ГАРИК (испуганно). Что?!

ЮРА. Кого любишь, спрашиваю?

ГАРИК (слишком поспешно). Никого я не люблю. С чего ты взял? Почему я кого-то любить должен? Глупости все это...

ЮРА. Как это никого не любишь? Армстронга не любишь? Симфоджаз не любишь?

НЕЧИТАЙЛО (вдруг заинтересовался). Чего?

ЮРА (отмахнулся). Сиди ты.

ГАРИК. Никого не люблю... Сколько времени? У тебя часы есть?

ЮРА (кивнув на часы). Полвторого. Вон они. (Подошел к часам, положил их циферблатом вниз.)

ГАРИК (задумчиво). Полвторого... Час тридцать... (Лихорадочно шарит у себя в карманах, видимо, пытаясь что-то найти. Ребята с изумлением смотрят на него. Гарик заметил их взгляды.) А? Что?..

ЛАПТЕВ. Ничего... Что с тобой сегодня? Чокнутый ты какой-то.

ГАРИК. Почему чокнутый?.. Я не чокнутый... Просто... я тороплюсь... Мама послала... А он тут про симфоджаз. Сам просил, понимаешь, по делу зайти, а сам — симфоджаз.

ЛАПТЕВ. Правда, Нечаев, чего мы человека задерживаем?.. Он же торопится...

ЮРА (недоволен, что ему руют заранее разработанный план). Торопится... Торопится... Иди сюда. (Подходит к столу. Ткнул пальцем в большой лист.) Смотри.

ГАРИК (подошел, рассматривает). Что?

ЮРА. Смотри. Я тут подсчитал... Это вот мы... А это ружья Машка Грибоедова со своими гавриками. Вот. Гляди: цветные металлы. У нас — десять килограммов.

ГАРИК. Ага. А у них — четырнадцать. (Вдруг засмеялся.)

ЮРА (покосился на Гарика). Черные металлы. У нас — сто девяносто семь.

ГАРИК (восторженно). А у них двести тридцать два! Во дают!

ЮРА (мрачно). А с аптечными пузырьками смотри что делается.

ГАРИК. Ага. Мы двадцать восемь. Они — сто один! Вот молодцы!

ЮРА (свирепея). Кто молодцы?

ГАРИК (не замечая его настроения). Грибоедовцы молодцы.

НЕЧИТАЙЛО (подозрительно). А чего это ты так радуешься? А?

ГАРИК (вдруг опомнился, посерьезнел). Кто радуется? Я радуюсь?.. С чего ты взял, понимаешь?

ЮРА. Ты думаешь, мы дураки? Да?.. Думаешь, мы ничего не замечаем?

ГАРИК (испуганно). Что вы замечаете?

ЮРА. На честь отряда тебе наплевать, вот что!

ГАРИК (с облегчением, радостно). А-а-а... Нет, мне не наплевать. Что ты? Разве мне наплевать?.. Я на оборот... Если я обрадовался, так я же не за них обрадовался... я за государство обрадовался...

НЕЧИТАЙЛО (недоверчиво). Чего-о?

ГАРИК (торопливо). Ну, конечно... Это же хорошо, что они много металла собрали. Из него, понимаешь, тепловоз построят и напишут: «Пионерский»...

ЮРА. А-а... Ну да...

ГАРИК (вдруг). Сколько времени?

Гарик Акопян.

ЛАПТЕВ (поднял часы, посмотрел). Без четверти два. (Положил часы обратно.)

ГАРИК. Ага... Час сорок пять... Я пойду, ребята.
ЮРА. Погоди, успеешь... Это ты хорошо насчет тепловоза сказал... Только все равно обидно, что Машка нас обставила.

ГАРИК (весело). Конечно, обидно... Особенно с пузырьками. У нас двадцать восемь. У них — сто один...

ЮРА. Вот и я говорю... Металлы меня не очень беспокоят. Тут мы их догоним. А вот что с пузырьками делать? Послушай, Гарик, у тебя тетя где работает?

ГАРИК. Тетя Варя?

ЮРА. Ага.

ГАРИК. На телефонной станции...

ЛАПТЕВ и НЕЧИТАЙЛО (в один голос). Что?!

ЮРА (растеряв). Как это на телефонной станции?

ГАРИК. Обыкновенно...

ЮРА. Слушай, Гарик... Ты ничего не путаешь? Это точно, что она на телефонной станции?..

ГАРИК (обиженно). Ничего я не путаю. Что я, понимаешь, не знаю, где у меня тетя работает?..

ЮРА (удрученно). Ну да... Конечно...

ГАРИК. Тетя Варя — на телефонной станции. Тетя Вера — в детском саду воспитательницей, тетя Зара — в сельхозснабстве.

НЕЧИТАЙЛО. А-а... Ну да...

ГАРИК. У меня все тети хорошо устроились. Вот только тете Маре не повезло. Она в аптеке работает.

ЮРА, ЛАПТЕВ и НЕЧИТАЙЛО (в один голос). Где?!

ГАРИК. В аптеке.

ЮРА (с облегчением). Фу ты... Молодец, тетя Мара!... А я уж думал...

ГАРИК. Что ты думал?

ЮРА. Так... Ничего...

ГАРИК. Сколько времени?

ЮРА. Да погоди ты... Слушай, Гарик. А как она, эта тетя Мара?.. Тебя она любит?

ГАРИК. Конечно. А как же? Родная тетя и вдруг, понимаешь, не любит?..

ЮРА. Это хорошо, что она тебя любит...

ГАРИК. Меня все тети любят. И тетя Вера, и тетя Варя, и тетя Зара.

ЮРА. Вера, Варя, Зара. Это все мура. Главное, что тебя тетя Мара любит!.. Значит, так. Сейчас ты пойдешь к тете Маре...

ГАРИК (вздрыгнув). Сейчас я не могу... Меня мама послала... Сколько времени?..

ЛАПТЕВ. Два часа.

ГАРИК. Я больше не могу, ребята. Я опаздываю...

ЮРА. Погоди. Сейчас ты пойдешь к тете Маре.

ГАРИК. Да не могу я сейчас!

ЮРА. Ну не сейчас, так позже. Как сможешь... Пойдешь к тете Маре и скажешь, чтобы она дала тебе пузырьки.

ГАРИК. Какие пузырьки?

ЮРА. Ясно, какие пузырьки... Аптечные.

ГАРИК. Зачем?

ЮРА. Да что ты какой-то бестолковый сегодня. (Подтолкнул его к разлинованному листу.) Ты видишь, что делается? Скажешь тете Маре: горим! Выручай, тетя...

ГАРИК. Не сможет она.

ЮРА. Это почему?

ГАРИК. Наверное, у них эти пузырьки считанные.

ЮРА. Чужак человек. Ну и что же, что считанные?

ГАРИК. А если учет?

ЮРА. Ну и пусть учет. Мы же эти пузырьки у нее не совсем заберем. Мы же их сегодня заберем, а завтра обратно отдадим. Понял?

ГАРИК (начиная соображать). Она нам, а мы... ей? ЮРА. Ну да. Что нам пузырьки, что ли, нужны? Нам главное Машку Грибоедову обогнать.

ГАРИК. Ну да... Машку. (Вдруг.) Сколько времени?

ЛАПТЕВ. Пять минут третьего.

ГАРИК. Ой! Я побежал. (Бросается к дверям.)

ЮРА. Ну как? Договорились?

ГАРИК (в дверях). Договорились, договорились.

(Убегает.)

ЮРА (потирая руки). Ну, порядок. Теперь только бы тетя Мара согласилась...

ЛАПТЕВ. Не нравится мне Акоюн сегодня. Куда он торопился? Время все спрашивал.

ЮРА. Он же сказал. Мама его послала. Может, к тете Варе или тете Заре.

НЕЧИТАЙЛО. Мама послала. Если тебя мама куда-нибудь посылает, ты торопишься?

ЮРА. Ну, я... Я совсем другое дело.

ЛАПТЕВ. Вот то-то и оно... Рассеянный он какой-то. Все время чего-то пугается.

ЮРА. Ерунда все это. Я лично ничего не заметил. (Звонок в дверь.) Кто там еще? (Идет открывать. Возвращается с Таней Скрипицыной. Она возбуждена, чувствуется, что ее буквально распирает какая-то новость, но она считает ниже своего достоинства вот так, с хохлом выложить ее.)

ЛАПТЕВ (бесстрастно).

Скрипицына.

ТАНЯ. Да! Скрипицына.

НЕЧИТАЙЛО. Здорово,

Скрипицына.

ТАНЯ. Привет, Нечитайло.

ЮРА. Ты что, пузырьки при-

несла?

ТАНЯ. Лопнули наши пу-

зырьки.

ЮРА. Как это лопнули?

ТАНЯ. А вот так! Сгорели

синим пламенем.

НЕЧИТАЙЛО. Чего ты нам

голову морочишь? Ты еще ни-

чего не знаешь, а говоришь. У

нас тут сейчас такой разговор

был...

ТАНЯ. Я все знаю... Торопил-

ся Акоюн?

ЛАПТЕВ. Торопился.

ТАНЯ. Вот, пожалуйста. А

куда он торопился?

ЮРА. Его мама послала.

ТАНЯ. Три ха-ха!.. Ты зна-

ешь, куда он пошел?

ЮРА. Куда?

ТАНЯ. В кино. На два пят-

надцать. Вот куда. А знаешь, на

какую картину он пошел?

НЕЧИТАЙЛО. На какую?

ТАНЯ. На какую... «Любовь с первого взгляда».

Вот на какую. До шестнадцати вход воспрещен.

НЕЧИТАЙЛО. Ну и что же? Я видел — мура. Все

время целуются.

ТАНЯ. Много ты понимаешь! Замечательная кар-

тина.

ЮРА. Постой, Скрипицына. Он что, на эту самую

«любовь»... один пошел?

ТАНЯ. Три ха-ха! Один... В том-то и дело, что

не один.

ЮРА. А с кем?

ТАНЯ. С рыжей Машкой Грибоедовой из сорок

шестой квартиры! Вот с кем.

Немая сцена.

Таня Скрипицына.

ЮРА (после паузы). Та-а-ак... (Бьет себя по лбу.) Дурак... Идиот...

НЕЧИТАЙЛО. Кто идиот?

ЮРА. Я идиот. Сколько раз говорил: придумал что-нибудь — молчи. Делай свое дело... и помалкивай. Так нет. Мне же надо с друзьями поделиться. Товарищам рассказать. Этому лопуху. (Кивнул на Нечитайло.) Этой трепухе. (Кивнул на Таню.) Только идиот мог рассказать вам про Акопяна и его тетю... Звонари!

НЕЧИТАЙЛО. А чего ты оскорбляешь? Чего ты оскорбляешь-то? Ты сначала разберись, а потом оскорбляй.

ЮРА. Ах, разобраться?... Хорошо... Ну, Лаптев трепаться не мог. Я за него, как за себя, ручаюсь. Значит, кто-то из вас двоих. Ты, Скрипицына?

ТАНЯ. Очень мне надо.

ЮРА. Ты.

ТАНЯ. Нет, не я.

ЮРА. Врешь.

ТАНЯ. Дурак.

ЮРА. Убедила... Ну, ладно. Нечитайло, кому говорил про пузырьки?

НЕЧИТАЙЛО. Никому не говорил.

ЮРА. Может, случайно проболтался? Сказал, а сам забыл. А? Вспомни. (Нечитайло задумался.) Ну? Вспомнил?

НЕЧИТАЙЛО. Вспомнил... Никому не проболтался.

ЮРА. Тьфу ты!

ЛАПТЕВ. Слушай, Нечаев. А почему ты решил, что кто-то проболтался?

ЮРА. Как же не проболтался! Откуда тогда Машка Грибоедова все узнала?

ЛАПТЕВ. А может, она ничего и не узнала?

ЮРА. Да ты что? Не слышал, с кем она в кино пошла? А на кой ей с Акопяном в кино ходить? Чего она там не видела?

НЕЧИТАЙЛО. Может, она эту картину не видела?

ЮРА. Нужна ей твоя картина! Что, я Машку Грибоедову не знаю? Сегодня она с Акопяном в кино, а завтра в аптеку — за нашими пузырьками. Усек? НЕЧИТАЙЛО. Усек... Ну, до чего хитра! Недаром я рыжих всю жизнь ненавижу.

ТАНЯ. Ой, мальчишки! Ничего-то вы не понимаете.

ЮРА. Ты все понимаешь.

ТАНЯ. Все... Ничего Машка не придумывала. И никакие пузырьки ей не нужны.

НЕЧИТАЙЛО. А что же ей нужно?

ТАНЯ. Акопян ей нужен.

НЕЧИТАЙЛО. На кой?

ТАНЯ. Ни на кой. Просто у них с Акопяном любовь!

ЮРА. Чего-о?

НЕЧИТАЙЛО. Какая еще любовь?

ТАНЯ. Ну эта самая... С первого взгляда.

ЮРА. Ну это ты чушь какую-то плетешь! С какого первого взгляда? Они с Акопяном еще в детский сад вместе ходили.

ТАНЯ. Тем более! Значит, это у них серьезно.

ЛАПТЕВ. Глупости. Никакой любви не существует.

ТАНЯ. Еще как существует-то... Ты думаешь, я была, как ты за мной бегал?

ЛАПТЕВ. Чего ты врешь? Чего ты врешь-то? Кто бегал?

ТАНЯ. Ты бегал.

ЛАПТЕВ. Когда?

ТАНЯ. Тогда! В четвертом классе, вот когда!

ЛАПТЕВ. Не бегал я за тобой.

ТАНЯ. Нет, бегал!

ЮРА. Слушайте, вы! Может, вы в другой раз свои отношения выясните?

ТАНЯ. А что?

ЮРА. А то!.. Что с Акопяном делать будем?

НЕЧИТАЙЛО. А что с ним теперь сделаешь?

ЮРА. Как это что сделаешь? Что ж мы, так и подарим его Машке Грибоедовой?

ТАНЯ. А чего тут раздумывать! Все сто лет назад придумано, что в таких случаях делать надо.

НЕЧИТАЙЛО. А что надо?

ТАНЯ. Написать на стенках: «...Акопян плюс Грибоедова равняется любви». Только побольше надо таких надписей. Чтoб они на каждом шагу в глаза им бросались.

ЛАПТЕВ. Не поможет...

ТАНЯ. Еще как поможет-то! Вот в пятом классе за мной Вовка Полосков бегал. Как про нас стали писать «Полосков плюс Скрипицына», так я к Вовке сразу весь интерес потеряла. Смотреть на него не могла.

НЕЧИТАЙЛО. Точно! А еще кричать можно: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!»

ТАНЯ. Правильно. Это тоже хорошо помогает.

ЛАПТЕВ. А кто кричать-то будет?

ТАНЯ. Можно знакомых первоклассников поговорить. Еще лучше получится... Только первоклассники задаром кричать не станут...

НЕЧИТАЙЛО. Это уж точно.

ЮРА. Ну, с первоклассниками можно договориться... Только все равно мало этого: надписи да тили-тили-тесто... Надо что-то еще.

ТАНЯ. А что еще?

ЛАПТЕВ. Слушай, Скрипицына. А может, ты его просто отобьешь у Грибоедовой?

ТАНЯ (подумав). Нет... Не буду я его отбивать.

ЮРА. Почему?

ТАНЯ. Не нравится мне Акопян.

НЕЧИТАЙЛО. Грибоедовой нравится, а тебе не нравится?.. Воображаешь из себя, Скрипицына.

ЮРА. Ты же его не для себя отбивать будешь, а для всего отряда.

ТАНЯ. И для отряда не буду.

НЕЧИТАЙЛО (вдруг появился). Она боится.

ТАНЯ (слишком поспешно). Чего это я боюсь?

НЕЧИТАЙЛО (с усмешкой). Боишься, Грибоедова тебя отлупит.

ТАНЯ. Машка? Меня? Как бы я ее сама не отлупила!

ЮРА (вздыхнул). Да нет, не выйдет у нее ничего...

ЛАПТЕВ. Почему?

ЮРА. Ты что, сам не понимаешь почему? Просто Грибоедова красивше нашей Таньки в тыщу раз.

ТАНЯ (задохнувшись от возмущения). Кто в тыщу раз?! Эта рыжуха в тыщу раз?! Да что ты понимаешь в красоте?! Ты, может, сам в нее влюблен? Так и скажи.

ЛАПТЕВ. Ну, тихо, тихо, Скрипицына. Успокойся.

ТАНЯ. А чего ты меня успокаиваешь? Вы меня не успокаивайте... Идите к своей Грибоедовой, целуйтесь с ней. (Направилась к дверям.) До свидания.

ЮРА. Ты куда, Скрипицына?

ТАНЯ. Не твое дело! Грибоедову свою спрашивайте.

ЮРА. Да погоди ты!.. Ну на кого ты обиделась? На Нечитайло обиделась? Ты что, не знаешь, что он того? (Покрутил пальцем около виска.)

НЕЧИТАЙЛО. Кто того?! Я того?! Сам ты того... (Направился к дверям.)

ЮРА (в отчаянии). Да вы что, обалдели все, что ли! Еще не хватало нам друг с другом перессориться. В такой момент...

ЛАПТЕВ. Правда, ребята. Что для вас важнее, личное или общественное?

НЕЧИТАЙЛО. А чего же он?..

ЛАПТЕВ. Ну ладно, ладно... Довольно...

ЮРА. В самом деле, давайте лучше разберемся, чего мы надумали. Значит, так. Первое: надписи. Кто за это ответственный? Возьмешься, Лаптев?

ЛАПТЕВ. Хорошо.

ЮРА. Второе: договориться с первоклассниками на счет жениха и невесты. Ответственный — Нечитайло. Согласен?

НЕЧИТАЙЛО. Ладно.

ЮРА. Третье: отбить Акоюна у Грибоедовой. Ответственная Скрипицына.

ТАНЯ (саркастически). У меня же ничего не выйдет. Она же в тысячу раз красивее!

ЮРА. Ничего она не красивее. У нее лицо глутое... Правда, Лаптев?

ЛАПТЕВ. Точно.

ТАНЯ (удовлетворенно). А-а...

ЮРА. Значит, так... Надписи, первоклассники, Скрипицына... Что еще?

ТАНЯ. Для начала хватит. А там посмотрим...

ЮРА. Поздно будет смотреть, когда наши пузырьки в седьмой «Б» ульвуют...

ЛАПТЕВ. А что еще можно?

Нечитайло вдруг засмеялся каким-то торжествующим смехом. Все обернулись к нему.

НЕЧИТАЙЛО. Придумал... В газету про них написать надо!

ЛАПТЕВ. В стенную?

НЕЧИТАЙЛО. Зачем в стенную? В настоящую. Чтоб на всю страну. «Прав ли Гарик А.?»

Все несколько ошарашены этим предложением.

ЮРА (взволнованно). Вот это да!

ЛАПТЕВ (с сомнением). Да-а... Нехорошо как-то...

ТАНЯ. А чужие пузырьки перехватывать хорошо?

ЛАПТЕВ. Все-таки на всю страну...

ЮРА. И правильно! Думаешь, только у нас такая Грибоедова? Они в каждой школе есть. Пусть знают!

НЕЧИТАЙЛО. Точно.

ЮРА (выдирает из тетради листок). Давай, Лаптев, садись. Пиши.

ЛАПТЕВ. А что ж ты сам-то?

ЮРА. У меня почерк некрасивый.

ТАНЯ. А я из принципа не буду. Пусть Нечитайло пишет.

НЕЧИТАЙЛО. Я напишу. Подумаешь! Испугались, так и скажите.

ТАНЯ. Ничего мы не испугались. Ты придумал, ты и пиши.

НЕЧИТАЙЛО. И напишу. (Взял бумагу, перо. Собрался писать, задумался. Обвел всех растерянным взглядом.) А что писать?

ЮРА. Пиши: «Прав ли Гарик А.?» Написал?... Теперь с новой строчки. «Дорогая редакция...»

Нечитайло пишет.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Уголок школьного двора. У кирпичной стены — гора металлолома. Возле нее табличка: «7-й «А».

Входит Лаптев. Остановившись у стены и, несколько раз оглянувшись, достает из кармана кусок мела, торопливо рисует на стене сердце, произнесенное стрелой, а рядом размашисто пишет: «Грибоедова + Акоюн = любовь». Закончив, поспешно скрывается.

Входит Нечитайло. Увидел рисунок и надпись на стене, удовлетворенно хмыкнул.

НЕЧИТАЙЛО (глядя на стену). Видал?... Видал, спрашиваю? (Оглянулся, только сейчас заметил, что он один, кричит.) Петров!

Облизывая на ходу палочку от эскимо, неторопливо входит первоклассник Петров.

НЕЧИТАЙЛО (кивнув на стену). Читай.

ПЕТРОВ (читает). Гере-и... Гри... Бе... о... Бо... Грибо... Е-е-о... Едо...

НЕЧИТАЙЛО (не выдержал, передразнивает). Грибо! Едо!.. Переросток! Чему вас только в школе учат? «Грибоедова плюс Акопия равняется любовь». Понял?

ПЕТРОВ. Ага... Понял... Любовь. (Поглядел на палочку от эскимо, лизнул.)

НЕЧИТАЙЛО. Ты усек, что делать нужно?

ПЕТРОВ (лизнул еще раз палку, оглядел ее со всех сторон, тяжело вздохнул и наконец-то выбросил). Усек. Орать нужно.

НЕЧИТАЙЛО. Что орать?

ПЕТРОВ (орет). Тили-тили тесто!..

НЕЧИТАЙЛО. Чего без толку орешь? Я тебе сказал? Когда Акопия увидишь или рыжую Машку Грибоедову из седьмого «Б». Тогда ори. Понял?

ПЕТРОВ. Понял.

НЕЧИТАЙЛО. Ладно. Иди... (Петров не двигается с места.) Ну? Что стоишь?

ПЕТРОВ. А мороженое когда? Обещал...

НЕЧИТАЙЛО. Ты эскимо получил?

ПЕТРОВ (нахально). Не...

НЕЧИТАЙЛО (возмущен). Как же нет, когда вон палка валяется? (Поднял палку, брошенную Петровым, сунул ему под нос.)

ПЕТРОВ (тупо посмотрел на палку, лизнул ее). А еще?

НЕЧИТАЙЛО. Кто не работает, тот не ест. Поорешь, получишь еще.

ПЕТРОВ. Обманешь.

НЕЧИТАЙЛО (с горькой усмешкой). Тебя обманешь!

ПЕТРОВ (удовлетворенно). Да. Меня не обманешь. (Ушел, едва не столкнувшись по дороге с Юрой Нечаевым.)

ЮРА (кивнув на надпись на стене). Лаптев поработал? Молодец.

НЕЧИТАЙЛО. Подумаешь, молодец. Попробовал бы он с Петровым. На одно мороженое сколько денег уйдет!

ЮРА. Ты, Нечитайло, денег не жалеи. Ты же не на себя тратишь, а для общей пользы.

Первоклассник Петров.

НЕЧИТАЙЛО. Все равно жалко... Я на боксерские перчатки копил...

ЮРА. Купим тебе перчатки... Сложимся и купим... Как за металлолом деньги получим... или за пузырьки...

НЕЧИТАЙЛО (недоверчиво). Купите?..

ЮРА (не моргнув глазом). Купим, купим...

Слышен шум подъехавшего автомобиля. Хлопнула дверца. Ребята на всякий случай спрятались за углом. Входит пожилой мужчина в шляпе. Огляделся по сторонам воровато, как Лаптев. И вдруг, забыв о своей солидности, принялся копать в грудке металлолома.

ЮРА (выходя из-за угла вместе с Нечитайло). Здравствуйте, гражданин.

Мужчина как ошпаренный отскочил от металлолома.

МУЖЧИНА. Здравствуйте, ребятки.

ЮРА (подозрительно). Что вы тут делаете?

МУЖЧИНА (слишком поспешно). Я?... Ничего...

ЮРА. А мне показалось, что вы нашим металлоломом интересуетесь.

МУЖЧИНА. Да нет... Я так как-то... (Слишком восхищенно.) Неужели это все вы собрали?!

НЕЧИТАЙЛО. А то кто же?

МУЖЧИНА. Молодцы! Молодцы, ребятки! Молодцы! Собирая металлический лом, вы делаете благородное дело... Я бы даже сказал: дело большой государственной важности...

ЮРА (перебивая его). А вы что, из роно?

МУЖЧИНА (опять смутился). Я?... Нет, я не из роно...

ЮРА. А если не из роно, то откуда?

НЕЧИТАЙЛО. А я знаю, вы откуда... Из «Вторчермета».

МУЖЧИНА. Откуда?

НЕЧИТАЙЛО. Ну, из этой конторы, которая металл должна забрать.

МУЖЧИНА (поспешно). Да, да... Я именно оттуда... Из «Вторчермета»...

ЮРА. Что ж вы так долго не приезжали? Сами говорите: дело государственной важности, а сами не забираете.

НЕЧИТАЙЛО. Тут от вас приезжал один. Обещал, что из этого металла тепловоз построят и напишут: «Пионерский». А где же тепловоз, когда металл тут валяется?

МУЖЧИНА (виновато). Построим, построим тепловоз. (Фальшиво.) Вот интересно только, какой у вас тут металлолом...

НЕЧИТАЙЛО (подходя к горе металла и пнув ее ногой). Всякий... Кровати есть железные... Кастриюлы... Утюги... Вот это еще... (Извлек из груды дырявый ночной горшок.)

МУЖЧИНА. Очень, очень богатый ассортимент. (Покосился на Юру, который все время наблюдает за ним с явным недоверием.) Скажите... а колпаков у вас тут нет?

ЮРА. Каких еще колпаков?

МУЖЧИНА. От «Москвича».

Нечитайло замер.

МУЖЧИНА. Видите ли... На днях, когда я приехал в один из дворов... по делам нашей конторы, разумеется... «Вторчермета»... какой-то злоумышленник снял четыре колпака с колес моего автомобиля.

ЮРА (агрессивно). Ну и что?

МУЖЧИНА. Нет... ничего... Просто я подумал... может быть, из этих колпаков сделали тепловоз?.. И написали на нем: «Пионерский»?.. А?.. (Испытующе посмотрел на ребят.)

НЕЧИТАЙЛО (с трудом откашлявшись). Я... Я это... Меня Марь Степановна зачем-то просила зайти... (Уходит, унося с собой горшок.)

ЮРА. Нечитайло! Горшок оставь.

НЕЧИТАЙЛО. А-а... (Положил горшок. Ушел.)

ЮРА (перехватив взгляд мужчины, которым тот провожает Нечитайло). Вы на него не обращайте внимания. Он у нас странный.

МУЖЧИНА. Странный?

ЮРА. Ага... Очень... А что касается ваших колпаков...

МУЖЧИНА (оживившись). Да?..

ЮРА. Советую вам посмотреть вон там, за тем углом. Там складывает металл седьмой «Б», в котором председателем Машка Грибоедова. Вот у них не то что колпаки — целый автомобиль можно найти. Это такой народ... Они ночью железную ограду у сквера разломали. Представляете!

МУЖЧИНА. Ужас... Я обязательно посмотрю... (Уходя, заметил надпись на стене.) «Грибоедова + Акоюн = любовь». Это что же, та самая Грибоедова?.. Которая ограду?..

ЮРА. Она.

МУЖЧИНА. Ужас... Так я у них поищу... (Уходит.) ЮРА (ему вслед). Поищите, поищите... (Вполголоса.) Грибоедова тебе пощет.

Уходит в противоположную сторону. Некоторое время сцена пуста. Потом появляется Гарик Акоюн. Он идет, помахивая портфелем, видимо, в превосходном настроении. Вдруг остановился как вкопанный: увидел надпись на стене. Оглянувшись по сторонам, принимается торопливо стирать ее чем попало: руками, портфелем, землей. Но стереть надпись не так просто. Она только размазывается.

ГОЛОС ПЕТРОВА (из-за сцены). Тили-тили-тесто, жених и невеста!

Гарик вздрогнул, как от удара. Бросился было на крик. Но услышал топот убегающего Петрова и возвратился к надписи.

Входит Лаптев. В руках у него авоська с картошкой и луком. Под мышкой два батона. Увидел Гарика. Гарик тоже увидел его. Тут же повернулся спиной к стене, пытаясь загородить от Лаптева надпись.

Лаптев делает вид, что не замечает, за каким занятием он застал Гарика.

ЛАПТЕВ. Здорово, Акоюн!

ГАРИК. Здравствуй, Лаптев.

ЛАПТЕВ. В школу идешь? Рано еще.

ГАРИК. А мне это... Мне Марь Степановна велела пораньше прийти... (Пауза.) А ты в магазин ходил?

ЛАПТЕВ. Да. Я в магазин ходил.

ГАРИК. Мама послала?

ЛАПТЕВ. Нет. Не мама. У нас соседка заболела. Я ей помогаю. В магазин там... или в эту... в аптеку, когда попросит.

ГАРИК. А-а... (Пауза.)

ЛАПТЕВ. Ну-ну...

ГОЛОС ПЕТРОВА (слева). Тили-тили-тесто, жених и невеста!

Гарик вздрогнул. Лаптев сделал вид, что ничего не слышал.

ЛАПТЕВ. Ну ладно. Я пойду... А то соседка ждет... волнуется... А ей волноваться вредно... У нее сердце... Гарик. Иди...

ЛАПТЕВ. С тетей не разговаривал?.. Насчет пузырьков?

ГАРИК. Каких пузырьков?

ЛАПТЕВ. Ты что? Забыл? Мы же тебе говорили... Нечаев тебе говорил...

ГОЛОС ПЕТРОВА. Тили-тили-тесто, жених и невеста! Э-э-э!..

Гарик не выдержал, бросился вдогонку за Петровым, но тот опять убежал. Лаптев на какое-то время остался один, лицом к стене. Так его застаёт возвратившийся Гарик. Теперь уже Лаптев не может делать вид, что не видит надписи.

ЛАПТЕВ. Э-э... это... ну... вот... (Вдруг с возмущением.) Какой дурак это написал?!

ГАРИК (тихо). Не знаю...

ЛАПТЕВ. Пишет какую-то ерунду, а сам неграмотный. Любювь без мягкого знака.

ГАРИК (тихо). Был мягкий знак. Я его стер... Я все хотел стереть.

ЛАПТЕВ (с пафосом). Не надо! Не стирай! Пусть тому, кто писал, стыдно будет! А ты не обращай внимания! Понял?

ГАРИК. Понял... Я не обращаю внимания... А вдруг... она увидит?

ЛАПТЕВ. Грибоедова?

ГАРИК. Да.

ЛАПТЕВ (словно прозрел). Так ты что?.. Ты в самом деле, значит?.. Того?.. Влюбился?.. Да?..

ГАРИК. Вот еще... придумал... Что я, идиот?.. И не думал вовсе... Мы с ней еще в детский сад вместе ходили...

ЛАПТЕВ. Ну да... В детский сад... (Вдруг.) Несчастный ты человек, Акоюн...

ГАРИК. Еще чего?! Какой я несчастный!.. Сам ты несчастный!..

ЛАПТЕВ (горячо). Слушай, Гарик. Давай вместе все это сотрем сейчас. А?

ГАРИК. Зачем?

ЛАПТЕВ. А вдруг она увидит... Давай, давай, стирай. Только по-быстрому, пока никого нет.

Принимается стирать надпись. Гарик ему помогает. Входят Юра и Нечитайло. Гарик и Лаптев сразу же становятся спиной к стене.

ЮРА (с подозрением). Вы чего это тут делаете?

ЛАПТЕВ. Ничего... Я вот из магазина шел. (Предъявляет авоську.) У нас соседка заболела. Я ей в магазин хожу или в аптеку, когда попросит... И вообще...

Гарик вдруг увидел кого-то за сценой. Пулей срывается с места.

НЕЧИТАЙЛО. Куда это он?

ЛАПТЕВ. Не знаю.

ЮРА (оглядев надпись). Кто это надпись стер?

ЛАПТЕВ. Это она сама.

ЮРА. А ты чего не следишь? Ты же ответственный?

ЛАПТЕВ. А что?

ЮРА. Ну?..

ЛАПТЕВ (будто только что понял). А-а-а... (Достает из кармана мел и восстанавливает надпись.)

ЮРА (удовлетворен). Вот теперь порядок.

ЛАПТЕВ (прячет мел, подбирает авоську). Я пойду... А то соседка волнуется... А ей вредно волноваться — у нее сердце... (Уходит.)

ЮРА. А где Петров?

НЕЧИТАЙЛО. Петров! (Входит Петров.)

ЮРА. Орешь?

ПЕТРОВ. Ору.

НЕЧИТАЙЛО. Плохо орешь.

ПЕТРОВ. Пять раз.

ЮРА. Что пять раз?

ПЕТРОВ. Орал пять раз.

НЕЧИТАЙЛО. Не пять раз, а три. Я слышал.

ПЕТРОВ. Три раза слышал, а еще два не слышал.

НЕЧИТАЙЛО. Вот я и говорю, плохо орешь.

ПЕТРОВ. Давай.

НЕЧИТАЙЛО. Что?

ПЕТРОВ. На мороженое.

НЕЧИТАЙЛО (вздыхнул, сунул в руку Петрову какую-то мелочь). Держи! Живоглоти!

ПЕТРОВ (с трудом пересчитал деньги). Мало.

НЕЧИТАЙЛО (возмущен). Чего-о?

ПЕТРОВ. Мало. На два эскимо не хватит.

ЮРА. А тебе обязательно на эскимо? Купи чего подешевле.

ПЕТРОВ. Я дешевле не ем.

ЮРА. Аристократ!

НЕЧИТАЙЛО. Иди, иди... Орать лучше надо.

Входит Скрипицына. Во всем ее облике сквозит желание быть как можно красивее. Направившийся было к выходу Петров, увидев ее, остановился, раскрыв рот.

ПЕТРОВ. Ух ты! (Уходит, оглядываясь.)

ТАНЯ (нервно). Где Акопян?

ЮРА. Ходил тут.

ТАНЯ. Давайте его сюда... Быстро.

НЕЧИТАЙЛО. Сейчас! (Поспешно уходит, кидая на Скрипицыну восхищенные взгляды.)

Таня прошла вдоль стены, прочитала надпись, усмехнулась. Вбегает взволнованный Гарик. Увидев Таню, останавливается разочарованный.

ГАРИК. Скрипицына?

ТАНЯ. Да! Скрипицына!.. А ты думал кто?

ГАРИК. Никто... Так... (Повернулся, собирается уходить.)

ТАНЯ (нервничает, не зная, чем бы его удержать). Ой!

ГАРИК (остановился). Ты что?

ТАНЯ. Нога подвернулась. (Прихрамывая идет к скамейке.) Ой! Да помоги ты! Не догадываешься?..

ГАРИК (оглянувшись по сторонам, неловко помогает Тане добраться до скамейки). Садись.

ТАНЯ (потирая ногу). Что оглядываешься? Боишься, она увидит?

ГАРИК (развязно). Кто она-то?

ТАНЯ (кивнув на надпись). Сам знаешь. Это у вас что, серьезно?

ГАРИК. Что серьезно?!

ТАНЯ. Не прикидывайся глупеньким, пожалуйста... Не понимаю, что ты в ней нашел? Рыжая... веснушки...

ГАРИК. У кого веснушки? У тебя веснушки, понимаешь.

ТАНЯ. У меня их сроду не бывает... И лицо какое-то глупое.

ГАРИК (вдруг). По шее хочешь получить? Да? По шее?

ТАНЯ. Не убедительно.

ГАРИК. Нужна ты мне... убеждать тебя.

ТАНЯ. Ты напрасно горячишься, Гарик, я же все понимаю... мало ли кто кому может понравиться... И лично я в этом ничего плохого не вижу. Тем более вы с Грибоедовой еще в детский сад вместе ходили... И вообще... Вот ты, Гарик, веришь в дружбу между мальчиком и девочкой?

ГАРИК. Не знаю.

ТАНЯ. А я верю! И ничего в этом нет, в этой дружбе. И не надо скрывать свои чувства.

ГАРИК. А я и не скрываю.

ТАНЯ. Нет, скрываешь! Делаешь вид, что тебя Грибоедова ни вот столечко не интересует. Все отрицаешь. Зачем? Такой... дружбой можно гордиться.

ГАРИК. Я и горжусь.

ТАНЯ. Плохо гордишься... Я только одного не могу понять. Ты меня прости, пожалуйста, Гарик. Неужели ты не мог найти хорошую девочку в своем классе. Неужели обязательно из седьмого «Б»? А?

ГАРИК. А при чем тут класс?

ТАНЯ. Ну как ты не понимаешь, Гарик? Если бы эта девочка была из нашего класса, у вас были бы общие интересы. Вы бы вместе собирали металлолом, макулатуру. И ваша дружба крепла бы с каждым днем.

ГАРИК. А может, она и так крепнет...

ТАНЯ (не ожидала такого). Как... крепнет?

ГАРИК. С каждым днем.

ТАНЯ. Что ты говоришь, Гарик! Ты думаешь, если она ходит с тобой в кино, да еще на такие фильмы... это называется дружбой?... Гарик! Ты слеп!

ГАРИК. Чего?

ТАНЯ. Ты ничего не видишь! Ты слишком доверчив, Гарик, и за это можешь жестоко поплатиться... Но я открою тебе глаза. Ну подумай сам, кому ты поверил!

ГАРИК. Кому?

ТАНЯ. Машке Грибоедовой!.. Она же председатель совета отряда в седьмом «Б».

ГАРИК. Ну и что же?

ТАНЯ. Ты думаешь, ты ей нужен?... Ей пузырьки нужны!

ГАРИК. Какие пузырьки?

ТАНЯ. Неужели ты до сих пор ни о чем не догадываешься? Ведь это же все очень просто. Грибоедова просит тебя, ты просишь тетю, ту, которая в аптеке, тетя дает тебе пузырьки. Грибоедова эти пузырьки сдает...

ГАРИК. Обратю в аптеку?

ТАНЯ. Конечно, не в «Гастроном». Седьмой «Б» выходит на первое место в школе. И тогда она тебя бросает. Да еще смеется над тобой со своими гавриками.

ГАРИК (потрясен). Этого не может быть!

ТАНЯ. Ты знаешь, на что девочки способны?

ПЕТРОВ (за сценой). Тили-тили-тесто, жених и невеста! Э-э-э!..

Гарик в задумчивости никак не реагирует. Таня незаметно для Гарика машет Петрову рукой: мол,

уйди или замолкни. Но Петров понимает ее знаки совсем по-другому и орет еще громче.

ПЕТРОВ (за сценой). Тили-тили-тесто жених и невеста!

Гарик, продолжая думать о чем-то своем, медленно идет в ту сторону, откуда кричит Петров. Слышен топот убегающего первоклассника.

ТАНЯ (вслед Гарику). Акопян! Куда же ты?.. Я же не все сказала...

Но Гарик, не слыша ее, уходит. Из-за угла высывает голову Нечитайло.

НЕЧИТАЙЛО. Скрипицына!.. Ну как? Обработала?

ТАНЯ. С вами обрабатаете! Акопян как раз податься начал, а тут этот полоумный заорал.

НЕЧИТАЙЛО. Ну, ты на него не сердись. Он тоже свое дело делает. Старается.

ПЕТРОВ (за сценой). Тили-тили-тесто!

ТАНЯ. Во! Слышишь?

НЕЧИТАЙЛО. Петров.

Входит Петров.

НЕЧИТАЙЛО. Ты кому орешь?

ПЕТРОВ (кивнув на Таню). Вон ей.

НЕЧИТАЙЛО. Что я тебе велел? Я тебе велел Акопяну кричать или Грибоедовой. А ты кому орешь?

ПЕТРОВ (обиделся). А я могу вообще не орать, если тебе не нравится.

НЕЧИТАЙЛО. Да нет, мне нравится.

ПЕТРОВ. Нравится? Тогда давай на эскимо.

Протянул руку. Нечитайло, крича, лезет в карман и расстает с очередными гривенниками. Входит Зорина, миловидная девушка, лет двадцати двух, энергичная, уверенная.

ЗОРИНА. Привет, ребята!

ТАНЯ. Здравствуйте.

НЕЧИТАЙЛО. Привет!

ЗОРИНА. Вы в каком классе учитесь?

ТАНЯ. Мы в седьмом «А».

ЗОРИНА. Очень хорошо. Как раз вы мне и нужны.

НЕЧИТАЙЛО. Вы откуда? Из роно?

ЗОРИНА. Нет, не из роно.

НЕЧИТАЙЛО. Если из «Вторчермета», так тут уже был один товарищ.

ЗОРИНА. И не из «Вторчермета»... Я из редакции.

ПЕТРОВ (с подозрением). Откуда?

ЗОРИНА. Из редакции газеты. Будем знакомы. Зорина, специальный корреспондент.

ПЕТРОВ (протягивает руку). Петров.

НЕЧИТАЙЛО (оттолкнул его). Иди ты!.. А мы думали, вы из роно.

ЗОРИНА (достает сложенный вчетверо листок, протягивает его Нечитайло). Это вы писали?

НЕЧИТАЙЛО (медленно разворачивает листок, читает). «Прав ли Гарик А.? Дорогая редакция...» (Быстро сложил листок и вернул его Зориной. Решительно.) Нет. Не мы.

ЗОРИНА. Как же не вы? Тут подпись: «Пионеры седьмого «А».

НЕЧИТАЙЛО. А что мы одни в седьмом «А» учимся? У нас вон сколько народу: Акопян, Лаптев, Нечаев...

ЗОРИНА (вдруг заинтересовалась.) Нечаев?.. Как его зовут?

НЕЧИТАЙЛО. Юра... Юра Нечаев. Он у нас председатель совета отряда. Вот вам с кем поговорить надо. Да он как раз в школе, я его сейчас позову.

Пытается сбежать, но Таня хватает его за руку и удерживает.

ЗОРИНА (усмехаясь про себя). Ну да... Юра... Юра... Юра Нечаев.

ПЕТРОВ. Товарищ специальный корреспондент. Вы Васку Малышкина протащите в газете, как он у меня черепаха зажил. Сам зажил, а говорит: сдохла.

НЕЧИТАЙЛО. Петров! Найди Нечаева. Быстро.

Петров, ни слова не говоря, протягивает руку. Нечитайло со злостью роется в карманах, достает пятак, отдает Петрову. Петров не спеша уходит.

ЗОРИНА (огляделась по сторонам, увидела надпись на стене). Это кто же постарался?

ТАНЯ. Мы не знаем.

ЗОРИНА. «Грибоедова плюс Акоюн»... Это что же, тот самый Акоюн?

НЕЧИТАЙЛО. Какой тот самый?

ЗОРИНА. Который Гарик А.?

НЕЧИТАЙЛО. Мы не знаем.

ЗОРИНА. Что-то вы ничего не знаете!.. Кто же знает?

НЕЧИТАЙЛО. } Нечаев все знает.

ТАНЯ. }

ЮРА (входя в сопровождении Петрова). Что Нечаев знает?..

ЗОРИНА. Ты Юра Нечаев?

ЮРА. Ну я.

ЗОРИНА. Вот ты, оказывается, какой? Я тебя совсем другим представляла.

ЮРА (Тане и Нечитайло). Наговорили уже?

ТАНЯ (поспешно). Мы ничего не говорили. Мы ничего не знаем. Мы Петрова за тобой послали.

ЗОРИНА. Я из газеты. Специальный корреспондент. Зорина.

НЕЧИТАЙЛО. Вот. (Протягивает Юре письмо.) Вы писали?

ЮРА (прочитал письмо, поднял на Зорину глаза, подумал). Мы... Что, не напечатаете?

ЗОРИНА. Может быть, и напечатает. Мне поручили проверить факты. Так всегда делается.

ЮРА. А чего тут проверять? Вон видите? (Показал надпись на стене.) Про это вся школа знает... Пятно на весь отряд.

НЕЧИТАЙЛО. Точно!

ТАНЯ. Ужас! Такие неприятности!

ЗОРИНА. Какие неприятности? Кому какое дело, кто с кем дружит?

ЮРА. Из газеты, а не понимаете... Дружат...

ТАНЯ (возмущенно). Они вдвоем в кино ходят!

ЗОРИНА. Ну и что же? Ты что, никогда в кино не ходишь?

ТАНЯ. Хожу... Вместе с отрядом. Когда мероприятия... А они «Любовь с первого взгляда» смотрели!

ЗОРИНА. А ты эту картину видела?

ТАНЯ. Никогда в жизни!

ЗОРИНА. Так, может быть, это хорошая картина?

ТАНЯ. Чего хорошего? Все время целуются.

ЗОРИНА. Откуда ты знаешь, что целуются? Ты же не видела.

ТАНЯ. А я... Это... мне... Нечитайло рассказывал.

НЕЧИТАЙЛО. Когда я тебе рассказывал?! Чего врешь-то? Ничего я не рассказывал. Чтобы я на такую картину пошел...

ЗОРИНА. Так... Значит, картину никто не видел...

ПЕТРОВ (вдруг). Я видел. Правда, целуются.

ТАНЯ. Вот видите!

ЗОРИНА. Ну и что же? Это же в картине целуются, а не в зале. (Таня хихикнула.) Не вижу ничего плохого, что мальчик с девочкой пошел в кино. Если они дружат...

ЮРА (усмехнулся). Дружат... Мы не можем оставлять товарища в беде.

ЗОРИНА. В какой беде?

ЮРА. Вот вы говорите: «Кто с кем дружит»... Неважно — кто. Важно — с кем. Вы знаете, что такое Машка Грибоедова?

ЗОРИНА. Ну не знаю.

ТАНЯ. Не знаете, а говорите. Это же такая воображала!

НЕЧИТАЙЛО. Понимает об себе.

ПЕТРОВ. Рыжая вся!

ЗОРИНА. Я тоже рыжая.

ЮРА. Да не в этом дело!

ЗОРИНА. А в чем?

ЮРА. Не в этом... Вот ее отряд сейчас на первом месте по сбору металлолома. А знаете, почему? Потому что она ночью со своими гавриками у сквера государственную ограду разломала.

ЗОРИНА. Не может быть!

НЕЧИТАЙЛО. Еще как может-то! И колпаки с автомобилей воруют. Сегодня вон уже один гражданин приходил... в шляпе, между прочим. Так у него с «Москвича» все четыре колпака сняли!

ТАНЯ. А Машка говорит, из этой ограды и колпаков тепловоз построят и напишут: «Пионерский».

ЗОРИНА (в раздумье). Да-а...

ЮРА. Вот вам и да... Думаете, Грибоедова с Акоюном так в кино ходит?.. Она же все по расчету...

ЗОРИНА. Какой же у нее расчет?

ЮРА. Это вы у нее спросите. Пусть сама скажет...

ЗОРИНА. Да, ты, пожалуй, прав. Надо мне с ней познакомиться.

НЕЧИТАЙЛО (многообещающе). Познакомьтесь, познакомьтесь...

Быстрым шагом входит Гарик Акопян. Он явно взволнован. Глаза блуждают. Наконец его взгляд останавливается на Тане.

ГАРИК. Скрипицына, поди сюда на минутку.

ТАНЯ (испуганно). Зачем?

ГАРИК. Надо. По секрету.

ТАЯ (покасившись на ребят). А у меня нет секретов от моих товарищей. Говори при всех.

ГАРИК. Хорошо... Могу при всех, понимаешь... Пойдем со мной в кино!

ТАНЯ (испуганно). Ку-куда?

ГАРИК. В кино. В «Космосе» «Любовь с первого взгляда» идет. Замечательная картина, понимаешь. До шестнадцати лет не допускаются.

ТАНЯ (в полной растерянности). Я... Я не знаю... как же так... вдруг.

ЮРА (Тане вполголоса). Иди!

ТАНЯ. А Грибоедова?

ГАРИК. Какая, понимаешь, Грибоедова! Не знаю я никакой Грибоедовой!.. Я ей все сказал... Я знаю, что ей нужно... Ей тетя Мара нужна!.. Пузырьки ей нужны!.. Пойдем, Таня?..

ЮРА (с угрозой Тане). Иди... дура!

ТАНЯ (принимая независимый вид). Ну что ж, пойдем, Гарик.

Гарик и Таня уходят. Юра смотрит им вслед удовлетворенно, Зорина — заинтересованно, Нечитайло — с недоумением.

ПЕТРОВ (вдруг громко вслед Гарику и Тане). Тили-тили-тесто, жених и невеста! Тили-тили... (Вдруг голос у него сорвался и перешел в свистящий хрип.) Тили-тили... (Опять ничего не получается. Бедняга Петров охрип окончательно. В ужасе он смотрит на Нечитайло.)

НЕЧИТАЙЛО (Петрову, со злостью). Не-надо было столько мороженого есть. Вымогатель!

Удрученный Петров, хрипло всхлиывая, уходит. Нечитайло смотрит ему вслед. Переводит взгляд на надпись на стене.

НЕЧИТАЙЛО (Юре). А с этим что делать? Стереть?

ЮРА (усмехнувшись). Зачем стирать. Исправь.

Нечитайло подходит к стене, стирает в надписи фамилию «Грибоедова» и вписывает вместо нее «Скрипицына».

ЗОРИНА. А это как же? Два пятна на весь отряд?

ЮРА. Наоборот, ни одного! Скрипицына же из нашего класса.

ЗОРИНА. А-а... Ну да... (Неожиданно.) А что это Гарик насчет какой-то тети Мары говорил?.. И про пузырьки...

ЮРА. Про тетю Мару? Не знаю. Не слышал...

Входит Лаптев, в руках у него авоська. В авоське пузырьки, каждый из которых аккуратно завернут в бумажку.

ЮРА (уходя от Зориной). А-а... Лаптев! Привет. Что это у тебя?

НЕЧИТАЙЛО (ощупал авоську, радостно). Пузырьки!

ЛАПТЕВ. Осторожно! Они не пустые... Там... анализы. Соседка просила в поликлинику отнести.

ЮРА (Зориной). Вот познакомьтесь. Это наш лучший тимуровец Лаптев. У него соседка болеет. Так он ей за хлебом бегает, за продуктами... в аптеку... анализы вот носит в поликлинику. Молодец, Лаптев! Товарищ Зорина про тебя в газету напишет.

ЛАПТЕВ (смущен). Не надо про меня в газету. (Вдруг увидел на стене надпись. Не поверил своим глазам. Посмотрел на ребят. Снова на надпись. Читает.) «Скрипицына плюс Акопян равняется любви»... (Опять обернулся к Юре.) Что за черт?!

ЮРА. Удивляешься?.. Не удивляйся. Все нормально. Дуй в свою поликлинику и быстрее возвращайся. Будем интервью давать.

ЛАПТЕВ. Я мигом!

Побежал было дальше, но вдруг остановился как вкопанный. Навстречу ему, всхлиывая на ходу, идет Таня Скрипицына. Волосы у нее разлохмачены, рукав платья держится на честном слове.

ВСЕ (наперебой). Таня? Скрипицына? Что? Что случилось? В чем дело? Как же кино? Что с тобой?

ТАНЯ (всхлиывая). М-меня Ма-шка Грибоедова... отдушила-а-а. (Заревела в голос.)

ЮРА (с пафосом Зориной). Вот про что надо писать в газетах!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Нечаева. Утро. В пустой комнате звонит телефон. Долго никто не подходит. Наконец появляется Юра, Он в трусиках. Видимо, только встал. Прошел босыми ногами через всю комнату. Снял трубку.

ЮРА (сонно). Алло!.. Да... да, я... Здорово, Лаптев. Что?.. Газету?.. Нет, не читал еще. Что?! Напечатано? Брось трепаться... Нет, в самом деле? (Кричит в другую комнату.) Костя! Костя! Наше письмо напечатали... И статья?.. Какая статья? Ах, Зориной... И про меня написано?.. И про Нечитайло?! Вот здорово! Костя, ты слышишь?

ГОЛОС КОСТИ. Иди ты к чертям. Не мешай спать.

ЮРА (в трубку). Спасибо, что позвонил, Лаптев. Сейчас сбегаю, возьму газету. Пока.

Поспешно ищет ключи от почтового ящика и выбегает. Входит Костя. Идет к телефону. Набирает номер.

КОСТЯ (в трубку). Будьте добры, Ирину... Здравствуй... Это я... Ага... Да... Нет... Я за тобой зайду. (Удивленно.) Ты зайдешь? Хорошо. Когда? Хорошо.

Наша квартира? Двадцать три. Второй подъезд со двора. Третий этаж. Хорошо... Жду. (Кладет трубку. Начинает поспешно приводить комнату в порядок.)

Возвращается Юра с газетами. Он разочарован.

ЮРА. «Правду» принесли, «Комсомолку» принесли. А самого главного нет.

КОСТЯ. Чего самого главного?

ЮРА. Я же тебе говорю. Наше письмо сегодня в газете напечатано. А газеты еще нет.

КОСТЯ. Какое письмо?

ЮРА. Ну про Акопяна. «Прав ли Гарик А.»

КОСТЯ. А вы что? В газету про него писали?

ЮРА. Ага. Чего ж он в Машку Грибоедову влюбился?

КОСТЯ. Он, значит, влюбился, а вы про него в газету?

ЮРА. А что?

КОСТЯ. Да ничего. Я смотрю, дело у вас поставлено... Сразу значит... приковать общественное внимание?..

ЮРА. Точно. К нам даже специальный корреспон-

дент приходил. Товарищ Зорина. Факты проверяла... Ну ей Грибоедова такой фактик подкинула — пальчики облизешь... Эх, жаль, газету еще не принесли... Сейчас позвоню Лаптеву, пусть свою тащит. Почитаем. (Подходит к телефону, набирает номер.) Занято. Уже с кем-то треплется... Хвастается, небось.

КОСТЯ. Ты слушай... ты бы не вертелся тут в таком виде.

ЮРА. А что?

КОСТЯ. Ничего... Ко мне гости придут.

ЮРА (ехидно). Ирина?

КОСТЯ. Не твоё дело. Иди оденься. И вообще лучше выкатывайся.

ЮРА. А куда мне выкатываться?

КОСТЯ. Куда хочешь. В редакцию беги, гонорар получать...

ЮРА (вспомнил). Эх, жаль газеты нет. (Крутит диск телефона.) Опять занято.

КОСТЯ. А тебе не приходило в голову, что газета на Акопяна не подействует.

ЮРА. Как это не подействует?

КОСТЯ. Он же влюблен в нее, в эту Грибоедову.

ЮРА. Разлюбил.

КОСТЯ. А если не разлюбит?

ЮРА. А не разлюбит, мы его на совет дружины вызовем.

КОСТЯ. Зачем?

ЮРА. На статью ведь отвечать надо: «По следам наших выступлений». Ну вот. Обсудим на совете дружины статью... Да, я думаю, до этого дело не дойдет. Акопян сам понимает, чем все это пахнет, не маленький. Он ее теперь в два счета вырвет из своего сердца.

КОСТЯ. А вдруг не вырвет?

ЮРА. Вырвет. Каждый бы вырвал. Думаешь, ты бы не вырвал? Вырвал бы как миленький. (Костя смотрит на брата почти с ужасом. Юра этого не замечает. Он опять крутит диск.) Алло, Лаптев? С кем это ты там треплешься? Да нет, не прочитал еще... Да не принесли мне... Ты вот что: давай захвати газету и дай ко мне... Пока... (Кладет трубку.)

КОСТЯ. Ты штаны сегодня наденешь?

ЮРА. Надену, надену. Успокойся. (Направился было в другую комнату, но в это время раздался звонок в дверь.)

КОСТЯ (панически). Одевайся! (Побежал открывать.)

Юра остановился. С любопытством заглядывает в прихожую: очень ему интересно, как выглядит Ирина.

ГОЛОС НЕЧИТАЙЛО (за сценой). Юра дома?

ЮРА (кричит). Дома! Дома! Входи, Нечитайло!

Входит хмурый Нечитайло. За ним разочарованный Костя.

НЕЧИТАЙЛО. Привет, Нечаев!

ЮРА. Здорово! (Радостно.) Ты знаешь? Наше письмо напечатали.

НЕЧИТАЙЛО (хмуро). Знаю... Вот (Вынул из кармана смятую газету, шлепнул ее на стол.)

ЮРА (разворачивает газету). Что ж ты помял-то? Такая газета, а ты помял... Где же она? Ага! Вот! «Прав ли Гарик А.?». На первой странице напечатали. Вот молодцы! И статья Зориной, смотри!..

НЕЧИТАЙЛО. Читай, читай!..

ЮРА (со вкусом). «Прав ли Гарик А.?» «Дорогая редакция...»

НЕЧИТАЙЛО. Да ты письмо не читай. Мы его и так знаем. Ты почитай, что Зорина пишет.

ЮРА. Сейчас... Сейчас все читаем... И Зорину и все... Так... (Читает.) «Это письмо прислали нам в редакцию пионеры седьмого класса «А»... (Не-

сколько абзацев читает почти про себя, так что слышно лишь удовлетворенное бормотание да отдельные слова.) Молодец! Хорошо пишет! Легко так читается и с интересом.

НЕЧИТАЙЛО. Ты дальше, дальше смотри. Вот тут. Вот. (Тычет пальцем.) «Тогда-то председателю...»

ЮРА (читает). «Тогда-то председателю совета отряда Юре Нечаеву...» Хм... «председателю совета отряда Юре Нечаеву пришла в голову блестящая мысль...» Хорошо сказано... «...блестящая мысль. Зачем, решил он, тратить время на поиски пузырьков, когда их можно просто взять в аптеке! Мы просим Гарика, Гарик просит тетю...» (Смысл прочитанного неожиданно дошел до Юры. Он не поверил своим глазам.) Что?!

НЕЧИТАЙЛО. Во-во!

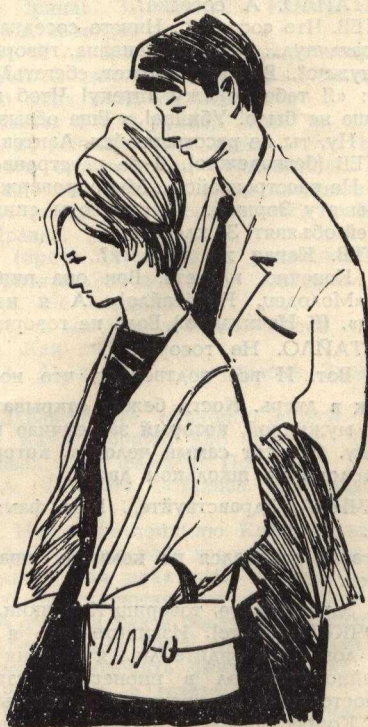
ЮРА (перечитывает). «...можно просто взять в аптеке! Мы просим Гарика. Гарик просит тетю...» (Растерянно смотрит на Нечитайло.) ...Кто протрещался? Ты?

НЕЧИТАЙЛО (обиженно). Конечно, я. Кто же еще? Ты гляди сюда. (Читает, вода пальцем по строкам.) «...Недолго думая, Нечитайло крадет колпаки с автомобиля «Москвич», принадлежащего персональному пенсионеру товарищу Курочкину, приносит их Нечаеву, а тот вместо того, чтобы осудить этот безобразный поступок, хвалит приятеля: «Молодец, Нечитайло!.. Из этих колпаков тепловоз построят и напишут на нем: «Пионерский»...»

ЮРА. Клевета!.. Я не говорил: «Молодец»!

НЕЧИТАЙЛО. Какая разница: говорил — не говорил. Ты дальше читай. Вот тут.

ЮРА (читает). «А тимуровец Лаптев окружает заботой больную соседку. Вы думаете, он заботится о ее здоровье? Ничуть не бывало, соседке, видите ли, «тачками возят разные лекарства». А лекарства эти, как вы догадываетесь, в пузырьках. И лишь одно

Ирина и Костя.

беспокоит Лаптева: вдруг соседка поправится...» (Снял газету, отшвырнул.) ...Все! Все выведала! Ненавижу этих корреспондентов. (Вдруг кидается на Костю.) А ты чего хихикаешь? Тебе смешно? Да?

КОСТЯ (его душит смех). Нет... Мне грустно... (Смеется.)

ЮРА (кричит). Тебе смешно?.. Родного брата на всю страну оклеветали, а тебе смешно? (Хватается за голову.) Ну кто? Кто мог ей рассказать?!

НЕЧИТАЙЛО. Ясно кто. Скрипицына. Про всех написано, а про нее ни строчки.

ЮРА (схватил газету). Точно! Ни строчки... Ну, я сейчас покажу этой Скрипицыной!.. (Срывает трубку, бешено вращает диск.) Алло. Таню... Куда ушла?.. Как это не знаете? Кто это говорит? Мама?.. Что же вы, мама, а не знаете... Это Юра говорит. Что значит, какой Юра? Юра Нечаев, председатель совета отряда... Да, да, тот самый. (Вдруг изменился в лице.) Что?.. Почему? Почему больше не звонить?.. Ах, вот оно что! Пожалуйста! Могу и не звонить! (Раздраженно бросил трубку.) Подумаешь!.. Она не подозревала, что у Танечки такие нехорошие друзья... НЕЧИТАЙЛО. Что? Уже прочитала?

ЮРА (с досадой). Ну да!.. Все уже прочитали... Как назло, все... Ну, ничего... Попадется мне эта Таня!

Звонок в дверь. Костя бежит открывать. Возвращается с Лаптевым.

КОСТЯ (явно развлекаясь). Здорово, Лаптев! Привет одному из лучших представителей славного тимуровского движения.

ЛАПТЕВ (жалобно). Не надо, Костя.

ЮРА (брату). Чего пристал к человеку? Без тебя тошно, а ты... (Лаптеву.) Ну как?..

ЛАПТЕВ. Прямо хоть из дому беги... А во двор вышел—малышня проходу не дает. Пальцами показывают: «Тимуровец идет, гляди—тимуровец, тот самый».

НЕЧИТАЙЛО. А соседка?

ЛАПТЕВ. Что соседка?.. Ничего соседка... Я к ней сегодня заглянул... Вера Степановна, говорю, вам ничего не нужно?.. В аптеку, может, сбежать? А она как закричит: «Я тебе покажу аптеку! Чтоб ноги твоей тут больше не было! Убийца!» Еще обзывает... ЮРА. Ну, ты не расстраивайся, Лаптев.

ЛАПТЕВ (безнадежно). Я не расстраиваюсь.

ЮРА. Не расстраивайся... Мы опровержение напишем... Мы эту Зорину... Ее с работы снимут. И... и выговор ей объявят! За клевету.

ЛАПТЕВ. Какая же клевета?..

ЮРА. Конечно, клевета. Вон она пишет, что я сказал: «Молодец, Нечитайло!» А я не говорил: «Молодец». (К Нечитайло.) Ведь не говорил?

НЕЧИТАЙЛО. Не говорил.

ЮРА. Вот. И все подтвердят, что не говорил...

Звонок в дверь. Костя бежит открывать. Возвращается с мужчиной, который застенчиво мнет в руках шляпу. Это тот самый человек, который рылся в металлоломе на школьном дворе.

МУЖЧИНА. Здравствуйте... Моя фамилия—Курочкин...

Нечитайло заметался по комнате, ища, куда бы спрятаться.

ЮРА. Здравствуйте, товарищ Курочкин.

КУРОЧКИН (Косте). Извините, что я вторгаюсь в чужой дом... Но, видите ли... я сегодня совершенно случайно прочитал в пионерской газете... Мой внук—постоянный подписчик этой газеты...

ЮРА. Корреспонденция товарища Зориной неправильно освещает факты... На днях будет напечатано опровержение.

КУРОЧКИН. Вот как... Простите, я не знал... Но там написано, что некий Нечитайло украл... прости... снял колпаки с моего «Москвича» и дал их в фонд постройки нового тепловоза... Я, конечно, понимаю... стране нужен металл и... все такое... но...

ЮРА. Но вам хотелось бы получить свои колпаки обратно?

КУРОЧКИН. Вот именно. Если, конечно, они еще не попали в переплавку.

ЮРА (идет в угол, достает колпаки, выкладывает их на стол). Вот ваши колпаки... Можете забрать... Только я хочу, чтобы вы знали правду... Нечитайло не брал ваших колпаков, как пишет гражданка Зорина. (Нечитайло полоумными глазами смотрит на Юру.) Наоборот! Пионер Нечитайло... кстати, вот он, познакомьтесь. (Выгаликивает вперед Нечитайло.)

КУРОЧКИН (совершенно счастливый, прижимает к груди колпаки). Очень приятно.

ЮРА. Пионер Нечитайло задержал группу хулиганов из 7-го класса «Б», где председателем Машка Грибоедова из 46-й квартиры. Нечитайло отобрал у них колпаки и передал мне на сохранение.

КУРОЧКИН. Большое тебе спасибо, мальчик.

ЮРА. Я думаю, товарищ Курочкин, будет очень хорошо, если вы напишете о поступке Нечитайло в «Пионерскую правду». Так сказать, поблагодарите его в печати. А заголовок можно такой: «Так поступают пионеры».

КУРОЧКИН (двигаясь к выходу). Да, да... я обязательно напишу. Очень хороший заголовок... До свидания... Спасибо...

ЮРА (закрывая за Курочкиным дверь). До свидания... (Возвращается в комнату.) Частник проклятый!

Нечитайло и Лаптев смотрят на Юру, не скрывая восхищения.

КОСТЯ (разводя руками). Ну, знаешь... Никогда бы не подумал, что ты у нас такой... способный.

ЮРА. А ты молчи... Про тебя напишут, еще не так выкручиваться будешь... Теперь бы еще, Лаптев, соседку твою обработать.

ЛАПТЕВ (безнадежно). Ее не обработаешь. У нее сердце...

ЮРА. Не вешай нос, Лаптев... Мы обязательно опровержение напишем. Эту Зорину за клевету судить будут. И Скрипицыну тоже... Значит, так. Надо действовать... План у меня такой... (Звонок в дверь. Юра кивнул Косте.) Иди, встречай свою Ирину.

КОСТЯ. Оденься. Ты же без штанов.

ЮРА (только сейчас заметил, что он действительно без штанов). Вот пристал. Тут такие дела, а он с какими-то штанами. (Пошел одеваться.)

Костя идет открывать. Возвращается с Таней Скрипицыной.

ТАНЯ. Здравствуйте, мальчики.

Нечитайло демонстративно отворачивается. Лаптев хотел ответить, но взглянул на Нечитайло и промолчал. Таня, недоумевающая, смотрит на Костю.

КОСТЯ (ободряюще). Ничего, ничего. Не робей. Входит Юра. Увидел Скрипицыну. Недобро усмехнулся.

ЮРА. Явилась... Хорошо...

ТАНЯ (доставая газету). Читали?

ЮРА. Читали... Мы читали... Все читали! Даже товарищ Курочкин и то читал! Можешь радоваться!

ТАНЯ. А чего ты кричишь?.. Я понимаю, тебе неприятно...

ЮРА (Лаптеву). Видал? Мало ей того, что на всю страну нас опозорили, еще пришла полюбоваться на наши мучения... Ну что ж! Любуйся. Вот! Смотри! Наслаждайся! (Рвет на себе рубаху.)

ТАНЯ. Вы можете наконец объяснить, в чем дело?
ЮРА (издеваясь). А ты не понимаешь?.. Ты, конечно, ни при чем!..

НЕЧИТАЙЛО. Хватит придуриваться, Скрипицына. Ты зря сюда пришла... Сейчас мы тебя будем бить... (Направляется к ней.)

ТАНЯ (отступая). За что? Вы обидели, что ли?
ЮРА (истерично). Предателей всегда бьют. Дай ей, Нечитайло!

Нечитайло направляется к Тане, подняв кулак.

КОСТЯ (перехватывая руку Нечитайло). Ну, ты! Поосторожней.

ЮРА. Вот!.. Защитничек нашелся!.. Рыцарь!.. (Как ругательство.) Джентльмен!

КОСТЯ. Молчи... Отец придет, все ему расскажу. А ты молодец, Таня. Ты поступила правильно.

ТАНЯ. Как я поступила?

КОСТЯ. По-пионерски. Давно уже было нужно сделать достоянием гласности все безобразия, которые творятся у вас в отряде.

ТАНЯ. Какие безобразия? У нас нет никаких безобразий! Это в седьмом «Б» безобразия. У Машки Грибоедовой!

КОСТЯ. Тыфу ты! Разбирайтесь тут сами. (Уходит.)

ЛАПТЕВ. Не надо, Таня. Не притворяйся. Мы все знаем.

ТАНЯ (кричит). Что вы знаете?!

ЛАПТЕВ (проникновенно). Мы знаем, что ты все рассказала Зориной. Может быть, ты и права. Может быть, действительно настоящие пионеры так и должны поступать. Но я тебе скажу откровенно... ЮРА (вдруг взрывается). Дай ей, Нечитайло!

ТАНЯ (наконец-то она все поняла). Дураки! Психи ненормальные!.. Такое на человека подумать... (Вдруг заплакала.)

Все смотрят на нее, несколько озадаченные.

НЕЧИТАЙЛО. Москва слезам не верит.

ТАНЯ (сквозь слезы). И не верьте! Не верьте, пожалуйста! Мне все равно... И правильно мама не хотела меня сюда пускать... (Подходит к Нечитайло.) Ну бей!.. Бей!.. Что же ты стоишь? Бей! (Нечитай-

Юра Нечаев.

ло отступает.) Ну ударь! Ударь! (Вдруг.) Я тебе так ударю — своих не узнаешь!

ЛАПТЕВ (обрадованно). Я говорил: не она!

ТАНЯ. А ты молчи лучше!

ЮРА. Ну ты не горячись, Скрипицына... Ну ошиблись мы... Со всяким может случиться!

ТАНЯ. Ах, со всяким!.. Так вот, пусть с вами и случается! А мне на вас наплевать! Лаптев! За мной! (Пошла к выходу. Лаптев покорно заспешил следом.)

ЮРА. Лаптев!.. Куда?.. Мы же опровержение собирались...

Лаптев остановился в нерешительности. Подумал. Махнул рукой и побежал за Таней.

ЮРА. Стой! Лаптев! (Высовывается в окно.) Лаптев!.. Скрипицына... (Вдруг, в полном отчаянии.) Тили-тили тесто, жених и невеста! (Спрыгивая с подоконника.) Все из-за тебя, лопуха... Такого человека потеряли. Расшумелся тут: «Она! Она! Про нее ни строчки!..»

НЕЧИТАЙЛО. Какого человека? Лаптева?

ЮРА. При чем тут Лаптев? Лаптев завтра обратно прибежит. А вот Скрипицына всерьез обиделась.

НЕЧИТАЙЛО. Ну и наплевать. Пусть обижается.

ЮРА (раздраженно). Тебе все пусть. А откуда я теперь новости узнавать буду?

НЕЧИТАЙЛО. Петров все знает. Можно его попросить.

ЮРА (с нескрываемой иронией). Попроси... попроси Петрова. Мало на мороженое потратил?.. (Нечитайло глубоко вздохнул.) И все-таки одного не пойму... Если не Скрипицына, тогда кто?..

Входит Зорина.

ЗОРИНА. Здравствуйте... Там дверь не заперта...

Юра и Нечитайло смотрят на нее, как на привидение. Из другой комнаты выходит Костя. Увидев Зорину, обрадовался и смутился.

КОСТЯ. Ирина!.. Здравствуйте!.. Извини, я не слышал, как ты звонила.

ЗОРИНА. Я не звонила. Там дверь открыта.

НЕЧИТАЙЛО (вполголоса Юре). Я пойду, пожалуйста... А то меня мама просила...

ЮРА (хватая его за рукав). Стой!

КОСТЯ. Вот, познакомься, Ирина... Это мой брат... Юра... А это его товарищ — Нечитайло... Фамилия у него такая — Нечитайло. Правда, смешная?

ЗОРИНА (глядя на растерявшихся ребят, улыбается). Правда, смешная.

КОСТЯ (пряча смущение за развязность). Знакомьтесь, ребята. Это вот моя... знакомая... Ирина... Знакомьтесь. Не стесняйтесь.

ЗОРИНА. А мы уже знакомы, Костя.

КОСТЯ. Как знакомы?

ЗОРИНА. Да вот, так получилось. Здравствуйте, ребята.

ЮРА. Здравствуйте, товарищ Зорина.

КОСТЯ. Какая Зорина? Кто Зорина?.. Ты же все Потапова... Твоя фамилия Потапова?

ЗОРИНА. Фамилия Потапова. А псевдоним Зорина.

КОСТЯ. Ничего не понимаю. Какой псевдоним?

ЗОРИНА. Ну я же тебе говорила: у нас в институте преддипломная практика... И меня послали в пионерскую газету, поскольку я когда-то работала вожатой. А тут как раз в редакцию пришло письмо: «Прав ли Гарик А.?» Ну и мне поручили заняться этим письмом. Проверить факты и, если окажется нужным, выступить в газете.

ЮРА. Скажите, пожалуйста, товарищ... Зорина или Потапова...

ЗОРИНА. Можешь называть меня просто Ирина.

ЮРА. Скажите, пожалуйста... А что, это так полагается, чтобы в печати клеветать на честных пионеров?
ЗОРИНА. А кто клеветает?
ЮРА. Вы!

ЗОРИНА. Я?!
ЮРА (берет газету). Вот вы пишете, что я сказал Нечитайло: «Молодец». А вы слышали, как я это говорил?

ЗОРИНА. Ну, положим, не слышала.
ЮРА. Так как же можно писать, если вы не слышали? А если я не говорил «Молодец»? А?. И Нечитайло может подтвердить... Ведь не говорил, Нечитайло?

НЕЧИТАЙЛО. Я... я не помню...
ЮРА. Как же не помнишь?
ЗОРИНА. Ну, хорошо. Допустим, не говорил. Допустим, что тут я тебя оклеветала. А все остальное?
ЮРА. Что остальное?

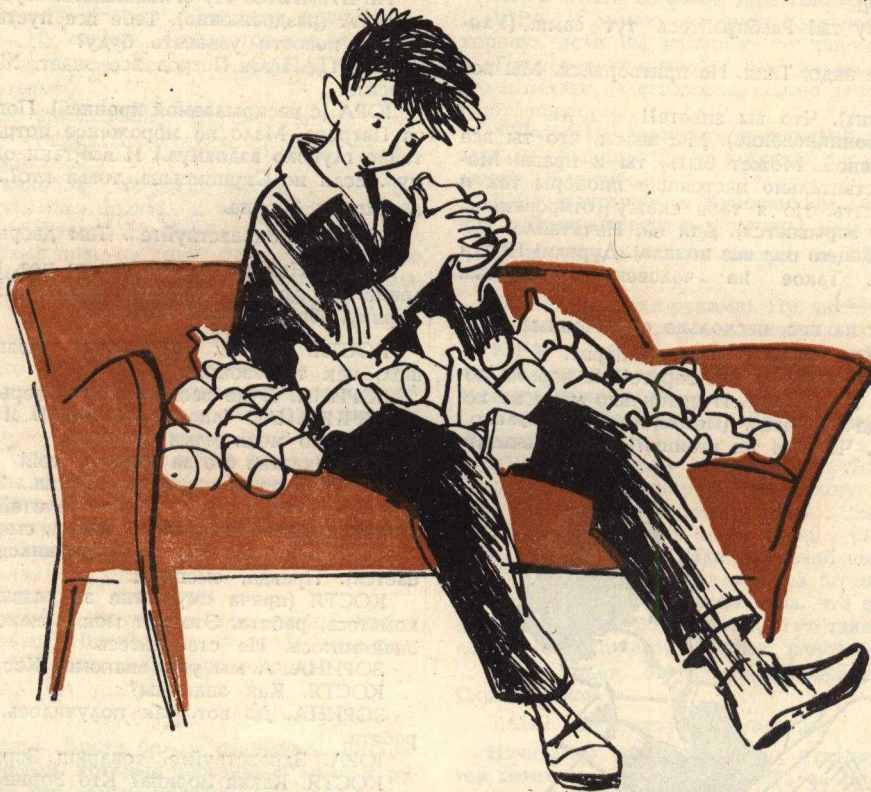
ЗОРИНА. Ну, как вы пузырьки хотели в аптеке взять, как Нечитайло колпаки спер, как Лаптев соседке помогал... Это-то правда.

ЮРА. Нет!
ЗОРИНА. Правда.

ЮРА (как эхо). Ага... Вы тоже уходите...
ЗОРИНА. До свидания, Юра... Это хорошо, что все ушли... Посиди, подумай. Это иногда полезно.
ЮРА. Ага... Полезно.
КОСТЯ. Пока. (Уходит вместе с Ириной.)

Некоторое время Юра сидит в одиночестве. На его лице полное безразличие. Вдруг стремительно входит Гарик Акопян с чемоданом в руках. Юру даже не удивило его появление.

ГАРИК (взволнованно). Ты один?
ЮРА. Один...
ГАРИК. А я к тебе.
ЮРА. Ко мне...
ГАРИК. Я хотел тебе морду бить, понимаешь?
ЮРА. Ага... бить морду... понимаю...
ГАРИК. Только меня Машка отговорила.
ЮРА. Машка отговорила...
ГАРИК. Если бы не Машка, я б тебе показал, прав ли Гарик А. ...Иди, говорит, к Нечаеву, отдай ему это. (Показывает чемодан.)
ЮРА. Чемодан?.. Зачем? Мне чемодан?
ГАРИК. Отдай ему это... пусть подавится...

ЮРА. Откуда вы знаете, что это правда?
КОСТЯ (поднимая голову от газеты, которую он только что дочитал). А это я все рассказал!

ЮРА (потрясен). Ты?!
КОСТЯ. Да... Я не знал, правда, что Ирина в газете практику проходит. А если бы знал, тем более рассказал бы...

ЮРА. Рассказал... (В растерянности садится, почти падает на диван.) Про родного брата?!

НЕЧИТАЙЛО. Я пойду, пожалуй. (Стараясь сделать незаметней, исчезает.)

ЮРА (безнадежно). Нечитайло... Куда же?.. Нечитайло...

КОСТЯ. Ушел твой Нечитайло... Мы тоже уйдим.

Гарик распаковывает чемодан, и из него на сидящего Юру сыплются аптечные пузырьки.

ЮРА (на миг в его лице появилось что-то похожее на радость). Пузырьки... хм. Пузырьки... Пузырьки... (Он тупо повторяет это слово, и лицо его принимает прежнее безразличное выражение.)

ГАРИК. Да! Пузырьки!.. Сто одна штука! Все, что Машка Грибоедова со своими гавриками собрала! Все тебе отдает! Понимаешь! Можешь подавиться!

Гарик уходит с видом человека, исполнившего рыцарский долг. Юра сидит заваленный пузырьками, тупо смотрит на них. Потом взял один в руки, внимательно рассматривает и тихо смеется.

ЮРА (смеясь). А на горлышке-то... трещина...

Тайна летучего яда

О ТОМ, ЧТО ВЫ ТОЛЬКО ЧТО ПРОЧЛИ

Вот одно предположение, которое можно опровергнуть или подтвердить, отнести к нему скептически или исследовательски...

Может быть, дело было так.

В зону действия одной дружины попала аптека. Объект серьезный. Ребята собирали и сдавали туда разные лекарственные травы, развешивали в зоне медицинские плакаты, а еще снабжали аптеку тарой: обнаружатся у кого-то дома ненужные свободные флакончики из-под лекарств — ребята сдают их в аптеку. Наверное, все было так. И чья-нибудь мама, покупая настойку валерианы, вдруг улыбалась, вспомнив, как сын копал целебные корни. Улыбалась — и никакие капли ей в тот вечер были не нужны.

Но вот однажды приключилось вроде бы пустяковое происшествие. Какое? Нам точно не известно, как, впрочем, и не известно, так ли именно жил прежде отряд. Ведь это все только предположение. Разбился пузырек, на вид пустой. И какое-то странное вещество вмиг улетучилось из него. Повевало на ребят ледяным, ядовитым дыханием. Вроде как на Кая из «Снежной королевы» Андерсена. Только у Кая вместо сердца образовался осколок льда. А у ребят (в соответствии с новым, двадцатым веком) сердца превратились в маленькие счетные машины.

Сердца перестали чувствовать. Они обрели способность только считать. Щелк-щелк — вылетела цифра: 70 кг металлолома. Щелк-щелк — еще цифра: 1 кг лечебной ромашки. Щелк-щелк — 10 пузырьков для лекарств.

Председатель совета отряда 7-б «А» Юрка Нечаев глотнул, наверное, самую большую порцию летучего яда. (Не по жадности. Он был прежде очень славным парнем. Иначе бы его и не выбрали. А по несчастью.) И его счетная машина заработала оголтело, бесперебойно, подсчитывая все подряд, направо и налево, в своем отряде и в соседнем, Машином отряде.

У Юрки заболела от цифр голова. Он не навидел эти цифры. И Юрка придумал

план, как обставить Машу. Бессовестный и бесчестный план. Но ведь и совесть и честь хранятся, как известно, в человеческом сердце. А сердце-то ведь в машину превратилось. Где ж их взять — и честь, и совесть, и человечность, и доброту?

Чтобы выполнить план, нужны были помощники. Нашлись и они — ребята, тоже глотнувшие летучего яда.

Может, поменьше, чем Юрка. Ну да все равно уж иммунитет против Юркиной затеи был потерян. Внутри тоже пощелкивало что-то. Выстоял только Гарик Акопян. Остальные вместе с Юркой затеяли чудовищное дело. Как все это было, рассказывает зло, печально и смешно пьеса А. Хмелика «Пузырьки».

Но не ищите в пьесе истории с летучим ядом. Это только одно из многих наших предположений о необыкновенном превращении советского пионера в бессердечного негодяя, дельца, жулика.

Я никогда не встречала таких ребят. Я никогда не встречала таких отрядов. Хоть работала вожатой долго. Отрядной и старшей. В школе и в лагере.

Нет, таких отравленных не было.

И какое было бы счастье, если бы я смело, с чистой совестью могла сказать: «Нет, даже и чуточку похожих не бывает!»

Но яд, улетевший из разбитого пузырька, наверное, очень силен. Очевидно, достаточно микродозы, чтобы он оказал свое страшное действие.

Помню один совет дружины. Председатели рассказывали о том, как работали отряды, чем занимались прошлую неделю. Семиклассники уже отчитались. У них новое увлечение. Почти всем отрядом — и мальчишки и девчонки — начали заниматься в дружинном ансамбле «Дружба». Первые репетиции. Вызов всем мальчишкам дружины: «На сцену, хлопцы!» Это было самым значительным для них — об этом они и рассказали. Но когда стали подводить итоги за неделю, семиклассников отодвинули чуть ли не на последнее место.

Ни одного «трудового дела» они не назвали. Газету к сроку не выпустили. Подумаешь, танцуют... Положение было обидным. И тогда сработала микродоза летучего яда: «А лестница?»

— Какая лестница?

— Обледеная. Вот какая!

— Лестницу кто очистил в городке?

— Ну, Мишка, Толя, Володя! — зашумел совет дружины. — Все из седьмого.

— Трудовое дело? Тогда засчитывайте.

— Так... А малышам кто газету оформил? Видели там наши традиционные кукольные карикатуры? Где такие карикатуристы?

— В седьмом!

— И это засчитывайте! (И это засчитали.)

Эх, лучше бы тогда семиклассники не вспомнили этого! Лучше бы остались ту неделю не в передовых. Да зато бы — чище сердцем. Не стали бы подсчитывать да подщелкивать то, что, в общем, даже и не дело, требующее организации, участия всего отряда, а просто естественное проявление человечности. Ну, шли из школы, увидели, как трудно карабкаются пешеходы по замерзшим ступеням в гору — и бегом за ломом и лопатами.

Почистили — дальше пошли. Ни о каком месте, ни о каком совете дружины не думали. Просто не могли иначе. То же и с октябрятами. Заглянули к ним. Увидели, как те пыхтят над газетой. «Ну-ка, мелюзга!» — и такую газетку сделали, — малыши не отходят. И ни о чем бы ребята не докладывали, если бы не предательский яд. Всего какая-нибудь крошечная пылиночка. Одно дуновение. И хорошие, добрые сердца начинают пощелкивать: «Очищено семь ступенек», «Нарисовано две карикатуры», «Выпущена одна газета», «Проведены две репетиции», «Записалось в ансамбль 25 человек», «Разучен один танец». Щелк-щелк-щелк!

Я помню, как, выходя поздно вечером из школы, застала на школьном дворе четвероклашек. Они вертелись у кучи металлолома и что-то писали школьным мелом на всяких железках. «4-й «Б», — прочла я.

— Это зачем?

— Чтоб «Соколенок» не уташил. Знаете, какой «Соколенок»? (Это о 4-м «А».) Они у нас уже перетаскивали.

Мне стало холодно. Хотя был теплый майский вечер...

Такие маленькие ребята.

Такие ясные, открытые сердечки. А уже что-то пощелкивает. Проклятый яд! Какой сильный!

Все переворачивается в головах. Вместо соревнования, кто выше поднимется, кто дальше полетит, получается соревнование, кто ниже опустится, кто больше сподличает, кто лучше вывернется, выгоднее выставит свой отряд.

Однажды я сама испытала действие

этого коварного яда. В то время я уже работала преподавателем русского языка.

Мне предложили временно заменить заболевшую преподавательницу в классе, где все ребята входили в отряд — спутник семилетки. Пионерская слава этих ребят была доброй и звонкой. Я была дружна с ними еще старой, вожатской дружбой. Встретились мы хорошо. Но потом, от урока к уроку, росло мое огорчение.

Они дьявольски ловко списывали, артистически подсказывали. На первых уроках я не выдавала себя. Только наблюдала. Присматривалась. Двоек не было. Когда уловила «секреты мастерства», пошла в атаку. Они продолжали ловчить. Диктант — 11 двоек. Слезы. Мольбы: «Не ставьте! Мы же «Спутник». Как же мы на совете дружины скажем?» И что-то тоже перевернулось в моей голове. В тот раз я не поставила эти отметки в журнал. Коварный яд! Я верила в то, что я тоже делаю это во имя спасения чести отряда-спутника. Верила искренне. Иначе, зачем бы я так поступила? Потом, когда затмение прошло и я обрела способность здраво мыслить, началось сражение. За настоящую честь отряда. Оно шло широким фронтом. Целая баталия. Ломались шпаги и копья.

Это был бой за пионерское сердце, за правду.

Он не закончился, этот бой. Потому что не исчез бесследно яд, улетучившийся однажды из разбитого пузырька. И надо выручать ребят, отравленных этим веществом. Надо за них драться! Здесь нужны люди стойкого иммунитета — настоящие пионеры, те, кто бесстрашно кинется спасать товарищей, обезвреживать все участки от ядовитых частиц.

Читаешь комедию «Пузырьки» и видишь, как остро ненавидит драматург летучий яд подлости, лжи, обмана ради мелкого тщеславия, ради краденой, настоящей славы. Вот почему он сознательно выводит в своей пьесе отряд пионеров, которого не встретишь в жизни. Он нарочно доводит низость обманщиков до предела, до какой-то невыносимой концентрации. Чтобы тебе было виднее и понятнее, как сражаться против этой лихой беды.

Драматург зовет тебя к строгому взгляду на себя и твоих товарищей. Прочтя последнюю строчку пьесы, не спеши листать журнал дальше. Остановись, подумай. Это очень важно!

Ирина ЗАРАХОВИЧ

КАК ТЫ УЧИШЬСЯ?

ПИОНЕРСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТУ. СЕГОДНЯ НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСВЯЩЕНО РАБОЧЕМУ МЕСТУ.

Начнем с простого опыта. Две группы ребят — мальчиков и девочек — получают задание: из картонных букв сложить несколько разных слов — кто больше. Работают группы в разных условиях. Для одной поставлены столы, на которых, кроме набора букв, ничего нет. Для другой — столы, загроможденные посторонними предметами. И что же? Первая группа выполняет задание вдвое лучше. За одно и то же время — 64

слова против 34! **Вывод:** ничего лишнего на рабочем месте.

Еще один опыт, более сложный. Взгляните на снимок. Дикий хаос, не правда ли? Так занимается московский школьник Олег Суворов.

Сотрудник нашей лаборатории в течение недели следил по хронометру, как он делает уроки. Оказалось, что двадцать восемь процентов времени — почти треть! — Олег тратит на поиски учебников, тетрадок, карандашей...

Но вот его рабочее место переоборудовано. Полочку с учебниками мы вместе с ним прибили над столом так, чтобы любую книжку можно было достать, не вставая с места. Ручки, отточенные карандаши, резинки, перочинный ножик в особой коробочке. На специальном гвоздике — разные линейки и угольники.

Пустяковые перемены? Но на уроки у Олега стало уходить времени вдвое меньше.

Что же, однако, произошло? Если с помощью хитрого прибора электроэнцефалографа посмотреть, что делалось у Олега в мозгу, когда он сидел за уроками, заметишь: всякий раз, как он принимается искать исчезающую промокашку, резинку или линейку, линии и зубцы, показывающие работу клеток мозговой коры, приходят в беспорядочное движение. Лишь некоторое время спустя они принимают тот вид, который говорит о высоком уровне умственной работы. После каждой внезапной остановки мозг должен был заново включаться «входить» в работу.

Вывод: все необходимое для занятий должно быть под рукой, на привычном месте.

Сколько нужно света? На одной швейной фабрике провели опыт. Группа работниц шила при разной освещенности комнаты — то чересчур яркой, то совсем тусклой. Обнаружилось, что и в том и в другом случае работницы сделали за час гораздо меньше, чем обычно.

Вывод: свет помогает, когда он в меру!

О том, что свет должен падать на стол слева, ты, конечно, знаешь. Но есть еще и другие важные правила. Начнем с абажура. Что это? Украшение? Нет, это защитник твоих глаз и даже больше — помощник. Благодаря абажуру свет падает только на книгу, которую ты читаешь, а вся комната скрыта в полумраке. Получается, как в опыте со столом, где нет ничего лишнего, ничто не отвлекает.

Вывод: светом надо уметь пользоваться.

Красный и желтый свет утомляет глаза, белый — меньше (матовое стекло). Лучше всего зеленый свет. И не только свет. Зеленая бумага на столе полезна для глаз.

Вывод: помощником может быть не только свет, но и цвет.

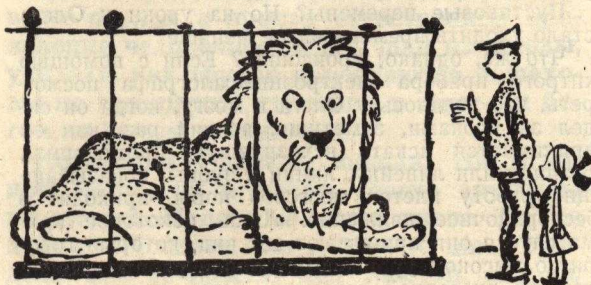
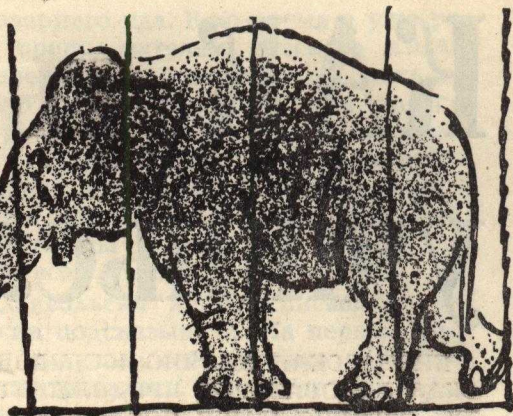
Вот стол Олега, каким он был недавно. А как у тебя? Посмотри на последнюю страницу обложки. Наша лаборатория предлагает тебе удобную модель рабочего места.

ЗООПАРК

Я ходила в зоопарке,
Видела я там зверей:
И слона, и обезьяну,
И лису, что всех хитрей,
Тигра, льва и носорога...
Даже страшно там немного.

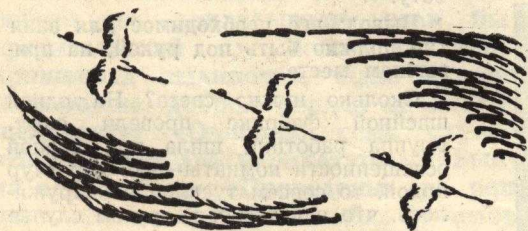
Наташа Тищенко,
11 лет, г. Истра,
Московской области.

ВЕСНА

Тает снег голубой на крыше,
Звонкая дробь капелей слышна,
Солнышко всходит все выше...
И скоро придет весна!
Ручей бежит по дороге,
И с горки бежит ручей.
И ждать остается немного
Ранних гостей — журавлей.

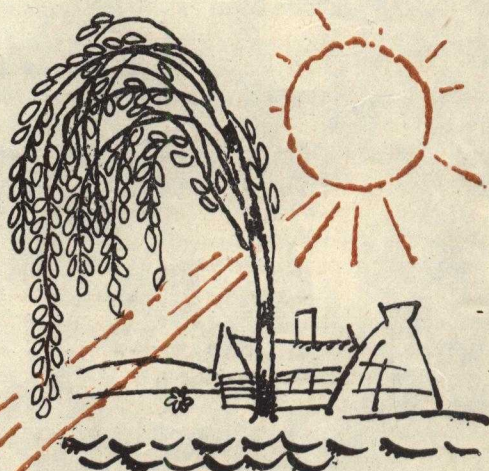
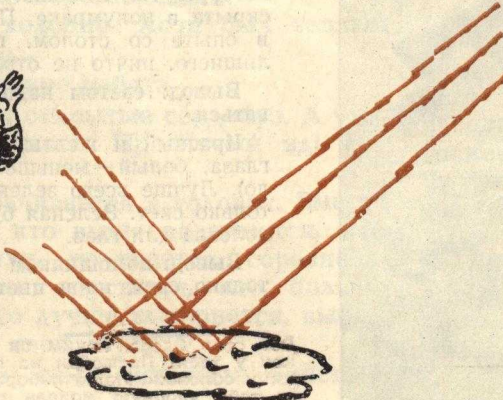
Ирина Киях,
5-й класс, г. Кировск.

ЛУЧ

Солнце каплет лучом на дорожку,
Прямо в глаза мне брызжет из лужицы.
Зажмуришься — будто какая-то мошка
Золотисто-синяя перед носом кружится.

Оля Данилова,
8-й класс, г. Крымск.

БЕРЕЗКА

Растет одна березка
У самой реки,
Висит одна сережка
До самой земли.

Зоя Тю,
10 лет, Алма-Ата.

МАРТ

Стоят, задумались дома:
Это весна или зима?
Снег идет — это зима,
Тает лед — это весна.
Солнце греет — это весна,
Все леденеет — это зима.
Дождик и снег — вот кутерьма!
Это весна,
Или все же
Зима?

Боря Ахметзянов,
13 лет, г. Оха-на-Сахалине.

Рисунки Е. МОНИНА.

Стояла скамейка,
На скамейке лейка,
На лейке кружка,
На кружке стружка,
На стружке паучок,
На паучке колпачок.

Оля Серебрякова,
6-й класс, г. Камышлов.

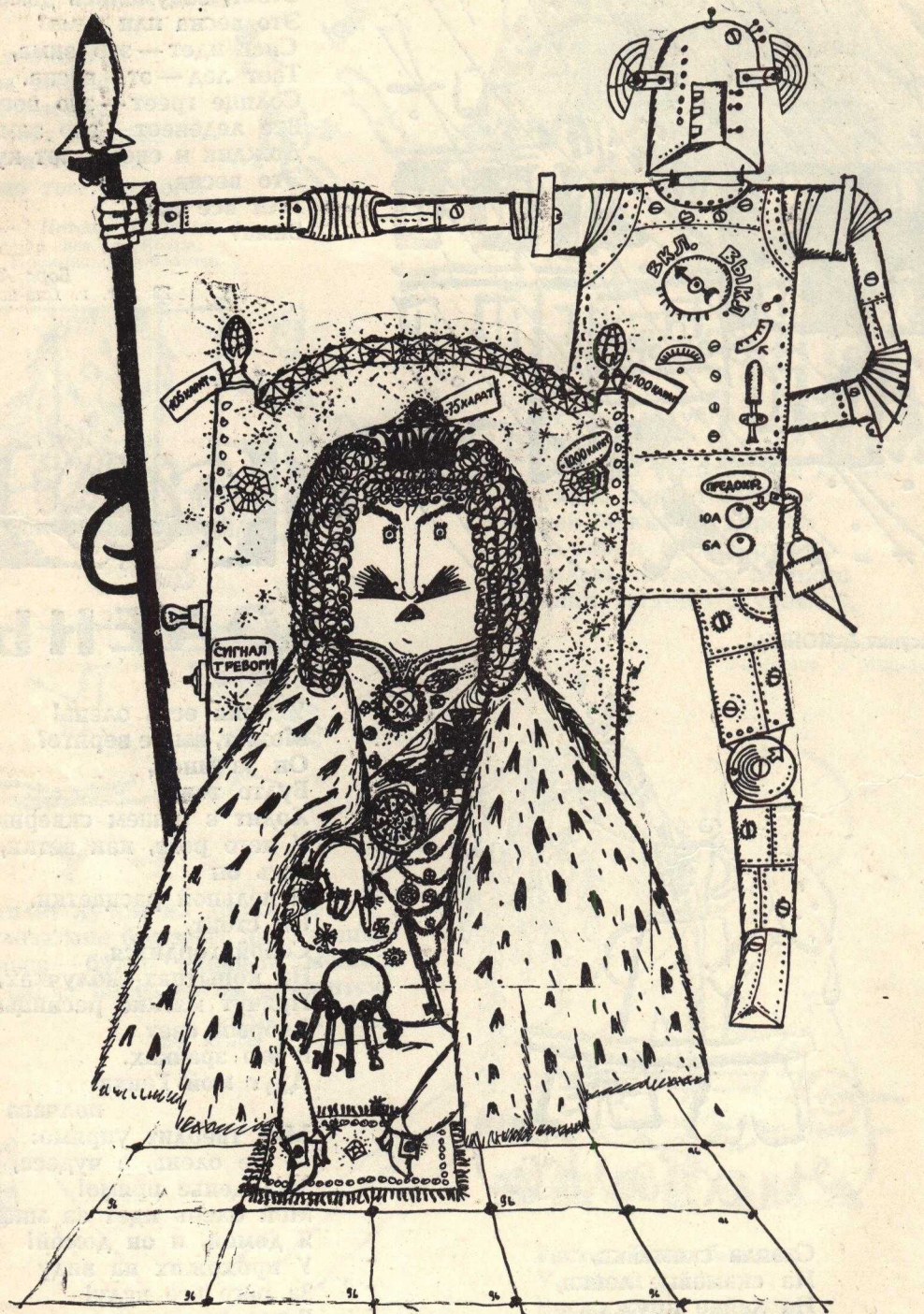
ОЛЕНЬ

У меня есть олень!
Может, вы не верите?
Он за мной,
Будто тень,
Ходит в нашем скверике.
У него рога, как ветки,
Весь он
Пепельной расцветки.
Он стоит,
Собой гордится,
На копытцах-каблучках,
Прячут мягкие ресницы
Добрый свет
В его зрачках.
Друг мой Генка

полчаса

Мне твердит упрямо:
— Не олень, а чудеса,
Загляденье прямо!
Мой олень идет за мной:
Я домой, и он домой!
У прохожих на виду
За рога его веду!
В теплых печках-валенках
Я хожу весь день...
На пушистых варежках
Вышит мой олень.

Боря Ахметзянов

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Сказка

Король Кипрозии Бискалар славился своими несчетными богатствами. Было в его сокровищнице все, что только можно сделать из золота, из урана и платины, из амфиболов, рубинов, опалов и аметистов. Любил король бродить по колону в драгоценностях и часто говаривал, что нет на свете такого сокровища, какого не было бы у него.

Весть о кичливости короля дошла до одного чудесного конструктора, который в то время был хранителем кладовой и главным закройщиком у Висмодара, владыки звездных скоплений Диады и Триады. Конструктор отправился ко двору Бискалара. Очутившись в тронном зале, где король сидел на кресле, выточенном из двух огромных бриллиантов, конструктор без всяких околичностей сказал, что если король представит ему опись своих сокровищ, то он, конструктор Креаций, покажет такую драгоценность, какой у Бискалара наверняка нет.

— Хорошо,— сказал Бискалар,— но если тебе не удастся это сделать за три дня, то я буду тебя магнитами по серебряному своему дворцу волочить, золотые гвозди в тебя вбивать буду, а потом череп твой, в иридий оправленный, повешу на солнечных воротах для устрашения самохвалов!

Тут же принесли опись королевских сокровищ, которую целых шесть лет составляли сто сорок электронных писцов.

Конструктор Креаций велел отнести фо-

лианты в черную башню, которую отвел для него король, и закрылся там.

На другой день он снова пришел к Бискалару. Король окружил себя такими сокровищами, что даже глазам было больно от золотисто-белого полыханья. Но Креаций, не обращая на это внимания, попросил, чтобы принесли ему корзину земли или даже просто мусора. Когда это сделали, он высыпал землю на золотой паркет и воткнул в нее, бережно держа двумя пальцами, какую-то маленькую штучку, блеснувшую, как искорка. Штучка тут же вгрызлась в земляной холмик, и на глазах удивленного Бискалара тот засиял, как самый чистый самоцвет, и стал расти, играя пульсирующим светом, становясь все больше и чудеснее, пока эта живая драгоценность не затмила мертвую красоту королевских сокровищ. Все присутствующие были ослеплены. Король закрыл лицо руками и крикнул:

— Довольно!

Тогда Креаций наклонился и положил на играющий самоцвет другую искорку, черную, и самоцвет в один миг стал серо-бурой грудкой спекшейся земли.

Великий гнев и зависть охватили короля.

— За то, что ты меня посрамил, тебе грозит казнь,— сказал он.— Но, чтобы не говорили, будто я вероломно нарушил наше королевское слово, я дам тебе три задания. Справишься с ними,— дарю тебе жизнь и свободу. Не справишься,— горе тебе, чужеземец!

Ничего Креаций не ответил, стоял себе спокойно, а Бискалар продолжал:

— Вот тебе первое задание. Ты похваляешься, что можешь сделать все. Проникни же в мою подземную сокровищницу этой ночью. В ней четыре зала. И в последнем зале, белом, как снег, пусто. Лежит там только бриллиантовое яйцо, а в нем металлический шар. Завтра, ровно в полдень, ты должен принести его мне. Ступай!

Креаций поклонился и ушел.

Бискалар злорадно усмехнулся. Хитрую ловушку подстроил он Креацию: если бы даже конструктор сумел пробраться в сокровищницу, то он не смог бы вынести металлический шар: ведь выточен тот шар был из чистого радия и за тысячу шагов обжигал страшным излучением и помрачал разум.

Спустилась ночь. Креаций вышел из своей башни и пошел ко дворцу. Поодаль от стражи, что перекликалась на зубчатых стенах, он достал из-за пазухи маленькую шкатулочку, положил на ладонь три молочно-белых искры и дунул. Искры разгорелись перламутровым блеском и окутали облаком воору-

бался хребтом, будто волна расплавленного стекла.

— Скажи мне,— заговорила машина,— что это за место,— нет там ни стен, ни решеток, а выйти оттуда никто не может?

— Это место — космос,— ответил конструктор.

Зашаталась машина и упала на изумрудные плиты с таким грохотом, будто кто-то перерезал часовую цепь, и гири покатались по хрусталу.

Креаций перешагнул через нее, достал пурпурную искру и подошел к двери сокровищницы, сделанной из титана. Выпустил он искру, та закружилась светлячком, нырнула в замочную скважину. Через минуту оттуда вылез белый язычок. Креаций взял его легонько, потянул и извлек трепещущий пучок не то стебельков, не то струн. Посмотрел на них и прочитал, что там было написано...

«Хороший мастер служил Бискалару,— подумал он,— раз сумел снабдить сокровищницу атомным замком».

И действительно, сокровищница отпиралась не простым ключом, а атомным облачком.

Конструктор выбрался потихоньку из подземелья, ушел за город и стал при свете звезд собирать нужные ему атомы.

— Вот у меня уже есть шестьдесят миллионов ниобиевых,— подсчитал он за час до рассвета,— миллиард и семь штук циркониевых, вот сто шестнадцать гафние-вых. Но где же мне взять технеций, если ни одного его атома нет на нашей планете?

Он поглядел на небо, а тут как раз зоря занялась, предвещая восход солнца. И улыбнулся кон-

структор, вспомнив, что атомы технеция есть на солнце. Хитрый Бискалар укрыв ключ к своей сокровищнице в солнечной звезде!

Достал Креаций из своей шкатулки невидимую искру и выпустил ее с открытой ладони навстречу восходившему солнцу. Не прошло и пятнадцати минут, как затрепетал воздух, потому что атомы технеция несли в себе

женную стражу. Сгустился такой туман, что за шаг ничего не увидишь. Креаций прошел в подземелье незамеченным и очутился в зале. Потолок того зала был из халцедона, стены из хризобериллия, а изумрудный пол казался зеленым озером среди сверкающих скал. Потом он увидел дверь сокровищницы, а перед нею черную членистоногую машину о восьми ногах. Воздух над нею так и выги-

нестерпимый солнечный жар. Конструктор поймал их, будто жужжащих пчел, закрыл вместе с остальными в шкатулку и направился ко дворцу, так как время было уже на исходе.

Туман все еще стлался по земле, и стража не заметила, как он вбежал в подземелье и вдунул в замок газовый ключ. Креаций услышал, как защелкали поочередно дверные рычаги, но сама дверь не шелохнулась.

— А не ошиблась ли ты, искорка? Это же мне головы может стоить! — сказал Креаций и сердито ударил кулаком по двери.

И тут последний атом — технеция, который еще не совсем остыл и из-за этого чуть не сбился с пути, наконец повернул упрямый рычаг. Дверь сокровищницы — а была она двухметровой толщины — тихо открылась.

Креаций вбежал в первую комнату, зеленую, так как стены ее были изумрудные. Прошел другую — небесно-голубую от сапфиров — и третью — бриллиантовую, где глаза кололо радужными шипами, и, наконец, очутился в зале, белом, как снег. Здесь он увидел алмазное яйцо, но сила излучения тут же помутила его рассудок...

Креаций торопливо посыпал наугад и серые и черные искры, а те превратились в пушистую стену и окружили его. Так он подошел к бриллиантовому яйцу. Схватил его и выбрался из подземелья, окруженный мохнатой тучей искр.

Большие городские часы как раз начали бить двенадцать, и Бискалар уже руки потирал при мысли о том, как он будет волочить магнитами посмеявшегося над ним Креация.

Но вдруг послышались гулкие шаги, и во дворец ворвался ослепительный свет — это Креаций вошел в тронный зал и бросил на пол радиевый шар. Покатился шар к подножию трона, и на его пути тускнел блеск драгоценностей и сверкающие стены меркли от излучения.

Задрожал король, вскочил, спрятался за спинкой своего кресла. Сорок сильнейших электрорыцарей, прикрываясь свинцовыми щитами, на четвереньках стали медленно подбираться к шару, обжигающему все вокруг, и, подталкивая копытами, потихоньку выкатили его из тронного зала.

Пришлось королю Бискалару признать, что Креаций выполнил задание. Но гнев, исполнившийся сердце короля, уже не имел предела.

— Посмотрим, справишься ли ты со вторым заданием, — сказал король и приказал взять Креация на борт космолета и отправить на луну.

Капитан космолета высадил конструктора на пустынной планете и сказал:

— Выберись отсюда, если сможешь, и завтра в полдень явись к королю! А не выберешь — ты погиб!

Если бы даже никто и не прилетел за Креацией, чтобы предать его казни, то все равно недолго смог бы он жить в столь ужасной пустыне.

Оставшись один, Креаций пошел исследовать безжизненное лунное пространство. Вспомнил он о своих верных искорках, а их нету! Верно, когда он спал, обыскали его королевские стражники и украли драгоценную шкатулку.

— Плохо дело! — сказал конструктор. — Впрочем, не так уж и плохо. Вот если бы у меня разум украли, тогда бы я наверняка проиграл!

А был на этой луне океан, только весь ледяной, застывший. Конструктор стал заостренным кремнем вырубать изо льда глыбы и складывать из них остроконечную башню. Потом он вытесал из ледяной глыбы линзу, поймал ею солнечные лучи и направил пучок их на поверхность застывшего океана, а когда лед стал таять и появилась вода, Креаций принялся черпать ее и лить на стены ледяной

башни. Вода, стекая, замерзала и спаивала глыбы, застывая на них сверкающей гладкой оболочкой. И вот уже конструктор стоит перед хрустальной ракетой, возведенной из льда.

— Корабль у меня есть, — сказал он, — теперь дело за энергией.

Он обыскал всю луну, но не нашел на ней ни урана, ни других мощных элементов.

— Ничего не поделаешь! Придется употребить свой мозг...

И конструктор вскрыл свою собственную голову. Мозг-то у него состоял не из материи, а из антиматерии, и действие его обеспечивал только тонкий слой магнитного поля между стенками черепа и хрустальными мыслящими полушариями. Креаций вырезал в ледяной стене отверстие, вошел в ракету, залил отверстие водой, заморозил его, сел на ледяное дно ракеты и, достав из головы зернышко, крохотное, как песчинка, бросил его возле себя...

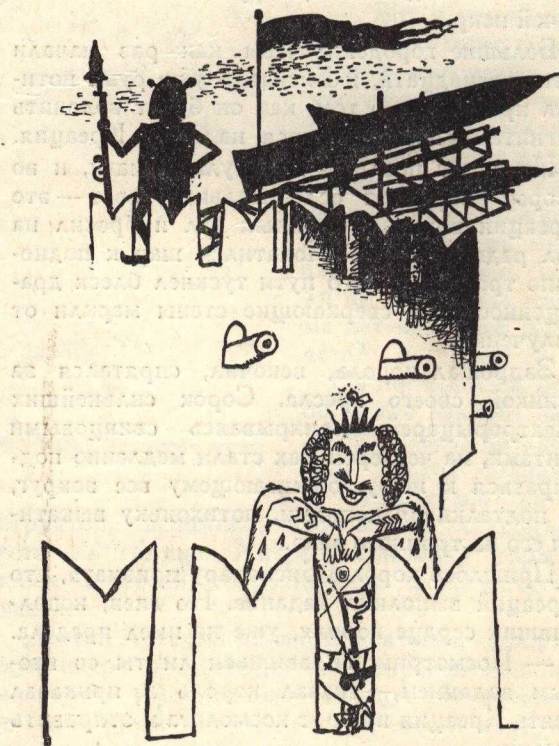
Страшный блеск залил его ледяную тюрьму. Ракета затряслась, через пробитое в днище отверстие вырвалось пламя — и ракета понеслась. Только ненадолго хватило ей первого толчка. Пришлось Креацию второй раз прибегать к своему мозгу, а потом и третий и четвертый, но уже с опаской, так как почувствовал он, что мозг у него слабеет... Но ракета уже вошла в атмосферу планеты и стала падать. Трение о воздух разогревало и растапывало ее. Ракета становилась все меньше

и меньше, пока наконец не осталась от мощного космического корабля маленькая закопченная сосулька. Впрочем, в ту же самую минуту она коснулась земли. Креаций торопливо заделал отверстие в своей черепной коробке и поспешил во дворец. Было самое время: часы как раз собирались бить двенадцать.

Король обомлел, завидя конструктора. Он был уверен, что Креаций не вернется, раз искорки у него не стало.

— Ну, ладно! — сказал он, кипя от гнева. — Пусть так! Вот тебе третье задание, и довольно легкое,

как я считаю... Я открою городские ворота, ты выбежишь, а по следам твоим я пушу свору борзых роботов, чтобы они до-

гнали тебя и разорвали своими стальными клыками. Если сумеешь уйти от них, если предстанешь предо мной завтра в это же время,— будешь свободен!

— Хорошо,— ответил конструктор,— я прошу только дать мне перед этим шпильку...

Засмеялся король.

— Пусть не говорят, будто я отказал тебе в милости. Дать ему сейчас же золотую шпильку!

— Нет, милостивейший государь!— ответил Креаций.— Мне надо простую, железную...

Взял он эту шпильку и бросился бежать из города так, что ветер в ушах зашвистел. Король злорадно смеялся, глядя с зубчатой стены на то, как он мчится. Король был уверен, что конструктора ничто не спасет.

А тот все бежал и бежал, держа все время на запад, пересекая одну за другой магнитные линии планеты, и шпилька его скоро намагнитилась, а когда он подвесил ее на нитке, выдернутой из своего одеяния, она завертелась и показала на север.

— Вот у меня уже и компас есть. Отлично!— сказал конструктор и насторожился, так как ветер донес до него топот. Это стая железных роботов выскочила из городских ворот. С диким лаем и воем неслась она по его следу. Скоро на горизонте появилось облако пыли.

— Ах, были бы у меня мои искорки!— сказал Креаций.— Я бы с вами быстро разделался, резвые болтики! Ну да как-нибудь и без них обойдусь... С твоей помощью, шпилька!

Королевские псари так хорошо навели свору на след конструктора, что она мчалась, будто кто метеор запустил. Оглянулся конструктор и видит: вот-вот его догонят, потому что гончие были роботами высокого напряжения и быстрого хода, сотворенными специально для выслеживания и преследования. Рыжее солнце смотрело сквозь тучу песка, поднимающуюся от их бега. Слышно было, как яростно лязгают они шестеренками.

«Места здесь пустынные,— сказал про себя конструктор,— но кажется мне, будто где-то тут поблизости есть залежи железной руды!»

А показала ему это шпилька, чуть-чуть отклонившись от направления на север, куда до сих пор показывала...

Побежал Креаций в ту сторону и увидел ствол давно заброшенной шахты. Камень с такой скоростью не катится по горному откосу,

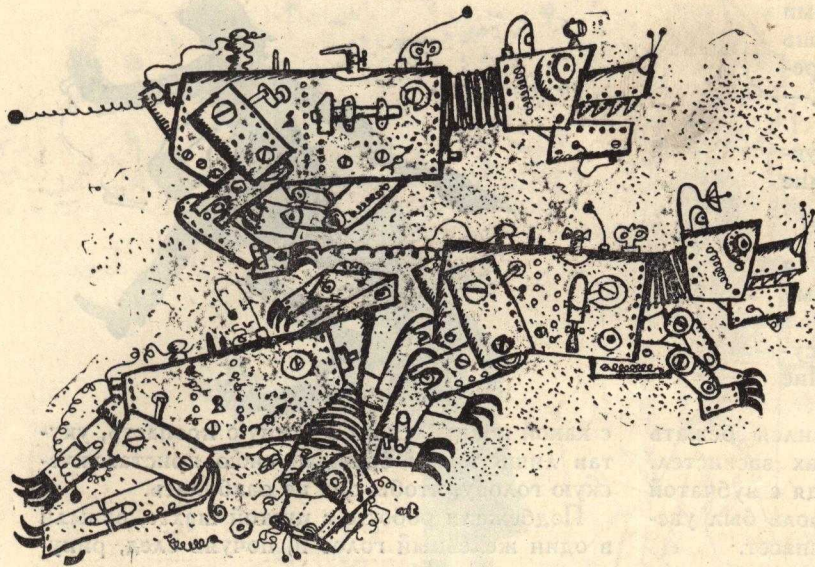

с какой покотился он в темную пропасть, укатив лишь краем одежды свою кристаллическую голову, чтобы она не разбилась.

Подбежали роботы к пустой шахте, взвыли в один железный голос и, почуяв след, ринулись в яму.

А конструктор поднялся на ноги и помчался по штольне, пробитой в магнетитовой скале. Но бежал он не просто, а то присядет, то подпрыгнет, будто ему весело, и притопнет-то, как в танце, и подковками-то искру высечет, и платком-то развернутым по скале хлопнет... Поднялась ржавая пыль и сплошной тучей заполнила штольню, по которой он бежал. Влетели роботы в эту тучу, и мельчайшие железные опилки попали им в суставы, так что

они заскрежетали. Проникли опилки в их неповоротливые мозги и так их забили, что искры из глаз посыпались. Забило железной тылью им коллекторы, и соединения, и реле. Дергаясь от коротких замыканий, как от икоты, роботы бежали все медленнее, а некоторые, совсем обалдев, бились лбом о стенку, так что из треснувших голов повывлетали провода. Упавших топтали бежавшие следом и тут же сами валились вверх копытами. Но остальные все гнались за Креацием, который не переставал поднимать железную пыль. Не пробежал он и мили, а за ним уже мчалась не свора, а лишь трое калек, да и те качались, как пьяные, и сталкивались друг с другом с таким грохотом, будто кто-то катил железные бочки.

Остановился конструктор и увидел, что два робота еще бегут за ним.

— Неважно эта свора сработана, — сказал он. — Всего только двое пыли не боятся! Но и с этими надо справиться...

Упал он на землю, вывалялся в железной пыли и сам бросился навстречу преследователям:

— Стой! По приказу короля Бискалара!

— А ты кто такой? — спросил первый робот и втянул воздух в стальные нозд-

ри, но ничего, кроме запаха железа, не учуял.

— Я робот-посыльный, дистанционно управляемый, со всех сторон закованный, клепанный, штампованный! Станьте заклепка к заклепке и увидите в свои четыре чугунных гляделки, какой я молодец, какой я удалец, как играет стальной дух супротив чугунок двух! Напрягите свои катушки, это вам не игрушки, а коли спорить решитесь, — электрической жизни лишитесь!

— Да что нам делать-то? — спросили роботы. Слова конструктора их прямо ошеломили.

— На колени встать! — объяснил им конструктор.

Грохнулись роботы на землю, а он, нагнувшись, тут же воткнул тому и другому в головы шпильку, так что фиолетовое сияние от бьющих искр озарило своды. С лязгом рухнули оба пса-робота, замкнутые накоротко.

— Бискалар, наверное, думает, что если я и вернусь, так вернусь один, — сказал Креаций и стал обходить всех роботов, каждому он открывал голову и заново соединял стальные провода, и когда они очнулись, то слушались уже только его, Креация. Встал он тогда во главе этой дружины и двинулся на столицу. Во дворце Креаций приказал своим железным подчиненным схватить короля и открыть для всех поданных сокровищницу бывшего деспота. Одарив жителей страны, Креаций посоветовал, чтобы они выбрали в короли кого-нибудь более достойного. Сам же, прихватив с собой штаталку с верными искорками, двинулся черной дорогой, усеянной звездами.

И по сей день конструктор еще по ней странствует. Верно, рано или поздно и к нам завернет.

Перевел с польского
Ю. Абызов

ВНИМАНИЕ!

Объявляется готовность № 1 ЛЕТИМ К ДАЛЕКИМ ПЛАНЕТАМ!

...пять ...четыре ...три ...два ...один...

СТАРТ!

Таинственные планеты, спутники Солнца... Каждая из них — сложный мир, похожий и непохожий на наш земной. Похожий потому, что все планеты — дети солнечной семьи, связанные меж собой одними и теми же силами, подчиненные одним и тем же законам природы. Непохожий потому, что у каждой планеты иной размер, иная масса, иное расстояние до Солнца, а из этих главных несходств возникают и другие, еще более многочисленные.

Мы с вами побываем на иных планетах, увидим чужое небо, чужие равнины и скалы. Хотите любоваться картинами, каких не разглядишь с Земли ни в один телескоп? Тогда скорее в путь! У нас волшебная ракета, название которой мы пока сохраним в тайне.

Первый наш рейс — за шестьсот с лишним миллионов километров к Юпитеру.

Итак, мы удаляемся от Земли. Уже миновали лунную орбиту, и вот перед нами Луна, Земля и Солнце, видимые со стороны. Солнце находится по ту сторону нашей родной планеты, «позади» нее, и от ее дневной, освещенной половины нам видна лишь узкая блестящая полоска. Ярким серпиком светит нам Земля. Острые кончики серпика не обрываются, переходят в тонкую светлую линию, и она колечком охватывает весь земной диск.

Если бы мы сами не были детьми Земли, если бы мы приближались к ней с какой-нибудь другой планеты, эта светлая полоска сказала бы нам, что у Земли есть атмосфера. Солнечные лучи, рассеиваясь в атмосфере, проникают и на ночную половину планеты.

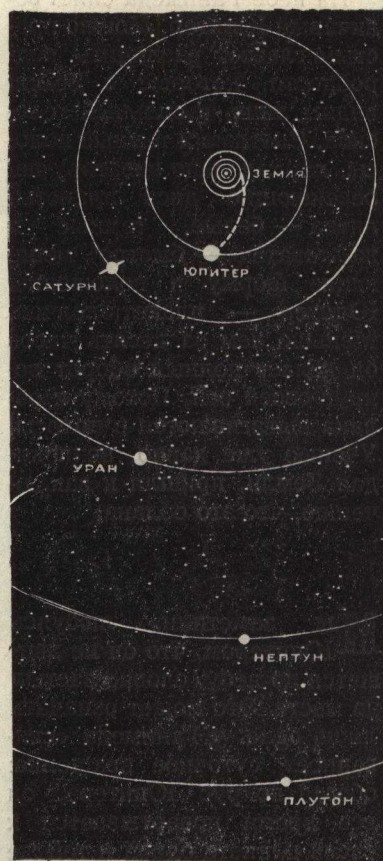
С лунным серпом ничего подобного не происходит. Вот

он перед нами: огромный, весь в оспинах кратеров и кольцевых гор. Лунные «рога» не продолжают на темную сторону Луны, потому что на Луне атмосферы нет.

Пересекаем орбиту Марса, но его «нет дома», он за четыреста миллионов километров от нас, по другую сторону Солнца.

Минуем опасную зону, пояс астероидов, где тысячами кишат маленькие планеты, осколки, каменные глыбы. Вот наконец самый крупный из двенадцати спутников Юпитера — Ганимед. Он не только больше Луны, он больше Меркурия и вполне мог бы быть самостоятельной планетой.

Совершаем посадку. Поверхность Ганимеда очень похожа на лунную. Острые скалы, кратеры, мертвые рав-

Сто пятьдесят миллионов километров от Земли до Солнца. Но как мало это расстояние на карте Солнечной системы! Посмотрите: дорога до Юпитера, помеченная здесь пунктиром, кажется сравнительно короткой. А между тем более шестистот миллионов километров разделяет Юпитер и Землю, даже когда они ближе всего друг к другу.

нины. Но на склонах гор гроздятся глыбы льда и снега. Вода? Нет, это замерзшая атмосфера. Здесь очень холодно: 150 градусов ниже

нуля, хотя на небе сияет Солнце. Да полно, оно ли это, наше ласковое солнышко? Такое маленькое, так мало света и тепла от него! Но не надо забывать, что Ганимед даже в наибольшем приближении к Солнцу впятеро дальше от него, чем Земля. А это значит, что солнечный свет здесь слабее уже не в пять, а в двадцать пять раз. Вечные сумерки, вечная стужа!

На небе Ганимеда сияет величавый Юпитер. Можно простым глазом различить подробности, которые с Земли видны лишь в сильный телескоп. Светлые и темные полосы, параллельно экватору пересекающие диск планеты, пятна — белые, темные и желтоватые, — быстро меняющие форму и положение. Юпитер — планета-волчок. Меньше чем за десять часов он делает полный оборот вокруг своей оси. Потому и облака вытягиваются в полосы! Ученые уже давно, не покидая Земли, пришли к заключению, что это облака.

Мы заметили, любуясь Юпитером, что он не движется по небу, словно застыл на месте. Это может означать лишь одно: у Ганимеда «священное» суточное вращение: обегая вокруг Юпитера, он все время повертывается к своей планете одной и той же стороной, как Луна к Земле или Меркурий к Солнцу.

А так как Ганимед обходит Юпитер за 7 суток 3 часа 43 минуты по земному счету, то и вокруг собственной оси он поворачивается за неделю с небольшим.

Однако пора покидать Ганимед. Продолжим путь. Ведь отсюда до Юпитера больше миллиона километров!

Остановка — на ближайшей из лун Юпитера, маленькой Амальтее. Диск Юпитера вырос до чудовищных размеров. Отсюда заметно множество подробностей на нем. Мы отчетливо видим, что полосы не просто полосы, а очень сложные образования, что они состоят из множества темных пятен разнообразнейшей и непрерывно меняющейся величины и формы. Видно, что облака расположены слоями.

А вот и красное пятно, загадка, которая мучит землян вот уже триста лет! У него огромные размеры: 48 тысяч километров в длину и 11 тысяч в ширину. Четыре земных шара уместились бы на нем! А по сравнению с Юпитером оно кажется небольшим.

Многочисленные наблюдения убедили астрономов Земли, что красное пятно гораздо плотнее, чем остальная атмосфера. Но пятно, в основном оставаясь на месте, временами все же слегка перемещается по поверхности планеты. Значит, оно не может быть гигантским нагорьем, Гималаями Юпитера.

Уж что-то, а горы неподвижны.

Еще менее вероятно, что это озеро горячей лавы светится сквозь разрыв в облаках. Не может быть, чтобы триста лет сохраняло свою форму окно в облачном слое, да еще в таком подвижном и бурном.

Большинство ученых пришло к выводу, что это... плавающий остров! Гигантская лепешка какого-то очень легкого, хотя и твердого вещества. Как ни удивительно такое предположение, оно оказалось самым правдоподобным среди десятков других, которые возникали и отбрасыва-

лись на протяжении трех веков.

Но что за вещество? Почему плавает в воздухе? Как попало в верхние слои атмосферы? Может, воспользоваться случаем, что мы так близко, и совершить решительный прыжок? Нырнуть в атмосферу Юпитера? Приземлиться на пятне?

Увы, это пока невозможно! Атмосфера Юпитера нас раздавит. Уже на сравнительно небольшой глубине она сгущается под собственным давлением в очень плотное вещество и скорее похожа на земной океан, чем на газовую оболочку. А еще дальше, на глубине в десять тысяч километров, царит давление в миллион атмосфер! При таком давлении и температура должна быть высокая: во много раз выше, чем в недрах Земли. Наша ракета не приспособлена для таких условий. Можно только, стартуя к Земле, пролететь вблизи от Юпитера.

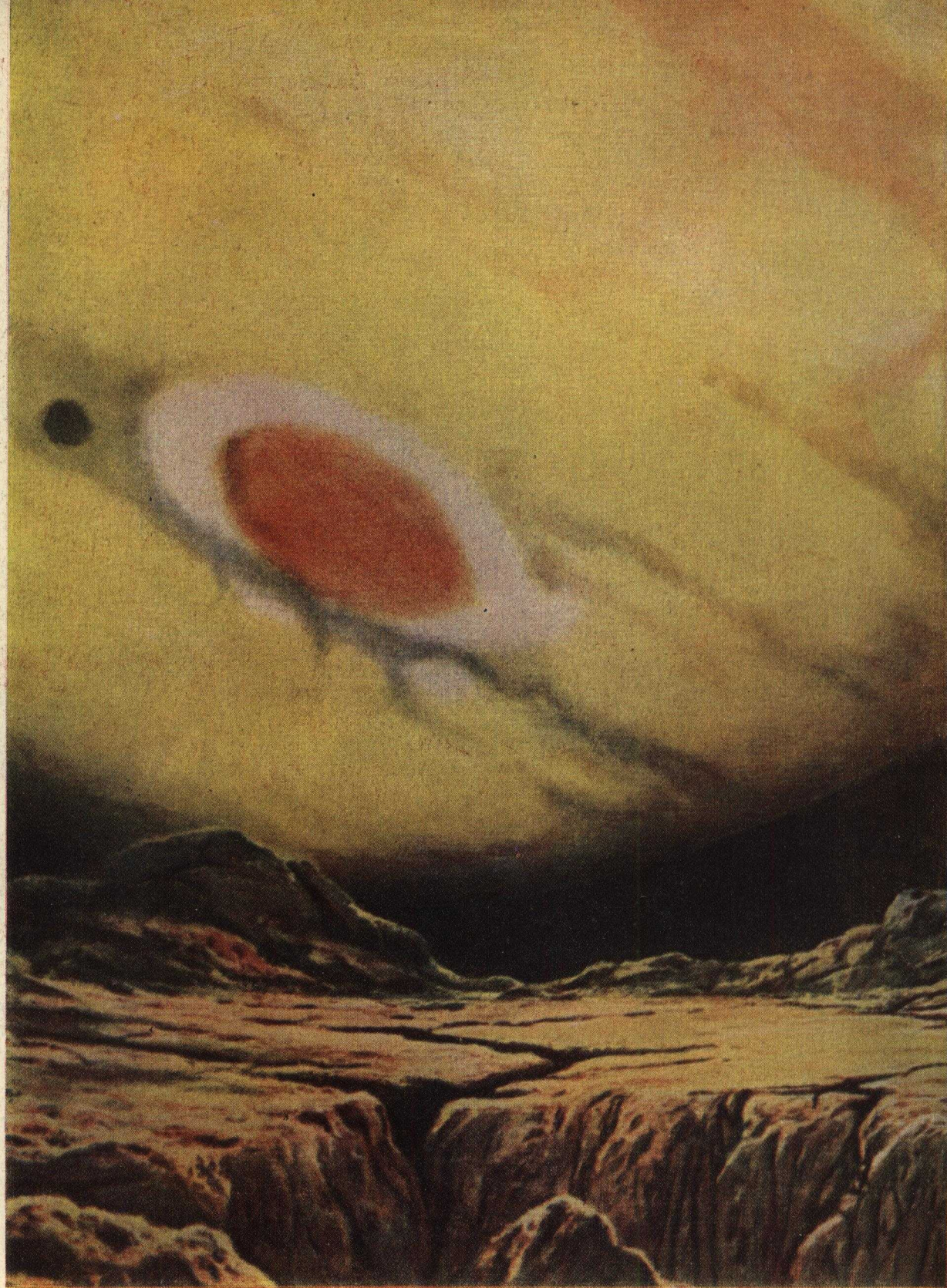
Мы так и делаем. Вот под нами кипит и бурлит его страшная атмосфера. Зловещие вихри крутятся на ее поверхности, отблески чудовищных грозных разрядов то и дело вспыхивают в толще облаков, гигантские выбросы, словно от каких-то взрывов, потрясают ее. Возможно, и красное пятно — результат такого выброса? Мы обязательно ответим на этот вопрос! Рано или поздно мы еще вернемся сюда за ответом!

А сейчас до свидания, Юпитер! Нам предстоит далекий и трудный путь к родной Земле, новые путешествия к другим планетам. И с тобой мы прощаемся, читатель, до следующего старта. Он произойдет в одиннадцатом номере «Пионера».

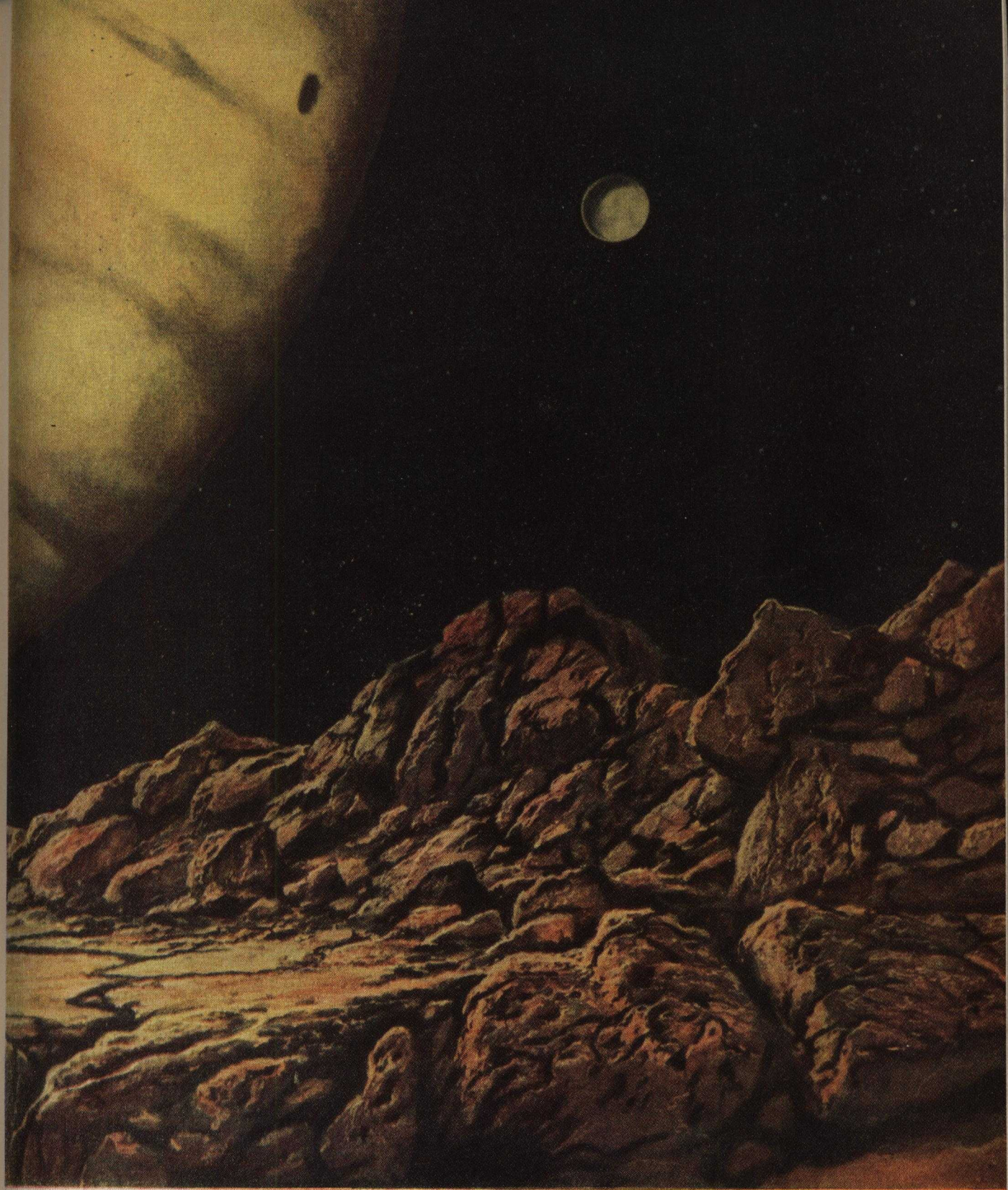

**НА ПЫЛЬНЫХ ТРОПИНКАХ
ДАЛЕКИХ ПЛАНЕТ**

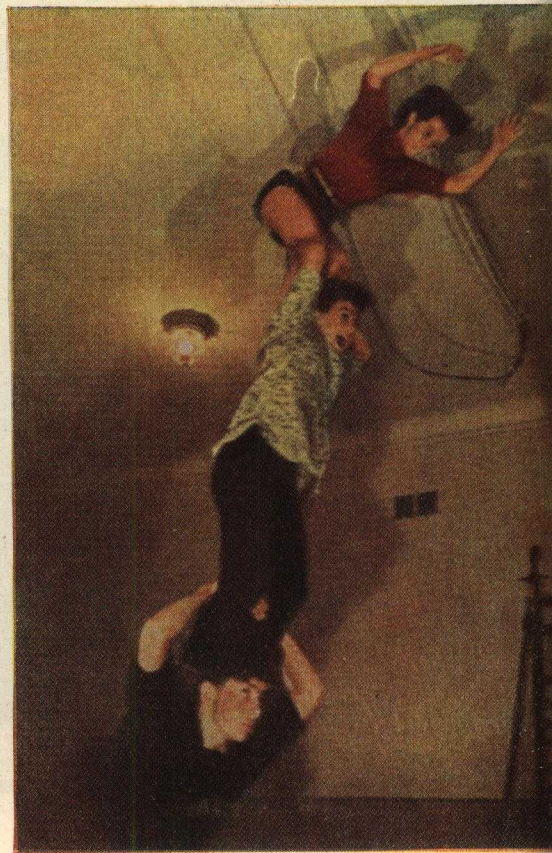
**Так выглядит Юпитер с Ганимеда,
самой крупной своей луны.**

НА ПЫЛЬНЫХ ТРОПИНКАХ
ДАЛЕКИХ ПЛАНЕТ

Маленькая Амальтея — ближайший спутник Юпитера.
Чудовищным шаром висит он над ее горизонтом.

Такой значок получают в награду лучшие артисты цирка «Юность».

Нам сообщили: в Вильнюсе работает детский цирк. Конечно, надо рассказать об этом в журнале. И, разумеется, рассказать должен человек, который отлично знает цирк, знает и любит.

Мы позвонили **Александрю Борисовичу АРОНОВУ**, режиссеру цирка и писателю. Наверное, многие из вас читали его повесть «Цирк приехал!». Пусть он, взрослый режиссер, посмотрит работу ребят строгими профессиональными глазами!

И вот перед вами фотографии и рассказ о цирке «Юность».

В спортивном зале Дворца культуры железнодорожников с девяти утра до десяти вечера идут репетиции.

Это необыкновенный спортивный зал. В потолок ввинчены пробки, а в них — трапеции, канаты, воздушные рамки. Точь-в-точь, как в цирковом училище в Москве, на Пятой улице Ямского поля.

Манежа, правда, нет. Вместо него множество матов. И вокруг — ребята, ребята, ребята. Глаза разбегаются: кто прыгает, кто жонглирует, кто стоит на руках. Шумно, весело.

У стены два эксцентрика (вы видите их на верхнем снимке слева — Эдуард Кралик и Николай Гопшик). Они готовят сложный номер — шуточную пантомиму «На перроне в воскресенье».

Представьте себе: платформа, масса народа. Появляется нагруженный чемоданами пассажир. Он очень спешит, роняет свой багаж. К нему на помощь летит носильщик. Усатый. С бляхой. Оба сталкиваются, падают. Первым поднимается носильщик, извиняется за неловкость, услужливо протягивает руку пассажиру, и... пассажир легко взлетает в воздух, совершает в нем головокружительное сальто. Не успел пассажир встать на ноги, как следом за ним в воздух взлетает носильщик...

Эдуард Кралик (пассажир) и Николай Гопшик (носильщик) должны быть не только хорошими акробатами, но и отличными актерами.

А под потолком — Таня Штефанец. Вы видите ее на втором верхнем снимке. Нога — в петле, привязанной к верхушке вертикального каната. В цирке его называют «кор-де-парель». Этот снаряд необыкновенно прост, но на нем можно исполнять сложнейшие трюки. Вот сейчас Таня закончит разминку, и стоящий внизу помощник начнет раскручивать канат. Сперва медленно, а потом быстрее и быстрее, и Таня закрутится с такой быстротой, что трудно будет даже подсчитать, сколько она совершила оборотов. А в финале номера она обовьет канат и, не держась за него руками, словно змея, медленно поползет вниз.

Вы ошибетесь, если подумаете, что после такого сложного номера она пойдет отдыхать. Она пойдет к своим подружкам Тане Котиковой и Гале Герасимовой репетировать «Акробатическое трио». Вы можете судить по снимку (внизу, слева), что этот номер тоже не так прост. И удастся он пока хуже, чем «кор-де-парель».

А тем временем уже знакомый нам «носильщик» Николай Гопшик стал «средним» в колонне, которую вы видите на снимке (внизу, справа).

Светлана Солдатенкова на снимке — «верхняя», Дима Стец — «нижний».

Они готовят очень сложные трюки: «стрекоксированное» сальто через доску, «пируэт», полет через доску в «арабеск», сальто в плечи, сальто к «нижнему» в руки...

Для многих из вас, ребята, эти названия не очень понятны, поэтому мне хочется сказать вам, что такой набор трюков бывает только у отличных цирковых акробатов-прыгунов.

Начинается работа. Владимир Владимирович Старошас застегивает на боку Светланы пояс, прикрепленный к предохранительной веревке — лонже. Берет конец веревки в руки. Светлана становится на край доски, сосредоточивается.

— Готова! — спрашивает Владимир Владимирович. Вместо ответа девочка бьет себя обеими руками по ногам. Это сигнал «Готов». Двое мальчиков разбегаются, с силой ударяют по противоположному краю доски ногами. Светлана взлетает в воздух, переворачивается, опускается на плечи Николая Гопшика. Но не удерживается, падает вниз. Гопшик — за ней.

Владимир Владимирович тотчас же подпрыгивает вверх, повисает на лонже. Светлана благополучно «приземляется».

— В чем ее ошибки! — спрашивает Старошас у ребят.

— Поздно сгруппировалась (собрала тело в комок)!

— Неверно отошла от доски!

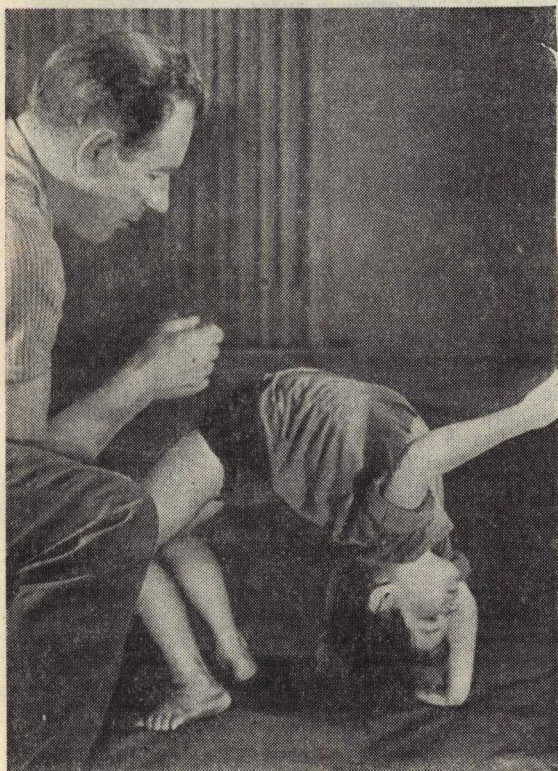
— Мягкая спина! — кричат со всех сторон.
— Попробуем еще раз! — говорит Владимир Владимирович.

И снова Светлана в воздухе. И снова, совершив полет, она не удерживается на плечах Коли. Минут через двадцать, после множества падений, номер наконец выполнен. Светлана, словно ласточка, переворачивается в воздухе, «приходит в плечи» партнера, выпрямляется, поднимает вверх обе руки, плавно раскрывает их.

— Вот теперь хорошо! — хвалит Владимир Владимирович. — Без труда нет цирка!

Поздним вечером, когда все репетиции кончаются, ребята собираются в комнатке Владимира Владимировича Старошаса. Она похожа скорее на бутафорскую мастерскую: повсюду проволока, железные стружки, краски в банках, незаконченная папье-машевая голова зебры, недошитые костюмы...

— Наши ребята все делают сами, — рассказывает Владимир Владимирович. — И трапецию, и костюмы, и реквизит, и фирменные значки...

Ирочке Потешниной всего пять лет. Она самая младшая участница циркового коллектива «Юность»

— Какие значки!

— У нас сто ребят, — объясняет мне Николай Гопшик. — Выступает человек тридцать — сорок, а значок только у шестнадцати. Его получить нелегко. Мало хорошо выполнять трюки, надо еще и хорошим товарищем быть. Значок — это награда.

Мне очень хочется, чтобы все ученики Владимира Владимировича Старошаса получили такой значок, стали настоящими артистами цирка. Пожелайте же и вы счастливого пути в искусстве участникам программы «Юность» и ее руководителю Владимиру Владимировичу Старошасу.

Море ясности

Владимир КЕССЕНИХ

Рисунки Ю. АРАТОВСКОГО

1

Знакомство с Лекой и астрономией началось с того, что однажды, роясь на самолетной свалке за городом, я нашел исправный оптический прицел с немецкого бомбовоза.

В сорок шестом году эта свалка продолжала одаривать людей жалким богатством. Отсюда, как из развороченного муравейника, стекалось оно в город на тачках и велосипедах, в мешках, карманах, за пазухой. Оно выплескивалось на толкучку зажигалками из плексигласа, огромными оранжевыми калошами из авиационных камер, ножами с наборными ручками и мундштуками.

Теплые от ребячьих пальцев красивые черно-белые снаряды ложились в костры, и на земле прибавлялось калек. Но люди-муравьи по-прежнему с жадностью золотоискателей копались в жалких дарах войны, и среди них я, маленький тощий муравей, перепачканный сажей и глиной, тоже рылся в земле. Что я искал? Что я хотел найти?

«Часы» — черный круглый прибор с расколотым окошком и погнутой стрелкой. Его можно разобрать, и перед тобой откроется хитросплетение мембран, пружин, шестеренок. Из листов дюрала получают отличные щиты. Из магниевой стружки можно сделать бенгальский огонь. Но предел мечтаний — трубка прицела. Это груда увеличительных стекол и призм.

Когда смотришь сквозь призму, мир преобразуется. Он становится веселым и ярким. Даже развалины, даже крутые изломы обгорелых стен расцветиваются радужной каемкой. Небо в пустых провалах окон кажется голубым и зеленым. И в небе не одно солнце, а целых два!

Я люблю смотреть в призму. Увеличительным стеклом я люблю выжигать узоры на доске. Я люблю еще собирать монеты, а за каждое стеклышко можно выменять горсть тусклых, легковесных трофейных монет...

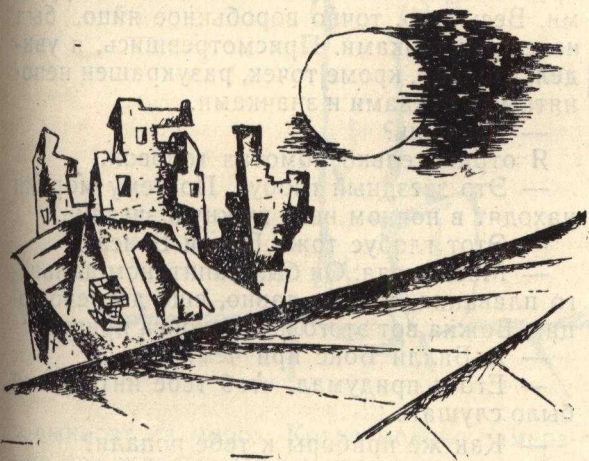
Мне повезло. Среди месива элеронов и плоскостей «мессершмитта», среди закопченных кусков обшивки и разноцветных

жгутов проводки я нашел трубку. Срывая ногти, я очистил ее от промасленной земли, отковырнул крышки и задохнулся от восторга: на чистой синеве оптики горело крошечное солнце...

2

Ходить на самолетную свалку нам было строжайше запрещено. Не проходило недели, чтобы в степи кто-нибудь не подорвался на минах, оставленных немцами. Поэтому мама, узнав, где я был, расстроилась до слез, обещала продержатъ меня взаперти до самой школы, а «весь хлам» (так она называла мои трофеи) грозила выбросить на помойку. Весь вечер я просидел дома.

На следующий день, когда мать ушла на работу, я спустился во двор, изнемогая от желания немедленно похвастаться своей находкой. Как назло, никого из ребят не было.

Послonyaвшись по двору, я уселся на солнышке на узкой деревянной скамейке, достал перочинный нож и стал потрошить трубку. Вдоволь пропотев над крошечными винтами, я вынул из трубки все до одной линзы и разложил их рядком на скамейке. Выбрав самое толстое стекло, я решил выгнать свое имя.

Солнечные лучи собрались в ослепительную точку, потом точка потемнела, и оттуда, как из кратера вулкана, повалил дым. На многострадальной доске появились две корявых буквы «В» и «Л», когда кто-то заслонил солнце. Вулкан перестал дымить.

Передо мной стоял незнакомый парень в майке и парусиновых туфлях на босу ногу. Он был выше меня и пошире в плечах. На загорелом лице темнели веснушки. «Через решето загорал», — ехидно подумал я. Парень держал в руках два солдатских котелка и жадно, не отрываясь, смотрел на стек-

ла. На всякий случай я быстро сгреб стекла и сунул в карман.

Парень осторожно поставил котелки на землю, сел рядом со мной, помолчал и вдруг спросил:

— Чем ты увлекаешься?

Я ожидал чего угодно, например: «Где взял стекло? На что будешь менять? Давай сюда, а то хуже будет!» — и готовился соответственно ответить. А тут вдруг: «Чем увлекаешься?» С какой стати я должен был откровенничать с каждым встречным?

По правде говоря, точно я не знал, чем я увлекаюсь. Но признаться в этом мне казалось обидным. Поэтому я сказал:

— Я хочу быть моряком.

Парень понимающе кивнул.

— А я увлекаюсь астрономией. Мне нужны вот такие стекла, чтобы сделать телескоп.

— На что тебе случась эта астрономия?

Парень даже подскочил.

— Как на что? Вот так моряк! Да как ты в море без астрономии корабль вести будешь?

— По компасу.

— «По компасу», — передразнил парень. — А если компас врать начнет, как в «Пятнадцатилетнем капитане»?

— В каком капитане?

— Эх ты, темный человек, даже Жюль Верна не читал.

— Раз я темный, а ты светлый, давай ва-ли отсюда, пока я своих ребят не позвал!

— Да не сердись, чудак. Пойдем лучше ко мне, я тебе свои приборы покажу и книжку дам почитать!

— Куда это «ко мне»?

— Я здесь рядом живу, в двадцать девятом доме. Давай познакомимся. Меня зовут Лека. А тебя?

И парень протянул мне руку и посмотрел мне в глаза. Я глянул ему в глаза и увидел, что они у него разные: один карий, другой — серый. И эти разные глаза были такие честные, такие веселые, что у меня сразу хорошо стало на душе. Я крепко сжал его руку.

— Меня — Владька. Пошли.

3

Божка я увидел сразу, едва переступил порог. Он стоял на сундуке, прикрытом куском марли, щурил косые глаза, улыбался во весь рот, охватив короткими ручками пузатый живот. А еще в комнате был стол у окна и две солдатские койки, застеленные синими одеялами. Я щелкнул пальцем по медному брюху. Божок зазвенел.

— Есть хочешь?— спросил Лека и, не дожидаясь ответа, сунул ложку и пододвинул котелок.

Для приличия я пару раз отказался, а потом мы с ним так налегли на свежую похлебку, что через минуту в котелке заблестело дно.

Дожевывая на ходу, Лека направился к сундуку, вместе с марлей снял божка и поднял тяжелую крышку. Тут-то и начались чудеса.

Сперва Лека достал плоскую черную коробку, похожую на готовальню, и передал мне.

— Открывай.

Я повертел коробку, нашел потайной стерженек и дернул его зубами. Коробка распалась надвое.

На лиловом потертом бархате было написано серебром: «ШВАБЕ. ФИЗИК-МЕХАНИК-ОПТИК ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА». В углублении лежал холодный и тяжелый, будто золотая секира, большой бронзовый транспортир. Гравировка шкалы была четкой и тонкой, как волос.

— В старину такими штуками капитаны на карте прокладывали курс корабля,— сказал Лека.

Темно-красный полированный ящик Лека мне не доверил. Он сам возился с замком, пока тот легонько не щелкнул.

— Смотри, это секстант. Понюхай—ящик сделан из сандалового дерева. А теперь представь. Над угрюмым океаном низко несутся тучи. Каждый раз, когда в разрыве туч показывается солнце, Билли Бонс выходит на мостик с таким вот секстантом в руке. Он стоит, широко расставив ноги. Ему не надо щурить левый глаз. Он навсегда закрыт черной повязкой. Билли Бонс потерял его в битве при Трафальгаре...

Лека вынул секстант из ящика, привинтил окуляр, потом подвел меня к окну.

— Держи крепче и направляй на солнце!

Представляете? Я держал в руках настоящий морской секстант! Как этот чертов Билли Бонс, я стоял, широко расставив ноги, и смотрел на солнце, но не видел его.

— Чудак,—услышал я Лекин голос.—Кто же смотрит на солнце невооруженным глазом? Ты же ослепнешь! А фильтры для чего?

Лека быстро опустил перед трубкой два темных стеклышка. Я вытер слезы и увидел в окуляр скромный светлый кружок. Это все, что осталось от солнца.

— Теперь крути вот эту ручку. Сажай

солнце на горизонт! Не знаешь? Опускай солнце на линию горизонта. Смотри сюда—это угол солнца над горизонтом. Капитан по этому углу точно высчитает, где находится его корабль. Тут, брат, кроме астрономии, еще математика нужна!

Я быстро взглянул на Леку. При чем тут математика? Уж не на переэкзаменовку ли по алгебре он намекает? Впрочем, откуда ему знать? На всякий случай я решил его подковырнуть.

— Ночью солнца нет! Как же тогда?

— По звездам!

И Лека достал еще один сандаловый ящик. В нем был небольшой желтый шар, крест-накрест опоясанный медными обручами. Весь шар, точно воробьиное яйцо, был испещрен точками. Присмотревшись, я увидел, что шар, кроме точек, разукрашен непонятными буквами и значками.

— Узнаешь?

Я отрицательно помотал головой.

— Это звездный глобус. По нему моряки находят в ночном небе нужную звезду...

— Этот глобус тоже Билли Бонса?

— Моего деда. Он был капитаном дальнего плавания, только давно, еще до революции. Божка вот этого из Гонконга привез.

— А Билли Бонс при чем?

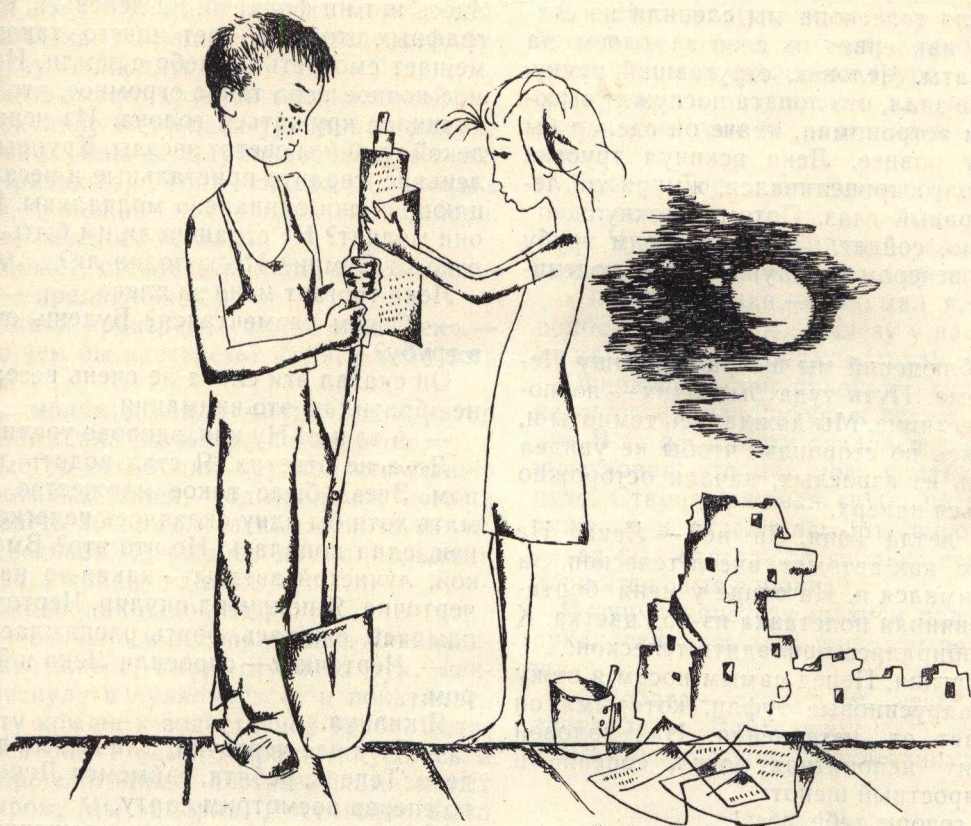
— Его я придумал, чтоб тебе интересней было слушать.

— Как же приборы к тебе попали?

— Дед подарил отцу, а отец мне обещал...

— Что обещал?

— Обещал подарить, но не успел. До войны мы в Москве жили. Отец в школе физику и математику преподавал. А потом ушел в народное ополчение и погиб под Волоколамском. Мама тоже была на фронте. Мы с бабушкой вдвоем жили, пока не эвакуировались. Бабушка в Сибирь поехала — шубу не взяла, а с этими приборами не рассталась. В Красноярске хорошо было. Зима—настоящая, снегу — завались, только есть было нечего. Квартирные хозяева добрые попались. Кормили, пока мама нас не разыскала и продовольственный аттестат не выслала. Тут я еще туберкулезом заболел. Утром захожу в комнату, а бабушка разложила на кровати все приборы, сидит и плачет. Выбрала английский хронометр и подозрную трубу и ушла на толкучку. Полдня ее не было. А морозы стояли тогда такие, что птицы на лету замерзали. Принесла бабушка кусок медвежьего сала, банку меда и два кругляша молока. Там, в Сибири, молоко, знаешь, как продают? Наливают в миски, бросают туда щепки, чтоб удобней вынимать было,

и выносят на мороз. Когда молоко замерзнет, его складывают в мешок и несут на базар. Так вот, приготовила бабушка из всего этого какую-то отраву и давай меня поить. Потом она и другие приборы носила, только никто не хотел менять продукты на секстант и звездный глобус. Смеялись: «Смотрите, капитанша опять свои игрушки принесла!» Мне от медвежьего сала лучше стало, а бабушка хворать начала: видно, на толкучке простыла. Весной сорок четвертого года бабушка умерла. Я у хозяев остался, в детский дом не захотел идти, на завод учеником устроился. Перед концом войны мама меня забрала, и мы сюда приехали. Вот и все.

Лека замолчал. Он стоял, опустив голову, и улыбался странно, одними губами. Брови у него дрожали, он их хмурил, и от этого у него на лбу, как у взрослого, залегали морщины.

Я вспомнил, как убивалась мать, когда почтальонша принесла похоронную. Глаза защипало. Я нахмурился изо всех сил, проглотил слюну и подошел к Леке. Так мы стояли, молчали и смотрели на звездный глобус старого капитана.

Вдруг в дверь кто-то забарабанил. Мы с Лекой переглянулись.

— Войдите,— сказал Лека.

Послышались мягкие удары — бум! бум! Дверь с треском распахнулась. В комнату спиной вперед влетела какая-то девчонка и уселась на полу у порога. В ту же секунду она вскочила на ноги. В руках она держала большую алюминиевую кружку.

— Здравствуйте! Какая у вас дверь тугая! А это кто? Здравствуй, мальчик! Лека, я тебе клейстер принесла! Столько хватит?

Девчонка с размаху плюхнула кружку на стол и, пританцовывая, понеслась по комнате. Я в жизни не видел более беспокойного существа, чем эта растрепанная. Ее легкие золотистые волосы летели по воздуху и не успевали за ней. Глаза были зеленые, как у кошки. В одну минуту она перетрогала все приборы, заглянула во все закоулки, потом остановилась, раздумывая, куда бы еще сунуть нос.

— Тоня, а лопата где?

— Ой, я совсем забыла!

И она так же молниеносно исчезла.

— Что это за чудо?— спросил я у Леки.

— Соседка, на нашем этаже живет. Сейчас телескоп будем делать.

Тоня вернулась тихо и чинно, неся, как флаг, большую лопату.

Трубу для телескопа мы слепили из старых газет, наклеивая их слой за слоем на ручку лопаты. Человек, стругавший ручку, наверно, не знал, что лопата послужит высоким целям астрономии, иначе он сделал бы ее чуточку ровнее. Лека вскинул трубу к плечу и долго прицеливался, жмура то левый, то правый глаз. Потом вздохнул:

— Ладно, сойдет. Теперь повесим трубу сушить, а вечером приступим к наблюдениям.

4

Для наблюдений мы выбрали крышу Лекиного дома. Путь туда был один — по пожарной лестнице. Мы дождались темноты и, оглядываясь по сторонам, чтобы не увидел кто-нибудь из взрослых, начали осторожно карабкаться вверх.

Первой лезла Тоня. За ней — Лека. На шею у него, как автомат, висел телескоп. За ним поднимался я. На спине у меня болталась деревянная подставка из-под цветка. К ней мы собирались приладить телескоп.

Вот и крыша. Перед самым носом я вижу Лекины парусиновые туфли, которыми он переступает от нетерпения. Над головой происходит непонятная возня, сопение и вдруг — яростный шепот:

— А я говорю тебе, лезь!

— Ну не могу я, понимаешь? Тут перила кончаются...

— Лезь, тебе говорят!

— Бо-юсь,— протяжно вздыхает Тоня.

— Боишься, да? Ладно. Давай сюда стекла, а сама отправляйся на все четыре стороны...

Решительный тон Леки подействовал. Тоня шагнула на крышу и через минуту разгуливала там как ни в чем не бывало.

— Ой, мальчишки, как здесь красиво! Ну что вы так долго? Владик, не бойся, давай руку.

«Это кто, я-то боюсь? Вот подлая Тонька!»

★

Я держусь за шершавую трубу дымохода и представляю себя капитаном. Каменный серый корабль снимается с якоря и медленно движется в звездную августовскую ночь. Темными волнами качаются внизу акации и каштаны. Редкие фонари на шоссе, точно бакены, освещают фарватер. Будь внимателен, капитан! Со всех сторон теснят тебя скалы — мертвые, разрушенные бомбежкой здания. Веди по звездам свой корабль, капитан!

Лека с Тоней в двух шагах от меня прилаживают телескоп. Я задирю голову.

Здесь нет ни фонарей, ни деревьев, ни телеграфных столбов — нет ничего такого, что мешает смотреть на небо с земли. Незнакомое ночное небо такое огромное, что у меня начинает кружиться голова. Из черной далекой глубины светят звезды. Крупные и маленькие, серdito-пристальные и весело мерцающие, они одинаково молчаливы. Почему они молчат? Не страшно ли им быть так далеко от Земли? Не холодно ли?

Лека трогает меня за плечо.

— О чем размышлялся? Будешь смотреть в трубу?

Он сказал эти слова не очень весело, но я не обратил на это внимания.

— А то нет! Ну как, здорово увеличивает?

Лека не ответил. Я стал водить телескопом. Звезд было такое множество, а поймать хотя бы одну оказалось нелегко. Наконец, одна попалась. Но что это? Вместо яркой, лучистой звезды — какая-то радужная черточка. Я покрутил окуляр. Черточка расплылась, сжалась, опять расплылась.

— Черточка? — спросили Лека и Тоня хором.

Я кивнул.

— И у нас черточка. Значит, не в зрении дело. Теперь, ребята, займемся Луной, только сперва посмотрим карту.

Лека вынул из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги, с сухим треском развернул его, включил трофейный фонарик. Мы с Тоней придвинулись к нему и увидели большую фотографию Луны.

— Вот это пятно называется Море Дождей. Высокие горы отделяют его от Моря Ясности. К югу от Моря Дождей лежит Океан Бурь и Море Облаков. Есть и другие моря — Море Волн, Море Холода, Море Спокойствия. Есть Залив Радуги и Озеро Смерти...

Лека говорил. Его палец с обломанным ногтем уверенно двигался по старой, склеенной на сгибах карте. А настоящая Луна медленно поднималась над разрушенными домами, становясь все меньше и белее. Я смотрел на нее и старался представить серые пустыни морей, без единой капли влаги, горы, на вершинах которых никогда не лежал снег, пыль равнин, не знавших ветра...

— Лека, а как люди узнали названия этих морей? — вдруг перебила Тоня.

— Они их придумали, — засмеялся Лека.

— Но почему именно так?

— Потому что они были моряками, — неожиданно для себя начал я, — а на Земле они везде уже побывали и...

— И им стало мало земных морей,— закончил Лека.— Владик, тащи телескоп, будем Луну наблюдать.

И опять вместо круглой великолепной Луны в окуляре виднелась уродливая радужная дыня. Лека в задумчивости кусал палец. Притихшая Тоня сидела на коньке крыши, положив подбородок на колени. Лицо ее казалось усталым.

— Может, стекла залапали, когда вставляли? — предположил я.

— Давай проверим,— согласился Лека.— Только чем бы протереть? Тоня, у тебя есть платок?

Тоня молча достала чистый, аккуратно сложенный платок и протянула мне.

— Я быстро освободил хрупкое стеклышко от зажимных колец, подышал на него и стал тереть носовым платком. Линза сияла, как новенькая. Держа ее двумя пальцами за ребро, я крикнул Леке:

— Видал, как надо делать!

И тут случилось непоправимое. Стеклышко, будто живое, выпрыгнуло из рук, искрой блеснуло в лунном свете и покатилось по скату крыши к водосточной трубе. Остановилось оно у самого края, ткнувшись в кучу прошлогодних листьев, наметенных тут ветром. Мы замерли. Достаточно было пройти по кровле, налететь ветру или какой-нибудь кошке задеть ее хвостом, чтобы линза скатилась в трубу и запрыгала в ней, как весенняя сосулька, дробясь на мелкие осколки.

— Вот и все. Можно сматывать удочки,— сказал Лека.— А жаль линзу, ровно одна диоптрия. Где мы теперь найдем такую?

Тоня поднялась на ноги и смотрела на меня с нескрываемым презрением.

Мне стало жарко. Потом холодно. Труба проходила недалеко от пожарной лестницы. Удастся ли дотянуться до нее? Высоты я не боялся. В развалинах мне случалось ходить по балкам перекрытий на высоте третьего этажа... Удастся ли дотянуться до трубы?

— Я сейчас достану стекло,— сказал я и, стараясь ступать мягче, быстро пошел к пожарной лестнице.

— Владька, ты куда, ведь все уже спят!— крикнул Лека, но я уже спускался.

Поравнявшись с тем местом, где труба крепилась к стене железной рогаткой, я остановился. Избегая смотреть вниз, поставил носок правой ноги у самого края и, крепко держась за боковину лестницы, попытался дотянуться до трубы. Это мне уда-

лось. Нога нащупала рогатку. Переноса на нее тяжесть тела, я быстро оттолкнулся от лестницы и оказался на трубе. Дальше было проще. Я лез по ней, как по столбу, и скоро моя голова показалась над краем крыши.

Лека с Тоней отвязывали телескоп от подставки.

— Чудак этот Владька,— слышался Лекин голос,— кто же даст ему стекло?

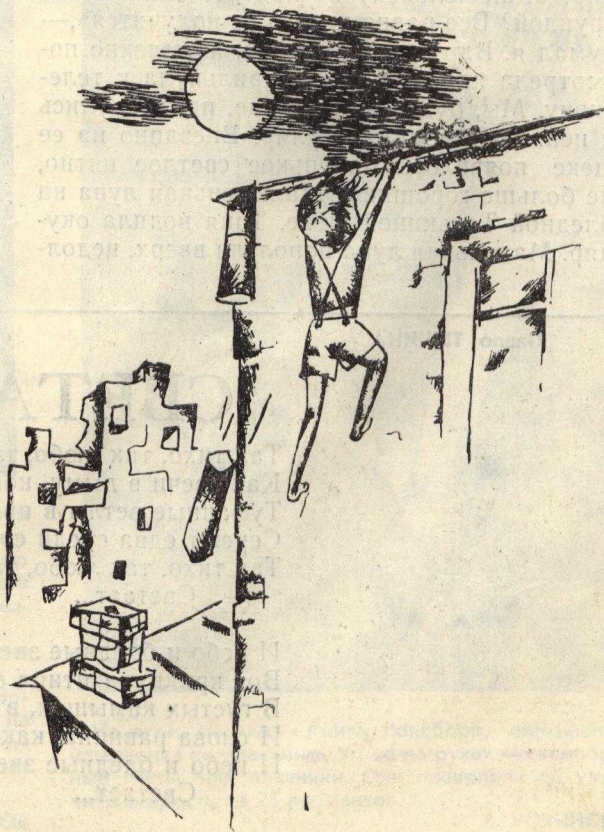
«Эге, голубчики,— подумал я,— сейчас я подберу стеклышко, вылезу у вас за спиной да как заору, вот будет потеха!»

Опираясь одной рукой на край водосточка, я протянул другую к стеклу и ухватил его. В ту же минуту раздался треск, и я почувствовал, что мои ноги болтаются в воздухе. Старая, ржавая труба не выдержала тяжести и отделилась от воронки. Путь назад был отрезан. А сколько времени продержится сама воронка?

Я сунул линзу за щеку и подтянулся на руках, стараясь лечь животом на край крыши.

— Ребята,— сказал я,— ребята, труба оборвалась... Дайте руку!

Неуклюже ступая, Лека двинулся ко мне.

— Стой, Лека! Сам свалишься! — крикнула Тоня, быстро легла на крышу и ловко, как кошка, поползла ко мне.

— Владик, слушай меня внимательно! Пока ничего страшного... Лека, берись за раму, будешь меня страховать!

Лека ухватился одной рукой за переплет чердачного окна, другую протянул Тоне. Она начала медленно подвигаться ко мне. Лицо ее казалось еще бледнее, а глаза были совсем темные. Потом горячая Тонькина рука крепко взяла меня за кисть. Я медленно разжал онемевшие пальцы...

★

Тесно прижавшись друг к другу, мы сидим на коньке крыши. Противная дрожь постепенно уходит из тела. Мы все трое целы и невредимы. Цел телескоп и даже линза. Тоня смеется:

— Как ты ее не проглотил от страха?

— Ну что, двинем домой?

— А Луна, а Море Ясности? Вот что, мальчишки. Вы сегодня уже отличились. Дайте-ка я попробую...

Тоня тщательно протерла все линзы, укрепила телескоп на подставке, направила его на Луну и стала медленно вращать окуляр. «Как человеку не надоест заниматься ерундой? Все равно ничего не получится», — думал я. Вдруг Тоня ахнула, изумленно посмотрела на нас и снова прильнула к телескопу. Мы, будто по команде, придвинулись к ней. Тоня водила окуляр. Внезапно на ее щеке появилось маленькое светлое пятно, не больше горошины. Маленькая луна на бледной Тонькиной щеке. Тоня водила окуляр. Маленькая луна поползла вверх, недол-

го задержалась в густых ресницах, а, перевалив их, заплескалась синим огнем.

Потом смотрел Лека. Он что-то бормотал себе под нос, смотрел в карту, потом в телескоп. Я терпеливо ждал. Наконец настала моя очередь. Рука у меня неловко дернулась и сдвинула телескоп. Я начал осторожно поводить трубой из стороны в сторону. И вот что-то очень большое, светлое вошло сбоку в поле зрения, не оставив ничего от той темноты. Я видел Луну, которая чудесным образом приблизилась. Я различал какие-то неровности, складки, пятна, как будто смотрел с моря на незнакомый берег. В этот берег хотелось вглядываться и вглядываться, и невозможно было оторваться от телескопа...

★

С тех пор прошло много лет. На лунных картах рисуют теперь не одно полушарие, а два, и новые моря носят названия, которых мы с Лекой не знали. На Луне лежит советский выпел. А в Звездном городке тренируется экипаж лунного космолета.

Я уже давно ничего не слышал о тебе, Лека. Не стал ли ты одним из тех, кто раскрывает тайны космоса? И дойдет ли письмо, если написать прямо на Байконур?

А еще я хочу сказать о тебе, Тоня. Я не знаю, где ты сейчас. Но каждый раз, когда мне становится трудно, я вспоминаю крошечную луну на твоей щеке, стискиваю зубы и стараюсь не отступать. Рано или поздно мне удастся добиться своего.

Все дело в том, что нужно только очень хотеть, и Море Ясности откроется перед тобой.

Павло ТЫЧИНА

СВЕТАЕТ...

Так тихо, так люблю, так нежно на воле.
Как свечи в дыму, когда свет их погашен,
Туманные ветлы в предутреннем поле
Сереют едва среди сумрачных пашен...
Так тихо, так люблю, так нежно на воле.
Светаает...

И небо и бледные звезды в дремоте.
Вот крикнула птица спросонья, лениво
В густых камышах, в одиноком болоте.
И снова равнина, как ночь, молчалива...
И небо и бледные звезды в дремоте.
Светаает...

Перевел с украинского А. Чельцов.

Телевизор на ладони

В Ленинграде, на заводе имени Козицкого, конструкторы работают над новым типом телевизора. Они хотят, чтобы по качеству он не уступал ламповому, но был более долговечным, дешевым и требовал

меньше энергии. Для начала заменили транзисторами только часть ламп. Если вместо всех нынешних телевизоров будут работать такие комбинированные, это уже сэкономит государству электроэнергию

больше, чем ее дает такая гидроэлектростанция, как Днепрогэс. А телевизор, построенный полностью на транзисторах, будет еще более экономичным и к тому же размером всего с ладонь.

Тлонуший город

В 1902 году обрушилась одна из старейших башен Венеции — римская Кампанелла. Это был первый сигнал ненадежности песчаного грунта. С тех пор сваи, на которых построены старые венецианские дворцы, жилые дома, школы и церкви, опустились почти на два метра.

Чтобы сохранить город, нужно снизить уровень наступающей воды до той высоты, которая была в XVI столетии. Одни ученые предлагают забетонировать берег и каналы, другие — держать воду на безопасной высоте с помощью больших насосов, отгородив Венецию от моря. Но все эти проекты стоят миллиарды лир, которых нет у города.

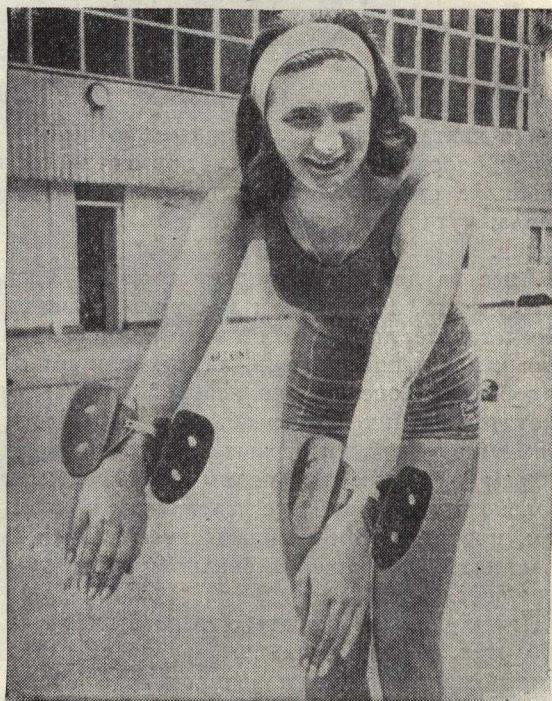
Р. ДАВИДОВ

В погоне за водой

Вода океанов и морей занимает три четверти поверхности Земли. Воды в три раза больше, чем суши. А между тем воды, состоящей только из кислорода и водорода, в природе не существует. Воду такого состава с огромным трудом готовят ученые для точного измерения ее свойств. Пока такая вода есть только в некоторых крупных лабораториях мира.

Итак, «обыкновенной» воды нет. Природная вода всегда необыкновенная, разная.

Ласторужка

На этом снимке — Анита Лонсборо, олимпийская чемпионка по плаванию. У нее на руках — своеобразные ласты, или плавники. Они позволили ей увеличить скорость на 25 процентов.

В. РОВИНСКАЯ

...Лисица поспешно взобралась на дерево, цепко хватаясь за сучья, тщательно выбирая точку опоры. Наконец она примостилась в развилке ствола среди густой листвы и замерла, чутко прислушиваясь к голосам охотников.

Лиса на дереве? Не из барона ли Мюнхаузена это? Разве лисы лазают по деревьям? Представьте, лазают, хотя и не все. Лисы, о которых здесь пойдет речь, лазают, если им понадобится. Конечно, это необычные лисы, и охотятся на них тоже необычно. Нет у охотников ни ружей, ни резвых гончих, ни коней, вихрем летящих по полям и перелескам. Только чуткий прибор с волшебным кристаллом, позволяющим слышать неслышимое и улавливать ультракоротковолновый писк притаившейся лисицы.

Пожалуй, пора сказать, что речь идет о радиолисах, об увлекательном разделе радиоспорта, известном под названием «охота на ли-

ПО лисьему следу

Лисица рядом, в десяти шагах. Ее можно увидеть, если глаза открыты. Но глаза-то как раз крепко зажмурены. Таня Васильева сдает отборочные испытания на право быть охотником. Не глазами, а радиопеленгом придется ей разыскивать лисицу.

Охотники вышли на след.

сицу». Инженер-майор Владлен Ильич Чулков — мастер радиоспорта — в своих фотографиях рассказывает о том, как происходила «охота на лисицу» в одном из пионерских лагерей.

Победители этих состязаний — лучшие «охотники» и лучшие «лисы» — вошли в сборную команду Москвы и участвовали во всесоюзной спартакиаде школьников по техническим видам спорта.

Вот уже взяли старт охотники. Они спешат. Ведь время, за которое ты успел обнаружить лисицу, входит в оценку. Отчетливо слышен в наушниках лисий голос. Бегом, бегом по высокой траве, без тропок на этот голос... Эх, ребята, зря вы так спешите! Думаете: надо обязательно искать где-нибудь в непроходимой чаще, в зарослях кустов, которые впереди? Лиса хитра. Она где-то здесь, рядом, в высокой траве. Тонкая антенна передатчика

незаметна среди высоких стеблей. Один лишний шаг, один поспешный шаг и... голос лисы потерялся. Он вышел за пределы «угла зрения» прибора. Невидимая ниточка пеленга оборвалась. Теперь начинать поиск сначала...

Прежде чем выйти на состязания, ребята много готовят, много работают. А «охотники» и «оружие» свое изготавливают сами. Это не очень сложно для тех, кто умеет разбираться в радиосхемах, у кого, как говорится, руки на месте и умеют орудовать паяльником, напильником, отверткой, лобзиком. А вот передатчик, с помощью которого подают голос радиолисы, ребята сами сделать не могут. Его дает радиоклуб или местная организация ДОСААФ. Перед выходом на соревнования каждый участник проходит отборочные испытания. «Лисица» — на умение включить передатчик, вести передачу ключом по азбуке Морзе и радиотелефоном. У «охотника» проверяют умение определять радио-

— Я лисица. Я лисица. Я лисица, — повторяет в микрофон Олег Кузнецов. Правила игры выполняются честно, лиса не имеет права молчать. Олечка — самая молодая лиса на этих состязаниях.

пеленгом направление, откуда идут сигналы, иначе говоря, ловить голос «лисы».

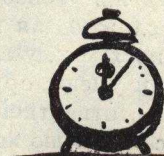
Было тихо

Было тихо,
Очень тихо;
Ночь на всей земле.
Лишь будильник
Робко тикал
На моем столе.

Было тихо,
Очень тихо;
Тихий, тихий час.
Лишь будильник
Робко тикал,
Мышь в углу скреблась.

Было тихо,
Очень тихо;
Дрема без забот.
Лишь будильник
Робко тикал,
Мышь скреблась,
Сверчок пиликал,
Да мурлыкал кот.

Было тихо,
Очень тихо;
Тихий час теней.
Лишь будильник
Робко тикал,
Мышь скреблась,
Сверчок пиликал,
Козлик мекал,
Кот мяукал,
Поросенок дерзко хрюкал,
Бык ревел,
Да две собаки
Дружно вторили во мраке
Ржанию коней.

Новелла МАТВЕЕВА

Пони

И снова я
В зоопарке;
Полдень высокий, жаркий,
Клеток
Тени рябые,
Аквариумы
Голубые.

В бубенчиках
И в лентах
Пони бегут по кругу.
Девочек в тапочках летних
Пони везут по кругу.

Пони везут по кругу
Мальчиков разгоряченных,
В желтых, зеленых, телесных,
Пахнущих лаком
Тележках.

Белый пони промчался,
Пестрый пони промчался,
И золотистый пони
С белым пятном показался;

Вот он, вот он, вот...
Мальчика пони везет;

«Мальчик, не смей!» — кричу я.
 «Мальчик, не бей!» — кричу я.
 Мальчика, бьющего пони,
 Остановить хочу я,
 Но пони бегут вперед.

«Бросьте! — заметил некто,
 Давно уже рядом стоящий,—
 Он бьет его старой веревкой,
 Не крепкой, не настоящей,

И мальчик не уймется
 До той поры, пока
 Последняя из веревки
 Не вытреплется пенька».

Что ж, вы, пожалуй, правы,
 Вы, молодой, но кроткий;
 Мальчик молотит пони
 Настоящей плеткой
 Да и тем паче пони —
 Настоящие кони.

Мальчик — ненастоящий тоже
 (Надо упомянуть!)
 Может быть,
 Он
 Настоящим
 Все ж
 Будет когда-нибудь?

...Бежит по кругу лошадка;
 Ненастоящая?
 Пусть.
 Но в темных глазах
 Лошадки
 Дрожит настоящая грусть.

Мальчик
 Едет на пони,
 Желтого пони
 Бьет.

«Мальчик, не бей!» — кричу я.
 «Мальчик, не смей!» — кричу я.
 Мальчика, бьющего пони,
 Остановить хочу я,

Но пони бегут по кругу.
 Дальше.

Мимо.

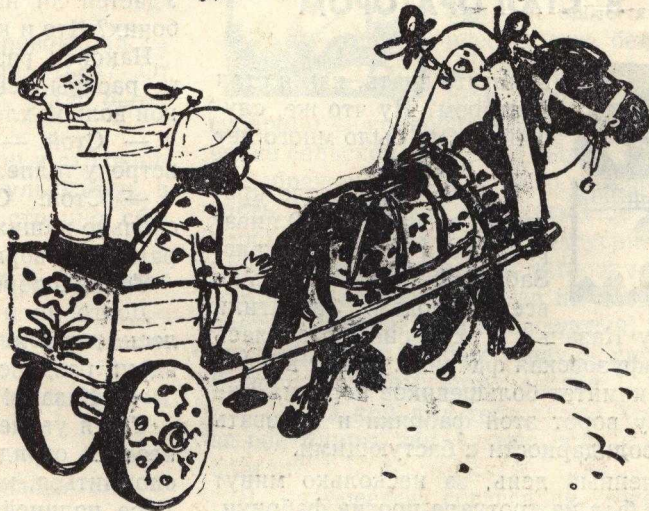
Вперед...

Мальчик заносит руку,—
 Желтого пони
 Бьет.

Пони бегут по кругу,
 Справа бегут налево,
 В глазах моих желтые, красные
 Круги
 От солнца и гнева!..

Скройся из глаз, повозка
 Злобного сорванца!
 Но нет конца у круга,
 Нет конца у кольца.

И снова белый пони,
 И снова пестрый пони,
 И золотистый пони,
 Которого мальчик бьет...

Рисунки Ф. ЛЕМКУЛЯ.

РАССКАЗЫ ПОДПОЛЬЩИКА АЛЕКСЕЯ

А. ЛОЗОВСКИЙ

Рабочий Алексей — партийное имя моего отца А. Лозовского (С. А. Дридзо). Под этим именем он начинал свою революционную деятельность. Под этим именем знали его Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская.

В детстве мне мало пришлось видеть отца. Работа в подполье, тюрьма и ссылка надолго отрывали его от семьи. Только одно время, в 1906 году, мы виделись довольно часто. Отец сидел в Харьковской тюрьме на Холодной горе, там же сидела и моя мать со мной (она тоже была революционеркой). Было мне три с половиной — четыре года. И вот помню, как тюремный надзиратель брал меня из камеры матери через окошко в дверях, в которое заключенным давали еду, и относил в гости к отцу, передавая меня через такое же окошко. Тут уж я наслаждалась обществом отца: он рисовал мне петухов, разных зверей, рассказывал сказки. А часа через два тем же путем я отправлялась обратно. Я была счастлива! И отец и мать были со мной!

Но так продолжалось недолго. Скоро нас с мамой отправили в ссылку в Архангельскую губернию, а отца — в Сибирь, откуда он бежал за границу.

Отец был человеком умным, способным, с сильной волей, до конца преданным делу революции. От сельского кузнеца до доктора исторических наук, заместителя министра иностранных дел и руководителя международного профессионального движения — путь нелегкий, путь полный напряженного труда и горения!

Привыкнув к напряженной работе, отец во время отпуска не мог сидеть без дела. Он любил поехать по стране, встречался с пионерами, рассказывал им о событиях во всем мире, вспоминал эпизоды из своей революционной жизни. Ребята с большим интересом слушали его. Впоследствии отец записал эти эпизоды и назвал их «Беседы у костра. Рассказы подпольщика Алексея». Рукопись сохранилась у нас в семье. Отрывки из некоторых рассказов вы прочтаете в этом номере.

Вера ДРИДЗО

КАК Я СТАЛ ОРАТОРОМ

Вы хотите знать, как я стал оратором? Ну что же, слушайте. Это было много лет тому назад.

В 1905 году после кровавого воскресенья 9 января Россия котлом кипела. Забастовки прокатились по всем городам. Захватили

они и нашу Казань. В стороне оставалась только Алафузовская фабрика. И вот в июне Казанский комитет большевиков поручил мне выступить у ворот этой фабрики и призвать рабочих к солидарности с бастующими.

В назначенный день, за несколько минут до гудка, я был на тротуаре против фабрики. У ворот уже маячили шпики. «Узнали про наш план», — подумал я и тотчас принял вид гуляющего бездельника.

Была еще одна причина, которая очень меня волновала: я не умел хорошо выступать.

Удастся ли найти слова, чтобы убедить рабочих? Что и как сказать?

Наконец раздался протяжный гудок, ворота раскрылись, рабочие и работницы широкой волной хлынули на улицу.

— Стой! — закричал я и бросился навстречу толпе, подняв руки.

— Стой! Стой! — поддержали меня несколько наших товарищей, с которыми мы заранее договорились.

Толпа в нерешительности остановилась.

Долго ли я говорил? Не знаю. Мне казалось, что я говорил одну-две минуты, как вдруг раздался пронзительный крик:

— Казаки! Стражники!..

Тут я увидел, что из ворот прямо на толпу несется отряд конной полиции. Не успел я опомниться, как был зажат между лошадьми. Двое полицейских схватили меня за руки и потащили за собой. Рабочие пытались меня отбить. Резко свистнули нагайки — и моим защитникам пришлось отступить.

Около конторы фабрики меня подвели к директору и полицейскому приставу.

— Это рабочий Алексей, — сказал приставу какой-то молью изъеденный шпичок.

— Ах, вот он какой! — осклабился пристав. — В пожарный сарай его!

Пожарный сарай — это значило организованное избиение. Избиение по всем правилам полицейской науки, требовавшей оставлять поменьше внешних следов и побольше внутренних повреждений. Много борцов рабочего класса погибло в пожарных сараях.

Меня повели. Что было делать? Броситься бежать? Некуда. Поймают и на месте прикончат. Главное было — устоять на ногах после первого удара. Упадешь — начнут молотить сапогами под ребра и отобьют все внутренности. Не упасть, главное, не упасть.

На пороге сарая я почувствовал какой-то толчок. Откуда толчок? Почему свет в глазах? Свет был такой силы, что я ничего в сарае не увидел. Но тут же сообразил, что получил удар сзади по шее, понял, что значит выражение «искры из глаз». Все же я устоял. Переступив порог, остановился и прижался к стене. Озираюсь, как загнанный зверь. Кто и куда ударит? В голове шум и звон. Вот приближаются еще двое стражников. Ага, шесть человек сразу навалятся. Шум и звон усиливаются. Мне чудятся далекие крики: «Отдай его, отдай!» Что это, уже галлюцинация? Кто может так кричать? Значит, конец, я теряю сознание... Конец...

Вдруг в ворота сарая влетел запылавшийся полицейский.

— Веди его в контору! Их благородие требуют!

«Наверное, какая-нибудь провокация, — подумал я. — Идти или сопротивляться? От сарая до конторы бить не будут, стало быть, выиграю несколько минут...»

У конторы — пристав, директор и стражники. Но что это? Директор мне улыбается, а пристав тербит темляк и как-то странно, сбобку, смотрит.

— Мы решили вас освободить, — сказал мне, поперхнувшись, пристав.

— Да, да, это я настоял! — вмешался директор.

Пристав презрительно на него взглянул и прошипел мне:

— Выматывайтесь!

И тут до меня явственно донеслось:

— Отдай орателя!.. Фабрику разнесем!

— Да ведите его скорее к черту, а то эта сволочь ворота ломает! — закричал пристав.

Вдруг раздался треск, ворота распахнулись, и в них ринулась толпа с криком:

— Давай орателя!

Испуганные стражники взяли меня под руки и повели навстречу толпе. Я вырвался. Десятки рук меня подхватили, подняли и понесли.

Голова шла кругом, а рядом идущий товарищ скороговоркой объяснял:

— Когда тебя схватили и все разбежались, женщины бросились в рабочий поселок с криком: «Трусы, орателя предали!» Тут поднялось все население и, вооружившись чем попало от камней до домашней утвари, помчалось к фабрике с воплями: «Отдай орателя, а то фабрику разнесем!»

Меня несли на руках, а за нами с радостными возгласами шагали тысячи возбужденных рабочих и работниц, впервые понявших, какая сила таится в их солидарности. Я никак не мог собраться с мыслями. Был на волосок от смерти, а тут такой триумф! Наконец меня донесли до лужайки, поставили на землю и потребовали:

— Говори!

И тогда я произнес самую пламенную и сильную речь в своей жизни.

«ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ»

Два года спустя царский суд приговорил меня на «вечное поселение» в Сибирь. Ехали мы туда долго, в кандалах и под такой охраной, что было совершенно невозможно бежать. Только в Чечуйске — небольшом городке Иркутской губернии — конвойные передали нас на попечение сельской власти. Я был назначен в село Преображенское. Для того, чтобы туда попасть, нужно было проехать еще шестьдесят верст верхом до Нижней Тунгуски, а там проплыть на плотках больше пятисот верст.

Крестьяне посадили нас на лошадей, и мы поехали тайгой. Мой провожатый, которого я, размышляя о побеге, начал спрашивать о Преображенском, вдруг сказал:

— А на кой ляд тебе туда? Хошь, я тебя за полтинник, как доедем, сейчас же обратно повезу?

Я, разумеется, согласился, хотя и трудно было без отдыха и привычки проделать такой длинный маршрут.

На обратном пути я все время засыпал в седле и добрался до Чечуйска вконец разбитым. Но засиживаться здесь было опасно, и поэтому, не раздумывая, опять верхом, от-

А. Лозовский в Харьковской губернской тюрьме. Апрель 1906 года.

правился на Лену, в уездный город Киренск, еще за семьдесят верст.

В Киренске пришлось прожить дней восемь. Надо было получить деньги, раздобыть паспорт и придумать, как ехать дальше. Наконец пришли деньги, и мне вручили паспорт крестьянина Вятской губернии.

Сел я ночью на пароход и тронулся в путь. На другой день узнаю, что на пароходе возвращается сессия Иркутской судебной палаты, приезжавшая в Киренск для расправы с революционерами. Главная беда этой совместной поездки заключалась в том, что на пристани в Жигалове, куда шел пароход, всех лошадей заберут судьи и мне придется день-два ждать. А так как я всего лишь три недели назад проезжал через Жигалово арестантом, был большой риск наткнуться на «знакомого». Как быть? Я стал присматриваться к пассажирам, чтобы с помощью кого-либо из них найти благополучный выход.

С самого начала мое внимание привлек инженер-геолог, ехавший из экспедиции по разведке золота. Я поговорил со старшим рабочим экспедиции и понял, что инженер не подведет. Подстерег инженера, когда он прогуливался по палубе, и оглушил таким вопросом:

— Можете ли вы оказать мне содействие?

— Чем могу служить? — любезно спросил он.

— Мне надо возможно скорее выбраться с парохода и без промедления доехать до Иркутска. Так как судебная сессия и ваша экспедиция пользуются преимуществом по сравнению с частными лицами, то мне придется прождать два дня в Жигалове, а это нанесет мне очень большой ущерб.

— Что же вы хотите?

— Я хочу, чтобы вы зачислили меня в вашу экспедицию, и тогда я проеду без особых затруднений до Иркутска.

— Странно нанимать людей на обратном пути, после выполнения миссии! — сказал он.

— А кому будет известно, что вы меня включили в экспедицию на обратном пути? Мне, например, было бы удобно числиться в вашей экспедиции с самого начала.

— А, вот оно что, — пробормотал инженер, испытующе посмотрев на меня.

— У меня деньги есть, я буду сам платить за лошадей, важно, чтобы брали этих лошадей для экспедиции.

— Ну хорошо. В случае чего, вы уж сами выворачивайтесь, а я тут ни при чем.

Теперь моя задача заключалась в том, чтобы опередить судебных чинов в Жигалове.

Наш пароход все чаще и чаще останавливался по ночам — капитан опасался сесть на мель. Сибиряки говорили, что пароход простоят всю ночь в пятнадцати километрах от Жигалова.

Я передал инженеру, что лучше всего ночью высадиться и обогнать судебную сессию на лодках. Он согласился.

Помню, часов в двенадцать вся экспедиция перебралась на лодки. В каждую впряглись по четыре человека и пошли берегом, таща лодки вверх по течению. В восемь утра я и старший рабочий пошли к старосте за лошадьми. Когда рабочий развернул перед старостой бумагу с императорским гербом, а я начал кричать, что геологическая экспедиция — это большое государственное дело и, если через пятнадцать минут не будет двух пар лошадей, он попадет под суд, староста совершенно обалдел и промямлил:

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! Сейчас лошади будут.

Лошади были готовы через полчаса, и мы поехали. Инженер, садясь в таратайку, крикнул:

— Пять рублей на чай, гони всюю!

Было видно, что мой инженер нервничает, но я себя чувствовал прекрасно. На каждой станции я ходил за лошадьми и где уговари-

ми, а где угрозами добивался того, что мы безостановочно продолжали путь. Через сорок восемь часов мы, проехав четыреста верст на перекладных, вкатили в Иркутск.

— Ну, прощайте. Большое вам спасибо, — сказал я инженеру и старшему рабочему. — Вы мне оказали такую услугу, которая не забывается.

Инженер отвел меня в сторону и спросил:

— Ну, скажите теперь, вы бежали с поселения?

— Да! — ответил я. — Прощайте и не поминайте меня лихом.

ШАХ И МАТ

е шибко большой я шахматист, а пришлось в тяжелый момент шахматами от полиции отбиваться.

Дело было в 1922 году. Предложили мне поехать во Францию. Там собирався съезд профсоюзов, надо было выступить и изложить нашу точку зрения. Французским премьер-министром был Пуанкаре, наш враг, на визу рассчитывать не приходилось. В кармане у меня появился паспорт на имя Жака Менаса, собственника автомобильного завода в городе Страсбурге. Достал я добротный костюм, какой полагается иметь фабриканту, часы с золотой цепочкой и два золотых кольца на пальцы. Но что делать с физиономией? Я много лет жил во Франции, мою бороду всякая полицейская собака знала, и поэтому решил: бороду сократить, заострить клинышком, подкрасить под темного шатена, усы обработать той же краской, закрутить и поднять заливчатски вверх. Сделал все так и подался на вокзал.

В купе я вытащил альбомы автомобильных фирм. Встреча с польскими пограничниками и жандармами прошла благополучно, и я решил побриться. Вынимаю зеркальце, и — о ужас! — моя борода темно-зеленая, да еще с переливами! Я быстро обвязал щеку и бороду носовым платком и предался грустным размышлениям. У меня было такое страдальческое лицо, что проводник посоветовал мне остановиться в Варшаве, полечить зубы.

Однако что же делать? Сбрить бороду, но фотография в паспорте с бородой! Это вызовет подозрение. Ну, а зеленая борода? Какой дурак поверит, что это сделано для красоты?.. И я решил усиленно страдать от зубной боли до самого Берлина.

В Берлине я с обвязанной щекой приехал в богатый отель Кайзергоф и немедленно потребовал к себе в номер парикмахера.

— Смотрите, — сказал я парикмахеру, показывая зеленую бороду, — что сделала со мной французская краска. Хотя я француз, но терпеть не могу нашу краску. Я всегда пользовался только немецкой краской, а в Москве, куда я ездил из-за концессий, мне подсунили эту гадость.

Парикмахер с сочувствием посмотрел на мою бороду и самодовольно сказал:

— Вы можете быть уверены, гнедигер херр, что наша немецкая краска вас не подведет.

И он меня перекрасил. Ура! Я снова стал темным шатеном! Надо отдать должное — парикмахер меня не обманул: краска оказалась прочной. Вернувшись в Москву, я три месяца мучился, пока не отмыл эту проклятую краску...

Пересечь почтенному буржуа немецкую, бельгийскую и французскую границу не стоило большого труда. Но во Франции возникло сразу множество хлопот.

Я узнал, что съезд, который открылся в Сент-Этьене, проходит очень бурно. Треть делегатов враждебно настроена против СССР. Парижская охранка уже успела сообщить, что на съезд должен приехать большевик с большой бородой. Это заставило меня при-

А. Лозовский в Париже. Март 1911 года.

нять добавочные меры предосторожности. Но главное заключалось в том, как организовать выступление.

В Сент-Этьене я остановился у одного муниципального чиновника, сочувствовавшего Советской власти. Вызвал двух наших французских товарищей и приступил к разработке плана.

— Сколько выходов и сколько телефонов в Народном доме, где происходит съезд? — спросил я у них.

— Два телефона, выходов три.

— Тогда мне нужны: автомобиль, четыре крепких комсомольца и молодая девушка семнадцати — двадцати лет. Основное условие — строгая конспирация.

— У меня, — сказал хозяин квартиры, — один знакомый коммерсант, из социалистов, симпатизирует Советской власти. У него есть автомобиль, которым управляет его сын.

Была уже ночь. Выступать надо завтра в десять утра. Колебания в таких случаях могут погубить все дело.

— Зовите сюда вашего коммерсанта, — сказал я хозяину.

Пока он ходил, я изложил друзьям план.

— Завтра, как только я появлюсь в президиуме съезда, пошлите комсомольцев к телефонам, чтобы, пока я буду говорить, они никого к ним не подпускали. По два человека поставьте у каждой двери в партере и на галерее — их дело никого из зала не выпускать, прежде чем я не исчезну...

В дверь постучали, и вместе с хозяином вошел приятного вида старичок.

— Как я рад увидеть живого комиссара! — воскликнул старичок, когда нас познакомили.

Я не был комиссаром, но мог бы им быть, поэтому промолчал и стал отвечать на вопросы, которые волновали моего собеседника. Наконец я в упор спросил:

— Можете ли вы оказать мне помощь, предоставив ваш автомобиль на три-четыре часа?

— Пожалуйста, автомобиль, мой сын и я сам к вашим услугам, — ответил старичок.

— Тогда пусть ваш сын подъедет завтра... — И я назвал улицу, поблизости от Народного дома.

— А как обстоит дело с девушкой? — спросил я хозяина, когда гость ушел.

— Могу порекомендовать мою сестру.

Через минуту в комнату вошла красивая девушка лет девятнадцати, очень скромная, и уставилась на меня непонимающими глазами.

— Как могу я вам помочь?

— Завтра без четверти двенадцать, — сказал я, — вы должны подойти к Народному до-

му и ждать меня. Когда я выйду, вы броситесь ко мне и скажете: «Мой дорогой, почему ты опоздал?» Но только вы должны волноваться, чтобы полицейские поверили, что это назначенное свидание...

Назавтра, в десять часов, я в простой рабочей кепке появился на съезде.

Зал взорвался аплодисментами. Две трети съезда кричали «Ура!», одна треть вопила: «Долой московских диктаторов!» Потом большинство делегатов запело «Интернационал».

Я говорил около двух часов, разъясняя, что такое социалистическая революция, диктатура пролетариата, каково отношение рабочего класса к своему государству и каково должно быть отношение международного пролетариата к первой в мире социалистической революции. Мои противники, пытавшиеся вначале меня прервать, после нескольких иронических реплик смолкли. Делегаты с затаенным дыханием слушали первого приехавшего к ним русского большевика.

Когда я окончил речь, съезд устроил бурную овацию в честь СССР. Спускаясь с трибуны, я видел, что часть делегатов бросилась к выходу, но двери оказались запертыми, и люди в недоумении остановились, образовав у дверей пробку. Между тем я надел другого цвета пальто, соломенную шляпу-канотье и вышел к подъезду. Там расхаживало трое полицейских. Вдруг я вижу, ко мне навстречу бежит Сюзанна (так звали «мою девушку») и, страшно волнуясь, громко восклицает: «Ах, мой дорогой, почему ты опоздал?» Я тоже побежал к ней с возгласом: «Моя дорогая, я очень рад, что ты пришла!» Один полицейский понимающе мигнул другому и стал молотцевато закручивать длинные усы. А я нежно взял Сюзанну под руку и повел к автомобилю, в котором чинно сидел мой старичок.

— Прямо в Лион! Сто километров в час! — сказал я сыну старичка. И машина понеслась.

В Лионе я заехал в лучший ресторан, угодил моих спутников обедом, дружески распрощался с ними, намекнув, что я первым же поездом уезжаю в Париж, — и был таков.

Я знал, что через час после моего отъезда вся французская полиция и пресса будут поставлены на ноги. Вечерние лионские газеты уже дали описание моего выступления, причем один корреспондент сообщил, что «видел, как он садился в Сент-Этьене на парижский поезд». Такая информация была мне только на руку, и я спокойно поехал на автомобильную выставку в Лимож. А через несколько дней я купил билет первого класса до Брюсселя.

Лозовский с Надеждой Константиновной Крупской и Марией Ильиничной Ульяновой.

В четырехместном купе я занял место у окна и стал присматриваться к спутникам. Напротив сидела супружеская пара. По чемоданам и внешнему виду толстых супругов было ясно, что это обыватели, которые думают только о том, чтобы им не мешали жить в свое удовольствие. На четвертое место перед самым отходом сел сухопарый господин. Лицо его, походка, взгляд, костюм — все мне показалось подозрительным. У старых подпольщиков вырабатывается особый нюх. Ощущение такое, что в купе завоняло псиной — шпик, да и только... Выслеживает он меня или хочет только проверить? Уйти на ходу с поезда — нельзя. Значит, надо создать такую обстановку, чтобы у шпика рассеялось подозрение, что в купе едет большевик.

Я вынул купленные в Париже маленькие дорожные шахматы, и сразу засел за решение шахматных задач. Правда, ни одной задачи я не помнил наизусть, но исходил из следующего предположения: девяносто девять шансов против одного за то, что шпик ничего не понимает в шахматах, и как я ни буду переставлять фигуры, он примет это за настоящую игру. Расставил я фигуры на до-

ске и так увлекся задачей, что ничего «не видел и не слышал». Так прошел час, другой и третий. Вдруг я заметил, что подозрительный субъект заерзал и выскочил в коридор.

В купе заглянули жандарм и пограничник для проверки паспортов. Когда они ушли, появляется наш спутник и, обращаясь к толстому господину, спрашивает:

— У вас есть разрешение на ружье?

— А вам какое дело? — возмутился тот.

— Если я спрашиваю, значит, имею на это право, — и шпик отвернул лацкан пиджака, показывая значок парижской охраны.

Толстяк взбеленился и стал кричать:

— Я буду жаловаться министру! Не дают покоя мирным гражданам даже в поезде! Вот мое разрешение.

Хотя я был весь поглощен шахматами, но выразил толстяку свое сочувствие:

— Не понимаю, что эти ищейки за нами бегают. Нас-то они могли бы оставить в покое!

Но вот мой сосед умолк, поезд замедлил ход и остановился. Брюссель. Шахматная партия длилась три часа сорок пять минут.

Парижская охранка получила мат.

Сергей Есенин

Перед вами несколько стихотворений Сергея Есенина, которому, будь он сегодня жив, сравнялось бы семьдесят лет.

«Какой русский, какой чистый поэт!» — это Горький и это о Есенине. Здесь великое удивление и почтительность перед редким поэтическим даром и мастерством.

Возьмем наудачу стихи, ну хоть «Песнь о собаке». Сколько же доброты и щемящей нежности ко всякому обиженному, и такое тут сострадание, что вот так и побежишь, чувствуя себя той собакой, по тому снегу к черной, страшной воде пруда. Так и взвыл бы сам от горя! А понять чужую скорбь — значит самому подняться по лесенке добра, которая незримо присутствует в мире.

Россия, воспетая поэтом, — мы узнаем ее, это наша Родина, и в то же время из каждой строки знаем: здесь рука и сердце Есенина. Пойдет пора, вы подрастаете, и многие из вас скажут следом за тысячами других людей: «Я люблю Есенина!» Так будет.

Сергей Есенин в 1925 году.

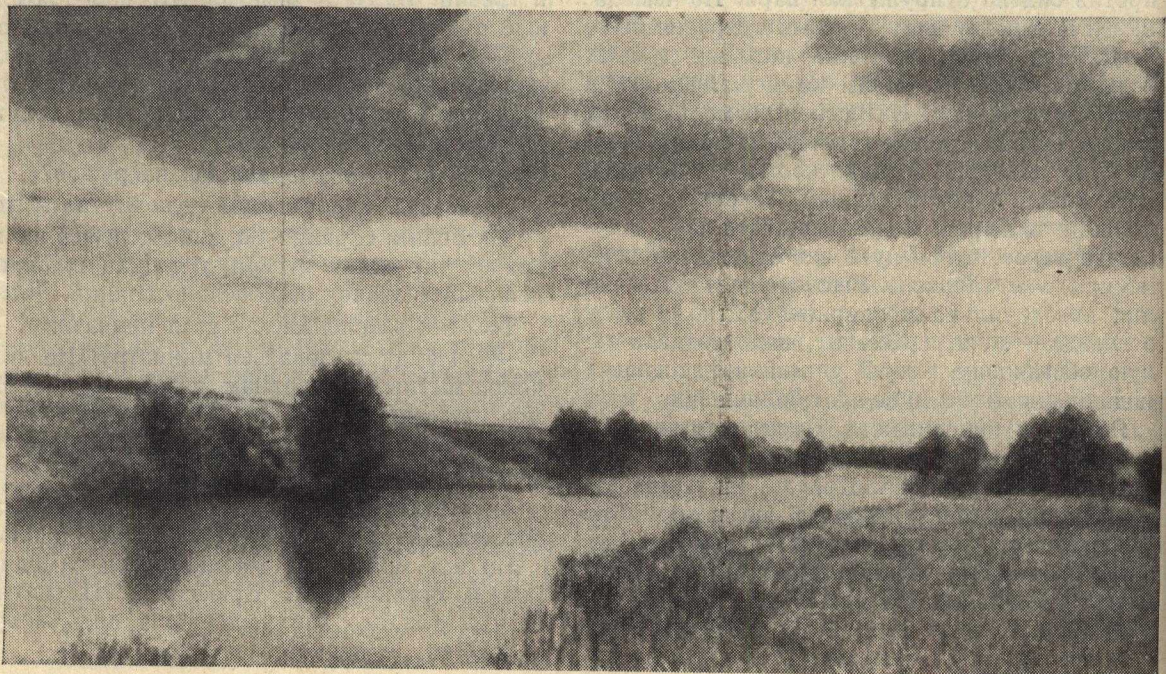
★

Топа да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей.
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!

Родные места поэта.

РУСЬ

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.
А как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вошел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать.
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшая гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

★
Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.

Сергей Александрович Есенин в юности.

Высоко над луговинами
По востоку пышет зарево.

Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестиных.
Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.

На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.

★

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колёсом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога,
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

ЛЕД, ЛЕД, ЛЕД...

Как вы думаете, много ли на всей нашей планете льда? Ученые подсчитали, что он составляет больше одной десятой части всей суши! Его в восемь раз больше, чем пресной воды во всех реках, озерах и прудах, и если бы вдруг весь этот лед растаял, то уровень воды в морях и океанах поднялся бы сразу на пятьдесят метров, и тогда целые страны оказались бы на дне морском. Вот какая нешуточная штука лед, и вот почему многие ученые в самых разных концах света посвятили свой труд изучению льда. Гляциологи — так называют этих ученых — выясняют, как образуется лед, каковы его свойства, как с ним бороться и как использовать.

ДОМ НА ФОНТАНКЕ

В Ленинграде, неподалеку от Аничкова моста, в глубине сада, выходящего на Фонтанку, стоит старинный дом. Когда-то он принадлежал графам Шереметьевым. Много повидал на своем веку этот дом. Бывал здесь Пушкин, бывали декабристы, бывали и члены императорской фамилии.

А теперь идет в доме жизнь удивительная и совсем особенная. Это самый северный и в то же время самый южный дом в стране.

Как так? — В чем дело?

А дело в том, что в этом доме помещает-

ся Научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики. Здесь начинаются путешествия, здесь задумываются люди над загадками обоих полюсов. Это штаб армии исследователей. Сюда стекаются сведения от зимовщиков, дрейфующих на льдинах, от людей, исследующих полярные ветры и полярные течения, полярные сияния и полярные льды.

Льды... Когда я спросил о них, меня провели к дверям, похожим на крепостные ворота, толстенным, обитым железом. — Это лаборатория льда.

Человек, который подвел меня к железной двери, сказал:

— А ну, утепляйтесь! Сейчас наступит зима.

Он вытащил из стенового шкафа два полушубка и две пары валенок. Мы оделись.

И вот обитые железом двери захлопнулись за нами.

ОКЕАН ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ ДВЕРЬЮ

доль стен комнаты, в которую мы попали, тянулись трубы, обросшие инеем.

Посреди комнаты стояли ледяные глыбы, прозрачные, как тонкие стекла.

— Этот лед мы намораживаем в лаборатории, на нем и проводим опыты и исследования, — рассказывает мой спутник, ученый-ледовед Николай Васильевич Черепанов. — А эти микроскопы помогают нам пробраться в глубь ледяных кристаллов, увидеть, как они устроены, чем отличается один от другого. Взгляните-ка сами.

Я нагнулся к окуляру... и не поверил своим глазам. Как будто бы горсть драгоценных камней отливала всеми цветами радуги! Так выглядела тончайшая ледяная пластиночка, увеличенная во много раз оптическими стеклами и освещенная особым образом.

Я заглянул в другой микроскоп, в третий. Мне показалось, что я повертел трубку калейдоскопа: узоры были такими же красивыми, но составлены иначе.

— Отчего это, разве лед не всегда один и тот же? — спросил я.

И вот что оказалось.

Для ученых слово «лед» — это фамилия целой семьи.

Лед может быть озерным, речным, морским, донным, пещерным, ледниковым, атмосферным.

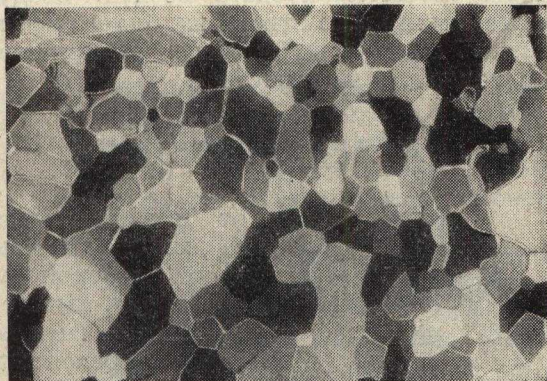
Присмотритесь как-нибудь на пруду или на речке к поверхности льда. Вы увидите неровную сетку тоненьких изогнутых ли-

ний, которая делит кусок на отдельные участочки. Если вы вырежете этот кусок и нагреете его, он станет распадаться на ледяные столбики как раз по этим линиям. Это значит, что лед — вещество кристаллическое, состоящее из отдельных маленьких льдинок строгой и точной формы. Каждый ледяной кристалл ученые называют «зерном».

На спокойных реках и озерах с пресной водой образуются зерна, похожие на ледяные иглы, а морской лед совсем иной, мутный. Ветры и течения мешают росту правильных кристаллов, «зерен» льда, есть в нем и прослойки соли.

Потом мы вошли в соседнюю комнату. Посреди ее находился длинный бассейн, до краев заполненный льдом.

— А это наш Ледовитый океан, — сказал Николай Васильевич. — В этом бассейне мы создаем условия, похожие на те, при которых замерзает вода в арктических морях. В море воду перемешивают течения — у нас это делают мешалки. В полярных морях часто резко снижается температура — у нас есть для этого холодильные машины. Здесь испытываем модели судов-ледоколов. В нашей лаборатории создан проект невиданного до сих пор корабля — ледорезохода. Вместо того, чтобы ломать, давить лед, как делают ледоколы, он будет резать его, вырезать во льдах канал, по которому вслед за ним пойдут другие корабли. Такой коридор не засоряется ледяной крошкой и глыбами потому, что наш ледорезоход будет по транспортеру поднимать ледяные глыбы на палубу, а потом сбрасывать на ледовое поле. Возможно, такие механизмы — ледорезы — будут устанавливаться на обычном

Вот как непохожи друг на друга кристаллы речного и морского льда, если рассматривать их в микроскоп. На левом снимке — речной лед, а на правом — морской.

буксире. Энергии на это нужно в три-четыре раза меньше, чем современному ледоколу.

ДРУГ И ПРОТИВНИК

Лед издавна хорошо служит людям. Ледяные дороги и сооружения возводились во многих странах. А в последнее время инженеры открыли новые качества у этого древнего строительного материала.

Оказывается, по прочности лед равен кирпичу, а замороженный песчаный грунт — бетону. Советские инженеры пользуются совершенно новым строительным материалом — льдобетоном. Льдобетон — это костяк из железных прутьев, замороженных в слой льда. Для прочности добавляют в лед опилки и стружки из стекловолокна. На севере сооружения из льдобетона могут стоять десятки лет.

Так что польза ото льда может быть немалая. Есть еще проекты использовать айсберги для добывания пресной воды. Даже небольшой айсберг, доставленный к побережью, даст миллионы литров великолепной, чистой влаги. Подсчитали, что в Калифорнии вода из айсберга обойдется в сто раз дешевле всякой другой.

Есть много способов заставить лед служить человеку, но все равно вреда лед приносит гораздо больше.

Лед запирает наши северные порты, обрывает провода, нарушая связь, становится смертельной опасностью для летчиков, покрывая тяжелой корой самолеты в воздухе. Лед превратил огромные пространства нашей страны в унылую зону вечной мерзлоты.

Морской лед, закрывший доступ в бухту, взрывают, растапливают электрическими разрядами, разрезают на части струями воды, подаваемой из пушек под большим давлением. Посылают самолеты, чтобы они рассеяли надо льдами угольную пыль. «Зачерненные» льдины поглощают солнечные лучи в отличие от белых льдин, которые почти полностью отражают их. Полоса льда, покрытая угольной пылью, быстрее растает, и во льдах откроется проход для кораблей.

Борьба со льдом не прекращается и все время рождает новые проекты. Вот один

из них. Температура нижних слоев воды никогда не опускается ниже одного-двух градусов тепла, какая бы ни свирепствовала стужа на поверхности. Если бы уда-

На ветру ли, в полярную ли стужу — гляциолог не выбирает погоды. Вот он добывает из ледяной толщи образцы для анализа.

лось эту воду постоянно поднимать из глубины вверх, то она вообще не позволила бы сковать бухту льдом.

Существует и такой проект — проложить в воде трубы с отверстиями в стенках, а через трубы пропускать воздух. Воздух, выходящий через отверстия, будет перемешивать слои воды. Теплая вода поднимется наверх, и лед растает.

НА ЛЕДЯНОЙ ВАХТЕ

от и захлопнулись за мной тяжелые двери ледовой лаборатории. Вместе с Николаем Васильевичем Черепановым я вышел в садик,

разросшийся в институтском дворе. Мы сели на скамейку.

Мои вопросы ис-
сякли, а Николай
Васильевич продол-
жал рассказывать,
припоминая путе-
шествия и зимовки,
забавные и печаль-
ные случаи, все, чем
полна его трудная и
интересная жизнь.

Рейсы на само-
летах полярной
авиации, дрейфую-
щие льдины. Поляр-
ная, продолжитель-
ностью в шесть ме-
сяцев ночь на Земле
Франца-Иосифа. Во
время зимовки Ни-
колаю Васильевичу
подолгу приходи-
лось оставаться од-
ному в домике, ря-
дом с которым была
вырублена шахта.

Она уходила в лед на 15 метров, и четы-
ре раза в сутки Черепанов спускался в
шахту, чтобы записать показания при-
боров...

Трудна вахта исследователя. Особенно
там, на полярных льдах — в Арктике, в
Антарктиде, — где работа продолжается и
в буран, и в шестидесятиградусные моро-

У морских льдов страшная сила. Теснимые ветром и течением, ледяные поля на-
лезают друг на друга, ломаются, крошатся, а на стыках вырастают гигантские
валы, торосы. Не просто пробираться здесь с нартами и собачьей упряжкой!

зы, и в долгую полярную ночь. Вахта ис-
следователя, его «рабочий день», продол-
жается до тех пор, пока наука требует
этого, пока очередная загадка не раскры-
та. А упорство полярных исследовате-
лей — упорство особенное. Суровая приро-
да полярных областей сама закалила его!

Е. РЕЙН

«Вожатый» — пионерам

Если ты пионер-инструктор или вожатый октябрятской звездочки, тренер пионерской футбольной команды или командир отряда красных следопытов, непременно подпишись на журнал «Вожатый». В этом журнале ты всегда найдешь много полезных советов, которые пригодятся и тебе и твоим товарищам по отряду и дружине.

В 1966 году в журнале «Вожатый» начнется переключка районных и городских штабов юных пионеров, пионерских организаций городов-героев.

В каждом номере ты найдешь специальные выпуски «Затейника» и «Олимпиады». В этих отделах печатаются новые песни, стихи, рассказы, пьесы, игры, аттракционы, советы мастеров спорта.

Подписаться на журнал «Вожатый» можно в любом почтовом отделе-
нии. Подписка на год стоит 3 р. 60 к., на полугодие — 1 р. 80 к.

Оружие расистов

Этот снимок был сделан в американском городе Бирмингеме. «Они расстреливают толпу негров водой! — восхищался снимком журнал «Лайф». — Струя так сильна, что разрывает одежду».

Три месяца назад расисты в полицейских мундирах и касках не решались расстреливать негров из винтовок и пистолетов. С пистолетами выходили по ночам куклуксклановцы. Теперь весь мир с возмущением узнал о кровавой бойне, учиненной полицейскими в Лос-Анжелесе, Чикаго и других городах Америки. Правители этой «самой свободной в мире» страны не потерпели сопротивления безоружных людей расистским головорезам. Пожарные брандспойты и дубинки полиция сменила на винтовки.

В чем провинился Снейвли?

Джемса Снейвли арестовали ночью на квартире. Вскоре последовали суд и приговор: пятьдесят долларов штрафа. «За что?» — удивился осужденный. «За незаконное держание собаки», — ответил судья. Хотя никакой собаки у механика Снейвли не было, он молча уплатил названную сумму. Спорить с судьями в городке Лебаноне бесполезно.

На следующее утро кто-то позвонил жене Снейвли и пообещал убить ее малолетнего сына. На улице Джемса останавливали криками: «Эй ты, красная скотина! Уматывайся-ка лучше в Рос-

сию!» Снейвли получал десятки угрожающих писем, на его стареньком «форде» изрезали все шины.

В чем же провинился механик из пенсильванского городка? Только в том, что он, как атеист, не желал, чтобы его дети зубрили поповский «Новый завет». Верховный суд Соединенных Штатов отменил обязательные религиозные обряды в школах. Но в школах Лебанона ежедневные молитвы продолжались. Власти и газета грозили расправой каждому, кто откажется от молитв. И Джемс Снейвли оказался жертвой расправы.

СЧАСТЛИВЫЙ ШАРИК

Андреа Аннaro двенадцать лет. Он живет в Италии на окраине Милана. Накануне дня рождения Андреа попросил у отца подарок, о котором давно мечтал: игрушечную железную дорогу. Но семья их была бедной, и отец не мог купить сыну игрушку. Тогда мальчик сел и написал карандашом на бумаге: «Кто хочет сделать меня счастливым? Кто подарит мне игрушечную железную дорогу?» Внизу добавил имя, фамилию, адрес, прикрепил записку к воздушному шару и пустил его на улице по ветру.

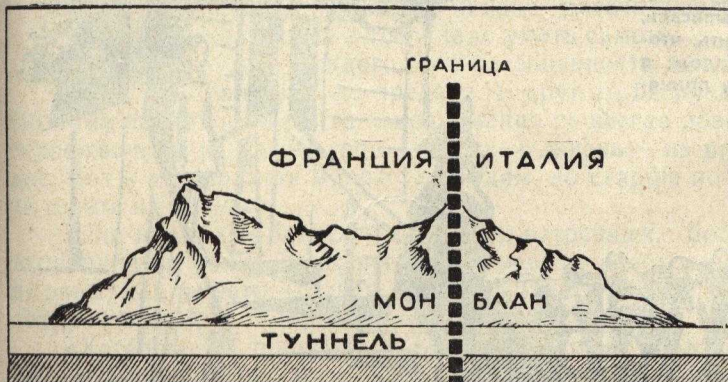
И, представьте себе, шар улетел очень далеко — в Венгрию. Он упал в поселке, поблизости от Будапешта, на школьном дворе. Как раз во время перемены. Ребята нашли записку и с помощью учителя иностранного языка прочитали ее. В тот же день они собрали деньги и послали их по почте в Италию. Воображаете, как обрадовался Андреа, получив их! Но только он не побежал в магазин игрушек. У него болела мама. А вызов врача и лекарства в Италии дороги. Деньги Андреа отдал на лечение маме.

В Альпах, на границе между Италией и Францией, расположен самый высокий в Западной Европе горный массив — Монблан. Много веков Монблан был главным препятствием на пути из Рима в Париж. Огибая его, путешественники теряли много времени.

Но вот недавно под Монбланом открылся самый большой в мире автомобильный туннель. Его длина — одиннадцать километров шестьсот метров. Путь из Рима в Париж сократился на 200 километров летом и на 350 — зимой.

Строили туннель почти семь лет.

Туннель под Монбланом

К
Р
У
Г
О
С
В
Е
Т
К
А

Посмотрите на этот рисунок. Узнаете? Вы уже видели его в майском номере, когда читали про «девочку с косичками» — партизанку Зину Портнову. Помните, как схватили Зину гитлеровцы, как выдал ее подлый предатель Николай Эккерт!

Недавно в редакцию из Оренбурга пришло письмо. Владимир Григорьевич Альтов писал, как однажды утром его сын Сережа пришел взволнованный, со свежим номером «Пионера» в руках.

— Папа, неужели его не поймали? — спросил Сережа.

— Кого?

— Предателя Эккерта, который выдал Зину.

«Эккерт. Знакомая фамилия», — подумал Владимир Григорьевич. Он взял журнал и прочитал «Девочку с косичками». И вспомнилось ему, как совсем недавно, много лет спустя после войны, узнал он конец истории, не зная ее начала. И теперь он мог

ли временно на работу. Эта «временная» работа продолжалась четырнадцать лет.

По справке, выданной в больнице, он получил из военкомата воинский билет, а по нему и паспорт на имя Неведомского Николая Ивановича.

Первое время он работал сторожем в подсобном хозяйстве. Потом переквалифицировался в кузнеца. Вел он себя осторожно. Почти никуда не выходил. Ни с кем не переписывался. А если надо было написать заявление, просил кого-нибудь другого. Он старался ничем не привлечь к себе внимания. Жил тихо и хитро. Притаился.

Его искали. Во все уголки страны шли запросы. Разыскивался Николай Артурович Эккерт — предатель Родины. Работники Комитета государственной безопасности опрашивали многочисленных свидетелей. И напали на след.

В Оренбург из Витебска прибыли чекисты. Помогла уборщица. Она давно работала в больнице. Когда к ней обратились работники госбезопасности и описали приметы Эккерта, уборщица сказала: — Был такой. Выздоровел. Но никуда не уезжал отсюда. Работает по соседству в подсобном кузнице.

«Кузнеца» пригласили в бухгалтерию подсобного хозяйства. Приняли меры на случай, если

тот вздумает свернуть в лес.

Он пришел, окинул настороженным взглядом незнакомых людей в штатском, увидел землянок, чуть вздрогнул.

— Николай Артурович Эккерт! — спросили его.

— Что!.. Нет!.. Я Неведомский, — отозвался он, бледнея.

— Лжете! Эта фотография и эти люди из Оболи подтверждают вашу личность.

Ужас исказил лицо Неведомского. На другой день он сознался во всем. Самолетом его доставили в Витебск, а после продолжительного следствия привезли под конвоем в поселок Оболь. Несколько дней в клубе торфяного завода шел процесс над Эккертом.

Предатель и палач был приговорен к расстрелу.

Он ушел?.. Нет!

рассказать Сереже, как скрылся и замел следы предатель Эккерт и как, несмотря на все его волчьи уловки, он был пойман и разоблачен работниками госбезопасности.

— Но ведь это надо знать всем мальчишкам! Папа, пожалуйста, напиши в редакцию! — попросил Сережа.

И вот мы читаем письмо из Оренбурга.

Весной 1947 года в Оренбурге со скорого поезда «Москва — Ташкент» сошел пассажир. Сделав несколько шагов по перрону, он покачнулся, упал, снова встал и, дергаясь, распевая песни, стал кружиться и приплясывать, натываясь на пассажиров. Собралась толпа.

— Припадочный, должно быть, — сказал кто-то.

— Псих, самый настоящий, — согласился другой.

Подшел милиционер, вызвали врачей. «Психа» пришлось связать и на «Скорой помощи» отправить в больницу. Когда он пришел в себя, сестра спросила у него документы.

Тот порылся в карманах и, ничего не найдя, сказал:

— Украли. В поезде, должно быть.

Он закричал и вдруг опять забился в припадке. После второго приступа он назвался Неведомским. Так его и зарегистрировали.

А когда Неведомского окончательно выписали, ему выдали справку. Здесь же он стал просить, чтобы его устроили на работу. Тут и врачи рядом: в случае чего помогут. Ему посочувствовали и приня-

Наедине с собой

Попробуйте описать свой день...

о чем тут писать? Вчера — как сегодня, сегодня — как завтра: уроки дома и в школе, погуляешь, почи-таешь — и спать, — прибедаются одни.

— Если описывать день подробно, — толстой тетради не хватит, — уверяют другие.

— А кому это нужно? — изумляются третьи.

Нет, дни совсем не одинаковы. И вы сегодня не такие, как вчера, а завтра уже вы будете иными. И обстоятельства непрерывно меняются: на одном уроке ты любишь предмет и учитель тебе нравится; на другом — все наоборот. К этому уроку вы приготовились и рветесь отвечать; а на следующем сердце замирает: вызовут, а я ничего не знаю... То вы поглощены объяснением, то никак не можете сосредоточиться. А перемены, с их встречами, выслушанными секретами и новостями, беседами, предложениями и объяснениями, окрыляющими или печальными, столкновениями, переходящими в дружбу или неприязнь!

А часы досуга, когда вы увлекаетесь наукой, техникой, спортом, смотрите фильмы и спектакли, слушаете музыку, гуляете, читаете не по заданиям, а по собственному выбору! Вопросы, сомнения, рожденные впервые прочитанной книгой... Внимательно взгляните во все, чем обогатил вас день: во все, что делали, о чем думали, что чувствовали наедине и на людях — и вы поймете, почему Толстой, решив писать «Историю вчерашнего дня», много работал, а успел рассказать только о предшествующем вечере.

Нужен ли вам дневник?

Человек, подобно ракете, выходит на свою орбиту, и выход этот зависит от точности расчета. Но не надейтесь только на запускающих. Каждый отвечает за свою судьбу. В жизни рассчитывать цель, направление и темп надо уметь самому.

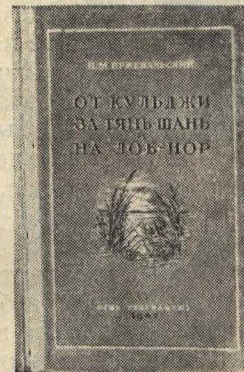
У каждого своя насыщенность дня. У одного он наполнен до предела. У другого беспредельно пуст. Поэтому родившиеся почти одновременно не всегда ровесники. Дни складываются из часов, годы — из дней, жизнь — из прожитых годов. Вот и можно быть моложе по годам, но старше по часам, если не терять их попусту.

Если ваши дни богаты событиями, встречами, беседами, размышлениями, узнаванием нового, — дневник необходим. Если дни дырявы, как решето, — зачем дневник? Пишут тогда, когда хочется сохранить память о чем-то значительном и важном.

«Хотелось бы привыкнуть определять свой образ жизни вперед, не на один день, а на год, на несколько лет, на всю жизнь да-

«Видеть все собственными глазами» — таков был девиз этого путешественника.

«Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя... Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав».

А. П. Чехов.

же... Я бы был несчастливейший из людей, ежели бы я не нашел цели для моей жизни — цели общей и полезной», — писал в дневнике молодой Толстой.

Тому, кто не пытался составить план на завтра и не сумел добиться осуществления намеченного, трудно рассчитать время на год. Он не знает, куда плывет, и любой ветер может показаться ему попутным.

Много лет назад у нас на литературном кружке выступал Отто Юльевич Шмидт — большевик, ученый, путешественник, основатель Советской Энциклопедии. Он рассказал о том, как в молодости составлял себе план, определив то, что хотел сделать. Содержательный план оказался длинноват: для его выполнения требовалось дожить до 200 лет. Ограничив свой возраст 80 годами, Шмидт оставил главное. «Мне за пятьдесят, и многое из того, о чем мечтал, я сделал», — сказал Отто Юльевич.

Что и как надо делать в школе, предусмотрено расписанием. Но уроки поглощают всего пять часов. А остальное время года? Ведь есть еще одиннадцать часов, кроме сна. Их каждый тратит, как умеет. И в эти часы досуга крепнут характер, воля, способности. Крепнут. Или слабеют. Зависит от самого себя. По дневнику легко судить о себе. Приходит время, когда каждый человек спрашивает себя: какой я, какой у меня характер? Дневник помогает посмотреть на себя со стороны. Перечитывая его, замечаешь, что то, что вчера еще казалось удачным, сегодня таким уж не кажется. Возвращаясь к записям, отдаленным месяцами, вы видите себя как бы со стороны, совсем иными, чем казались себе прежде. Иной раз впечатление кажется неожиданным, порой — обидным. Суд над собой не нуждается в снисхождении. Понятые недостатки исправимы.

Для кого пишут дневники?

е все, что говорят шепотом, необходимо сообщать через микрофон. Дневник пишут для себя. Показное всегда противно, а уж дневник и подавно.

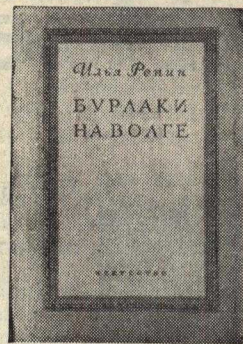
Учительница просила тех, кто ведет дневники (а этого ребята не скрывали), сдать по собственному выбору несколько страниц вместо очередного сочинения. Две девочки этого сделать не желали.

Одна так и сказала, другая написала «для нее» и сдала. А через несколько дней третья девочка принесла выписки из своего настоящего дневника, но попросила вслух их не читать. Забыв это, учительница прочитала ее работу классу. Девочка сказала: «Я хотела бы прочитать выписку из Чернышевского. Она случайно не попала в мою работу». И прочла: «Между неразвитыми людьми мало уважается неприкосновенность внутренней жизни. Каждый из семейства, особенно из старших, без церемонии сует лапу в вашу интимную жизнь... Человеку вовсе нет удовольствия, оттого что пристают к нему... Уединение нужно каждому».

Другая девочка нашла в парте дневник соседки, прочитала его и предложила обсудить ее поведение: оказывается, на уроках та думала не только об учении...

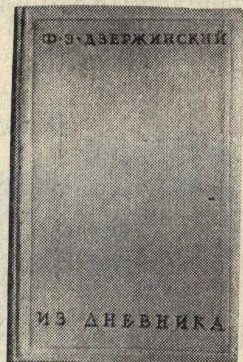
Класс решил умно: дневник вернуть, посоветовав хранить его тщательно, а той, кто его прочитал, объяснить, что она поступила нечестно.

Литературный кружок путешествовал по Волге. Ребята запаслись путеводителями и начали писать дневники. Мы подъезжали к Казани. И вдруг на палубном столике я заметил забытую кем-то

«Его «Бурлаки на Волге» — ...это поэма о счастье и молодости, о звездном небе над просторами Волги, о радостной и вдохновенной работе...»

К. Чуковский.

«Юноше, обдумывающему житье, решающему — сделать бы жизнь с кого, скажу не задумываясь — «Делай ее с товарища Дзержинского».

В. Маяковский.

тетрадь. Открыл и ахнул: там описывались величественная башня Сумбеки и вид со стен Казанского Кремля. Девочка восторгалась тем, чего еще не видела...

Оказалось, что ребята, обремененные мыслью о предстоящей проверке дневников, соревнуясь, списывали из путеводителей то, что им казалось необходимым. Некоторые за эту неделю описали впечатления ближайшего месяца. Книги могли открыть им глаза на то, что они видели. Но случилось так, что они загородили им жизнь. Мы поговорили откровенно и решили вопрос, как мне кажется, правильно: дневники пошли на растопку вечернего костра на берегу. Записи начались вновь, а от проверки их я отказался. И больше никогда не «задавал» писать дневники.

С дневниках, которые прочитать необходимо

Как обогатится знание всех предметов, изучаемых в школе, если вы обратитесь к дневникам выдающихся деятелей науки и искусства!

Теперь найдены и опубликованы дневники многих выдающихся писателей. Они открывают нам то, чего без них мы могли не заметить в художественных произведениях. Глубже можно понять рассказы, повести, романы и личность Льва Толстого, прочитав его дневники, которые он вел почти всю жизнь. Наблюдая себя, писатель понял других. Его герои — люди сильного характера, незаурядных способностей, благородных устремлений. Создавая их, Толстой использовал свой дневник.

Я давно заметил: тот, кто сам ведет дневник, глубже чувствует литературу. Привыкнув вглядываться в себя, он точнее постигает мотивы мыслей и поведения других. Не каждый станет писателем, но способность выразить впечатления словами необходима всем.

В дневниках тех, кто сидел на партах четверть столетия назад, в канун Отечественной войны, пред нами предстает история, увиденная глазами современников. Дневники Жени Рудневой, Нины Костериной, Пети Сагайдачного расскажут многое тем, кто изучает историю своей школы. Спросите ее бывших учеников, тех, кто приходит на традиционные вечера встреч, не сохранились ли у них дневники тех лет? Нет ли их у ваших близких? И вы обогатите историю школы ценнейшими источниками.

Дневники, о которых я говорю, написаны для себя.

«При маме я не хотела писать дневник, потому что я его никому не показываю и никто о нем не знает». «Никто, кроме меня, конечно, мой дневник не увидит», — писала Женя Руднева.

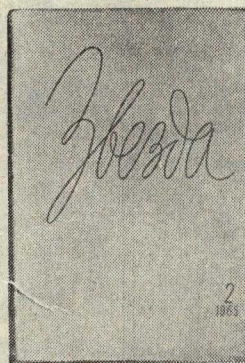
Нина Костерина, уходя в партизанский отряд, прощалась со своим дневником. «Столько лет был он моим верным спутником, поверенным моих обид, свидетелем неудач и роста, не покидавшим меня в самые тяжелые дни. Я была с ним правдива и искренна».

Дневники тех, кто оставил заметный след в своей области, раскроют романтику профессии тем, кто о ней думает. Будущие биологи узнают много нового из дневников Дарвина и Мичурина. Увлеченным географией полезно знакомство с дневниками путешествий Миклухо-Маклая и Пржевальского. Тем, кто увлекается рисованием, многое скажет книга Репина «Бурлаки на Волге», где рассказано и показано, как день за днем в эскизах и вариантах возникла картина, знакомая каждому.

С. ГУРЕВИЧ,
заслуженный учитель РСФСР.

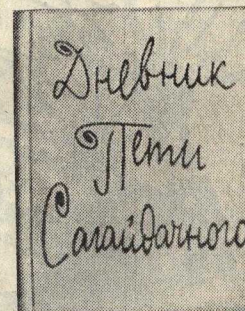

В этой книге ты найдешь дневник Жени Рудневой и Нины Костериной.

А в журнале «Звезда» — дневник Марии Рольникойте. «Душа девочки не сломилась. Ее дневник — это ее непокоренная душа. Ее дневник — одна из ужасных страниц истории XX века, написанная кровью».

Э. Межелайтис.

«Сын ваш вел себя героическим — и так до последних дней. Он был одним из лучших разведчиков в нашем батальоне...»

Из письма командира батальона — матери Пети Сагайдачного.

В прошлом номере были у нас стихи американского поэта. В этом вы прочтете и по-русски и по-немецки стихотворение Иоганнеса Бехера, снова заглянете в тайны поэтического перевода, где часто важнее всего сказать не слово в слово, буквально, а сохранить и в полной мере передать душу стихов, их внутренний смысл. В будущих номерах, ребята, вы услышите поэтическую речь других народов.

Johannes R. BECHER

FLOCKENFALL

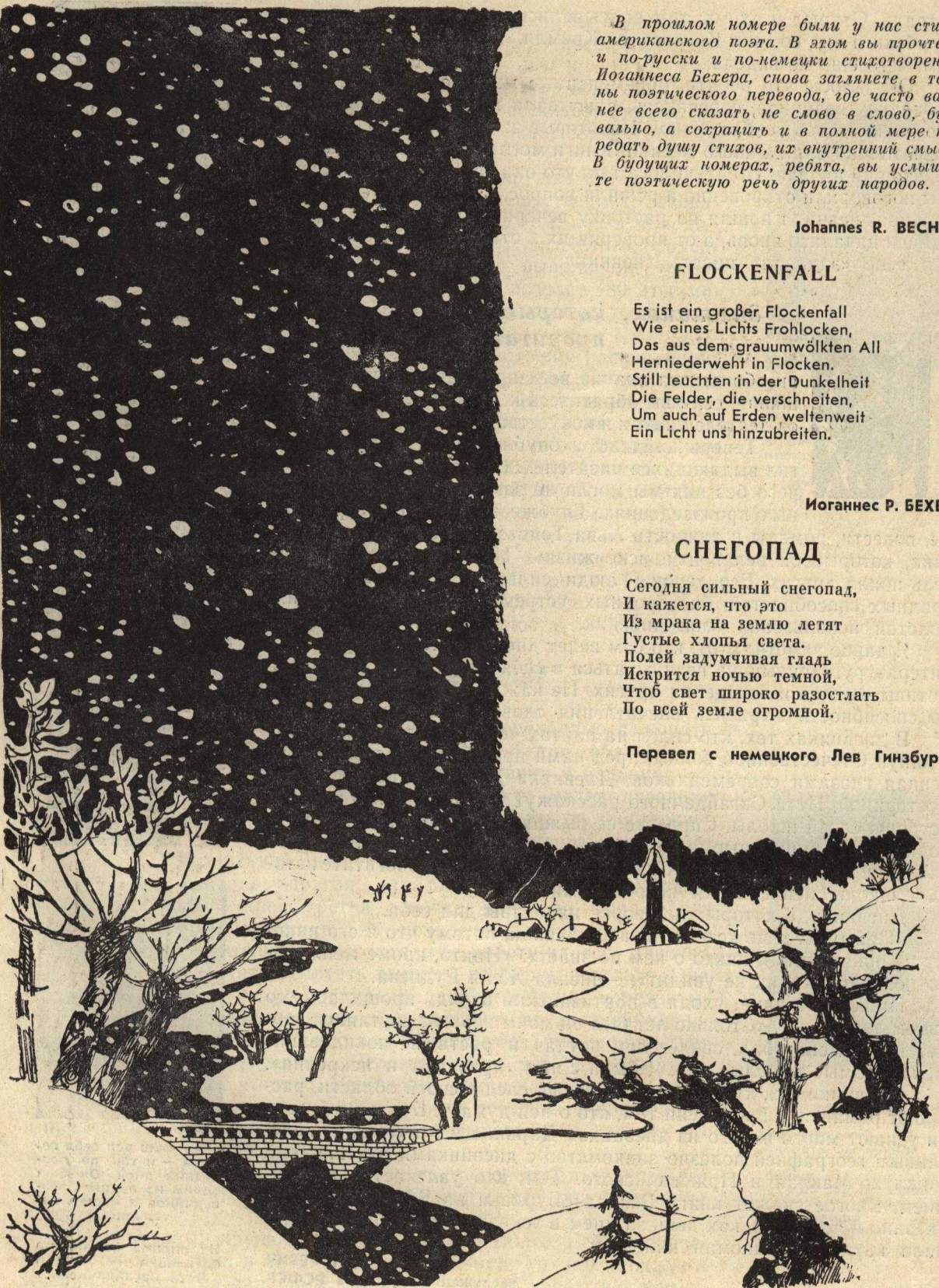
Es ist ein großer Flockenfall
Wie eines Lichts Frohlocken,
Das aus dem graumwölkten All
Herniederweht in Flocken.
Still leuchten in der Dunkelheit
Die Felder, die verschneiten,
Um auch auf Erden weltenweit
Ein Licht uns hinzubreiten.

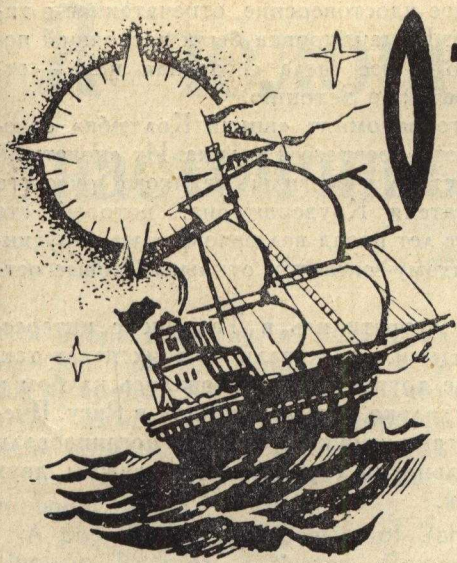
Иоганнес Р. БЕХЕР

СНЕГОПАД

Сегодня сильный снегопад,
И кажется, что это
Из мрака на землю летят
Густые хлопья света.
Полей задумчивая гладь
Искрится ночью темной,
Чтоб свет широко разостлать
По всей земле огромной.

Перевел с немецкого Лев Гинзбург.

ОТКРЫВАТЕЛИ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

Рассказ нашего корреспондента
о клубе «Внуки Колумба»

уроке географии получить пятерку... Но «внукам Колумба» этого мало.

Если секция «Европа — Азия» (а клуб разбит на секции по странам света) затеяла путешествие в Индию, то, можете быть уверены, на вечере-путешествии вы услышите индийскую музыку и песни, прочтете письма индийских друзей, увидите репродукции с картин индийских художников, узнаете, как живут и учатся школьники Индии, — словом, открытие новой страны будет настоящим... А если в Рижском порту окажется хоть один моряк, побывавший в Индии, то можно не сомневаться: ребята его разыщут и приведут.

У них, как у всех бывалых путешественников, есть в разных странах друзья, которые шлют им письма. Согласитесь, такое путешествие по карте уже близко к настоящему...

У «внуков Колумба» есть и свой маленький музей. В нем письма друзей клуба, фотографии, карты, альбомы, коллекции находок, принесенных из походов.

Все в этом музее говорит о веселых странствиях. Все сделано с большой любовью. Каждая вещь как будто сама запомнила свое место, нигде нет ничего лишнего... И, может быть, из-за этой строгой простоты здесь чувствуешь себя немножко в корабельной каюте.

...Но вернемся к ребятам, которых мы оставили во время ночной тревоги.

Тревога!

Толя поднял голову и настороженно огляделся. На полу чужой, незнакомой комнаты лежат полосы лунного света. Рядом слышно чье-то спокойное дыхание.

Минуту Толя напряженно вглядывался в глубь комнаты. Потом улыбнулся.

Толя вспомнил. «Внуки Колумба» в походе. Ночуют в гостинице на берегу Рижского залива в маленьком городке Саулкрасты... На сегодня намечена ночная тревога, одна из секретных операций «тайны НБН». Знают об этом только Александр Освальдович и он, Толя, командир похода. Ребята ни о чем не подозревают. Значит, теперь Толе надо делать свое командирское дело.

— Подъем, ребята! Ночная тревога! «Тайна НБН»!

Кто они, эти путешественники, и почему называются «внуками Колумба»?

Пока ребята торопливо одеваются, расскажу вам немного о них.

Казалось бы, сейчас, когда на земле почти не осталось неоткрытых земель, «внукам Колумба» нечего делать. И тем не менее их жизнь полна открытий. Они путешествуют. Встречаются с трудностями и опасностями. Делают открытия даже на улицах родного города, даже на карте, в школьном учебнике.

Можно уметь показать города и реки, скажем, Индии, рассказать о ее растительности и животном мире, о хозяйстве страны и на

С моря дул влажный западный ветер. Полная луна упрямо пробиралась сквозь редкие облака. Чуть вздрагивая от прохладного морского ветра, «внуки Колумба» шли по узкой тропинке к морю — навстречу ветру. Тропинка привела ребят к темной стене леса, и они бесстрашно вошли в ночной лес.

Вот впереди все смелее и явственнее заблуждал ручей, и отряд вышел к мосту.

На другой стороне ручья узкой полоской тянулся лужок. В траве светились белые пят-

нышки лесных маргариток. Александр Освальдович сказал, что эти цветы скоро понадобятся, и каждый из ребят собрал небольшую букетик.

И тропинка снова увела ребят в лесную темноту. И после этой темноты на неожиданно открывшейся лесной поляне особенно яркими показались белые обелиски, залитые холодным лунным светом...

«Внуки Колумба» застыли в строю. От обелисков, от звезд на их вершинах ложились четкие черные тени.

— Друзья! — сказал Александр Освальдович. — Мы пришли сюда ночью. Мы поднялись по тревоге. И хотя мы живем в веселом и солнечном мире и во всех странах у нас много друзей, каждый из вас должен знать: каким бы мирным делом он ни был занят, в любую минуту — и днем и ночью — горнист может протрубить тревогу. Здесь лежат воины Советской Армии, отдавшие жизнь за нашу свободу и наше счастье. Почтим же их память молчанием!

Медленно, по одному, ребята выходили из строя и клали на ступени обелиска букетики лесных маргариток. Они не произносили никаких клятв, не давали никаких обещаний — все и так было понятно...

И снова цепочка ребят двинулась к шелепящей стене ночного леса. Ребята шли и пели свой гимн-песню, подаренную клубу известным эстонским композитором Александром Блумбергом:

«Внуки Колумба», шагайте вперед,
Жизнь чудесна!
Светлые годы, большой переход
Ждут, как крылатая песня!

4

Мы рассказали только об одном эпизоде большого похода «внуков Колумба» по побережью Рижского залива. Каждый день приносил новые открытия. Ребята познакомились со старым капитаном рыбацкого судна. Побывали в поселке Скулте в гостях у рыбаков самого богатого в Латвии рыболовецкого колхоза «Звейнекс» («Рыбак»).

Знакомясь с тем, как живут и работают люди Латвии, они вновь открывали для себя свою страну, любили ее по-новому... Они открыли и другие новые земли.

В мае «колумбы» отправились в «командировку дружбы» в старинный город Таллин. Это была настоящая командировка не только потому, что у каждого было настоящее коман-

дировочное удостоверение, отпечатанное в типографии. Командировка была настоящей потому, что у нее была серьезная цель — открыть братскую Эстонию.

Надолго запомнят «внуки Колумба» строгую красоту древнего Таллина. Их «почетный караул» стоял у могилы великого русского мореплавателя Крузенштерна, который сто пятьдесят лет назад вел белокрылые парусники по Тихому океану и открывал новые острова...

Ребята встретились в Таллине с интересными людьми, рассказали о своих делах так, что новые друзья заинтересовались клубом и через несколько недель приехали в Ригу. Вместе с гостями «внуки Колумба» организовали для школьников города вечер дружбы двух республик.

5

Но здесь хочется сказать о другом. О том, почему в этом клубе ребятам по-настоящему интересно.

Клуб «Внуки Колумба» существует недавно — всего около года. Его руководитель и организатор — рижский учитель Александр Освальдович Гросс. Он помогает ребятам во всех делах, но настоящие хозяева клуба — сами ребята.

Если ребят интересует, скажем, искусство Мексики, то они сами достают редкие пластинки с записями песен, пишут письма мексиканским друзьям, и потом, на вечере «Песни и искусство Мексики», семиклассница Люда Господарикова делает доклад, а ребята ведут концерт...

Если клубу нужны палатки, то семиклассник Анатолий Ромашенко, президент клуба, идет к министру торговли Латвии и достает палатки. Всеми делами клуба руководит совет. Он готовит соревнования, разрабатывает маршруты походов.

...Мы упомянули о «тайне НБН», а что это за тайна, так и не рассказали... Но мы и не можем этого сделать. Сами понимаете, тайна есть тайна. И раскрыть ее может только совет клуба.

...На северной окраине Риги, за широкой рекой Даугавой, есть тихая улица Мелнсила. Улица самая обыкновенная — черный асфальт, грустные городские деревья, зеленый газетный киоск на углу... Вот на этой улице и помещается клуб «Внуки Колумба». Его адрес: Латвия, Рига, улица Мелнсила, дом 14-10. Напишите этим ребятам письмо. Может быть, они и вам помогут организовать такой клуб.

В. КРАМОВ

Я человек настойчивый

Сергей ВОЛЬФ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Я вчера в школу в резиновых сапогах пришел. Правда, дождь, но это ничего, это им не вредит. Я теперь решил, что рыбаком буду, артистом не буду. И вообще лучше, и если артистом, то в таких сапогах не походишь. Там у них другая обувь: туфли, тапочки...

А резиновые, резиновые-то! Загляденье. Черные. Блестят. Скрипят. Длина — во! — до колена, а если отогнуть края — до пояса, и размер ничего, сорок третий: у папы такая нога.

Иду — гуляю... Дождь, а мне хоть бы что. Скрип такой, тепло, просторно и сухо,

«Здрасьте!» «Здрасьте!»

«Откуда такие сапожки?» «Из Парижа!»

«Да ну?!» «Ну да!»

Прихожу в школу — смех. Все смеются. Покатываются. Даже захлебываются. Плачут. Мне такой смех понятен. Смех от зависти. Ну как же, еще бы! Размер сорок третий, теплые, черные, блестят, легкие, как пух, особый скрип.

Первый урок физкультуры был. Все надели майки, трусики. Я тоже надел. Построились в линеечку. Главное, что это за линеечка?! Все прыгают, хохочут, за животы хватаются. Один я ровно стою. Не хватаюсь. Мне что? Мне не завидно. У меня са-

поги. Выше колен. Тапочки мне ни к чему. Я их и не брал даже.

Вошел учитель Лев Евгеньевич. Пока спрашивал, в чем дело, пол-урока прошло. Наконец меня увидел. Говорит:

— Шаг вперед!

Что это был за шаг! «Р-раз — два!» Со стороны поглядеть — одно удовольствие. Все рыдают, но мне-то причина ясна: зависть.

Лев Евгеньевич говорит:

— Это что? Что это?!

— Сапоги, — говорю, — сапожки. Разве не видно?

— Зачем они?

— Смешно, — говорю. — Они до колен, а если отогнуть, — до пояса.

— Верно. А зачем?

— Как зачем? Черные. Блестят. Размер сорок третий. Не промокают. Можем проверить.

— Не надо! Не надо! Но что с ними делать?

— О! О-о-о! Что угодно! Носить воду. Грибы. Ягоды!

- И только?
— Не только! Кошек! В каждой по кошке.
— Каких кошек?!
— О-о-о! Любых, каких надо!— говорю.
— О-о-о!— говорит.— Зачем они здесь, на уроке физкультуры, эти сапоги?
— Бегать, прыгать...
— Пры-ыгать?
— Да. О, да. Легкие, как пух.
— Принесите, ребята, стойки и планку. Принесли, поставили.
— Прыгай же,— говорит.
— Уже! Вот я уже бегу и прыгаю.
Я три раза планку животом сбил. Неудачный день.
— Сходите за директором,— говорит Лев Евгеньевич.
Пришел директор.
— Вот,— сказал Лев Евгеньевич.— Маль-

чик в высоких резиновых сапогах. Делайте со мной что хотите, я не могу.

— Что это, Алеша?— говорит Анна Ивановна.

— Ну, сапоги же,— говорю,— сорок третий номер. Как пух. Что, не нравятся?

— Разве у тебя нет другой обуви?

— Есть. Плохая,— говорю.

— Рваная?

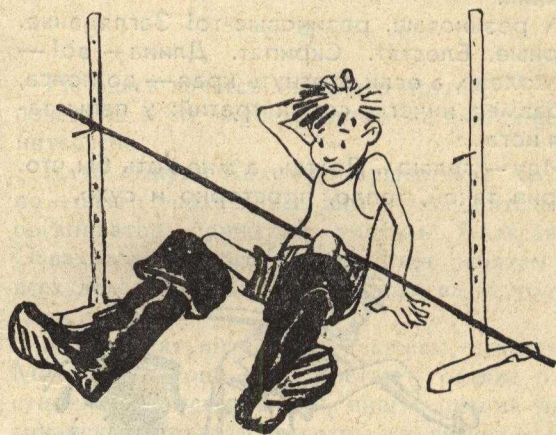
— Нет,— говорю,— целая. Но сапоги лучше.

— Что с тобой, Алеша?— сказала она и потрогала мой лоб.— Иди скорее домой и ляг в кровать.

— Почему?— говорю.

— Ляг, ляг.

Ну, я и ушел. Им виднее.

Выхожу на улицу, а погода чудесная. Тепло. Дождя нет. Солнышко светит. Сапоги блестят. Хорошо гулять. Все время буду в своих сапогах ходить. Мало ли кто что скажет! Я человек настойчивый. Уж что решил, то выполню. Такой уж я человек.

ВОТ ЭТО ПАСС!!!

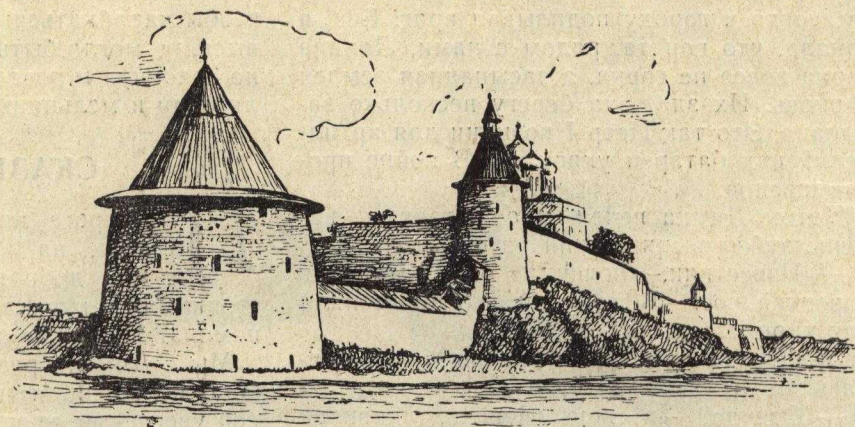
С МОСКОВСКОГО СТАДИОНА «ДИНАМО», МЯЧ ПЕРЕЛЕТЕЛ В ОДИН ИЗ ДВОРОВ ВИЛЬНЮСА. Там живут и играют в футбол мальчишки из команды «Жульведра».

Красивый ярко-желтый мяч с веселой рожицей Смехотрона нашел достойных хозяев. Жюри чемпионата — асы советского футбола присудили «Жульведре» приз «Пионера» за корректную игру.

«Жульведра» прославилась еще и тем, что ее вратарь, Олег Емельянов, на всесоюзном чемпионате детских дворовых команд признан лучшим вратарем.

Как живет сегодня самая корректная из мальчишечьих команд нашей страны? Это вы узнаете в одном из номеров «Пионера».

Мы идем по городу

ВСТРЕЧА

Псков — город древний. И мне понравилось, что название на новом вокзале написано узорными, «вязаными» буквами. Как в летописи. Еще мне сразу в городе понравилась чистота. На асфальте улиц — ни соринки. Свежие цветники, дома светлые, умытые автобусы. Ветер с запахом Чудского озера, и пушистые в синем небе облака.

У старой крепостной стены городской сад. Дорожки в саду разбегаются по холмикам. Если бы сейчас встретился Димка, он бы рассказал, как здесь копали канавы, осушали-зарывали болото. Но Димка еще не встретился, я не знала про болото. Просто подошла к памятнику Пушкину и вспомнила, что недалеко от Пскова село Михайловское. Там Александр Сергеевич подолгу

Только так — на бегу — и удалось сфотографировать проворного Димку. Слева на снимке — Гремячая башня.

жил, слушал сказки няни Арины Родионовны...

За садом большая пузатая башня. Вид у нее суровый. Толстые бока в морщинах и трещинах, настороженно глядят темные щели бойниц. От башни вьется тропинка — по самому хребту крепостной стены. Залезла я туда, огляделась — и ахнула.

Внизу, изгибаясь в зеленых берегах, текла речка, такая прозрачная, гладкая — стеклышко, иначе не скажешь! И речка и лужайки кругом, как на картинах художника Васнецова, усеяны валунами. В воде отражаются ивы, за ракетами-ивами клубятся сады, а в зелени то тут, то там белеют церкви — памятники бессмертного искусства древних псковских мастеров.

ДИМКА

Тропинка вдруг оборвалась. Стену пересекает дорога. Круто спускаться, не полететь бы со стены.

— Не бойтесь, — раздается голос снизу. — Она вас выдержит. Знаете, сколько веков простояла?

Из провала появляется круглая, стриженная ежиком голова, с весело оттопыренными ушами, а потом и весь Димка — в ковбойке и кедах. Так состоялось наше знакомство.

— Красиво, да? — сказал Димка.

И он тут же объяснил мне, что камни-валуны принес ледник, а четыре века назад Псковà (так называлась речка) была широка и глубока. По ней ходили парусные ладьи с флажками на мачтах, везли из-за моря свои товары купцы, несли караул стражники. Там, где стена с двух сторон подходит к реке, стояли решетки, сперва деревянные,

потом железные. Решетки опускались в воду, когда к городу подплывал враг. Еще я узнала, что вон та, рядом с нами, Лапина горка вовсе не горка, а засыпанная землей церковь. Их здесь на берегу несколько насыпано. Это так Петр I позиции для артиллерийских батарей укреплял. В войне против шведов.

Потом Димка велел мне потрогать камень, зубом выпиравший из стены.

— Известняк,— пояснил он, наморщив короткий нос.— В старину его применяли как кирпич.

— Откуда ты все знаешь? — удивлялась я.

— Откуда? — в свою очередь, удивился Димка.— Я же двенадцать лет, как тут родился! — И, с уважением поглядев на мой фотоаппарат, предложил: — Вам бы на Гремячую башню залезть. Оттуда вид — это да!

ГРЕМЯЧАЯ БАШНЯ

Гремячая башня на том берегу; стоит, как утес.

Мы спускаемся к речке. Димка одним духом перебегает ее по скользким валунам.

Под горой он показал родники, которые раньше сильно били и звенели, стекая по камням. Поэтому и гора и башня называются Гремячими.

— Знаете, как защитники крепости доставали воду? — спрашивает Димка.— Через каменный подлаз! Только его что-то не могут теперь отыскать...

Он прыгает по шербатым уступам горы и рассказывает, как ребята нашли на берегу «подземную комнату». Добрались с карманным фонариком до таинственных проходов и только хотели туда лезть, чтобы все разведать, как приехал экскаватор ремонтировать древнюю крепостную стену и все ходы закопал.

— Я уверен,— заявил Димка,— там много интересного. И никто, кроме нас, мальчишек, про то не знает!

Может, там боярские хоромы, может, гридница, где пировали горожане. Но скорей всего, полагает Димка, это «слухи» — галереи такие под землей для подслушивания, что делают враги, осадившие крепость, куда ведут подкопы. Вообще, говорят, под городом полно подземных ходов.

Под крышей башни летали голуби. О том, чтобы карабкаться без лестницы на этакую высь, не могло быть и речи. Димка огорченно вздохнул и повел меня смотреть, где были бани и мельницы.

СКАЗКА-БЫЛЬ

По дороге нам попадают церкви. Белые, на зеленой траве, приземистые, добродушные. С маленькими звонницами, куполами луковицей. Они напоминают русские сказки.

Мы с Димкой разглядываем штукатурку. Она неровная, тонкая, видно, какие под ней увесистые, прочные камни.

— Они вручную все делали,— говорит Димка.— Киркой камни тесали, таскали их сами наверх. Вон какой из плиточек проложили узор!

Узорный орнамент под куполом прост и на всех церквях одинаков: три ряда впадинок — два квадратами, один треугольниками. А красиво: будто белое кружево на полотне. Больше ничего не надо.

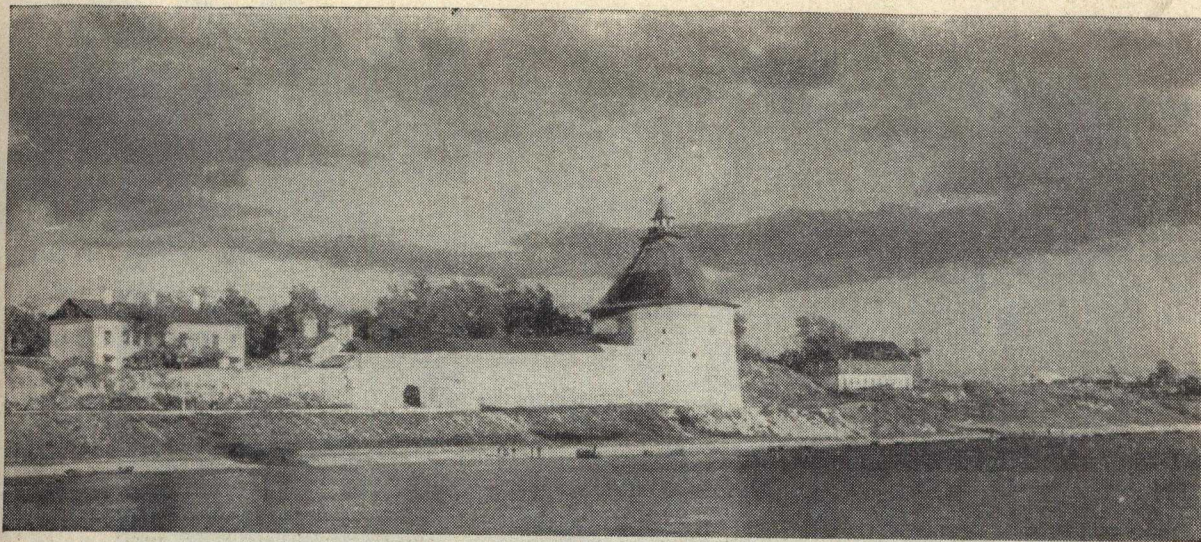
Мы понимаем с Димкой: не для бога работали псковские каменщики — они свою землю, свой город украшали.

ГЛАВНОЕ МЕСТО

В давние века на берегу Псковы теснились ремесленники. Мастерские их звались дворы: мыльные, винные, трепальные, кожевенные, солеварные, пороховые. Стучали водяные мельницы, дымили бани. Теперь тут стоит рыбозавод. Напротив него краны поднимают панели многоэтажных домов.

Восемьсот девять лет Мiroжскому собору. А до чего красив!

Сколько вражеских штурмов, поднопов знали крепостная стена и эта Покровская башня!

На скалистом мысу, где Пскова впадает в реку Великую, стоит кремль. Мыс называется Кромом. Тут и есть то место, куда в незапамятные времена приплыли с юга бородатые кривичи. Они обнесли тыном свое бревенчатое жильё — получился город. Потом на Крому собиралось вече. На площади горожане выбирали себе князя, здесь же и прогоняли его вместе с дружиною, если был неугоден. Гудел на башне басовитый колокол, извещая о важных делах и бранных победах. Поднимался сюда на коне, сверкая латами, Александр Невский после Чудской ледовой сечи с немецкими рыцарями.

Вольным был город Псков, младший брат Великого Новгорода. Год от года разрастался под Кромом тысячью деревянных затейливых теремов, густым лесом звонниц и куполов, крытых луженым железом да блестящей разноцветной поливной черепицей. В три обхвата опоясали город грозные крепостные стены. Сколько раз они спасали Русь от нашествий грабителей-чужеземцев!..

И сейчас еще величав, торжествен Кром. Пскова отражает его исполинскую стену, собор, пышные облака над куполами. От этого Кром кажется еще выше, словно бы плывущим над городом островом.

Мы поднимаемся на Кром по крутым ступеням. Обходим соборную площадь, княжеский двор. Половина двора под стеной разрыта археологами. В глубоком котловане темнеют какие-то бревна. Димка уверяет, что «исторические». Рядом — широкая арка кремлевских ворот. А за воротами блистает серебряной гладью река Великая.

ПО НАБЕРЕЖНОЙ

Набережная! — размахивая руками, закричал Димка. — Пойдемте на набережную! Такой вы нигде в мире не увидите!

Великая задумчиво-плавна, широка. И тоже удивительно чистая. Уверенно катит свои воды на север, в Псковское озеро. Вдоль берега ее крепостная стена, а напротив, на той стороне, раскинулся древнейший Мирожский монастырь.

Димка сказал, что набережную построили после войны. Как и стену с круглыми башнями, на вид такую глухую, дремучую. Стену, ту реставрировали по рисункам. Ведь фашисты почти весь город разрушили.

Набережная длинная, асфальтовая. Вдоль асфальта малиновая дорожка — цветут петунии.

У пристани стоит теплоход «Леон Поземский».

— Поземский — наш герой гражданской войны, — с гордостью объясняет Димка. — У нас тут и Красная Армия родилась! Не знаете? 23 февраля 1918 года! Как раз под Псковом красные отряды разбили интервентов. А в Отечественную войну партизаны сражались. Они даже в голодающий Ленинград обоз с продовольствием привезли. Самые знаменитые были подпольщики и партизаны! Про Петьку Дёрова читали? Он тут скрывался, в Мирожском монастыре. А еще Леня Голиков был, Валя Котик, Клава Назарова!..

Октябрьский проспект — главная улица города.

Димка показал кусок берега, откуда советские войска с боем форсировали Великую. Мимо этого места плыла баржа.

— На пляж песок повезла,— сказал Димка.

ПОГАНКИНЫ ПАЛАТЫ

В конце набережной, на углу крепостной стены,— Покровская башня, широченная, как квашня. На макушке высокого шатра под флюгером — смотровая площадка. Мы проходим через ворота и взбираемся на внутреннюю галерею у стены.

— Эй, парни! — кричит Димка маленьким ребятишкам, шныряющим по ступеням.— Как в башню пролезть?

«Парни» не знают, они молчат.

— Ну ладно,— говорит Димка, когда мы наладзились по галереям и насмотрелись через бойницы.— Я лучше вам Поганкины палаты покажу. Жалко, музей уже закрыт.

Поганкины палаты огромны — целый каменный квартал в четыре этажа. Триста лет тому назад жил в них богач купец Поганкин. Первые два этажа — его склады и мастерские. Маленькие оконца высоко, за решетками железными, ставнями. Жадный Поганкин хранил свой промысел в тайне, работников не пускал на свет, все добро берег под семью замками.

В старину даже бояре строили себе дома деревянные или только с каменным низом — подклетом. Отдельный сруб — спальня, отдельный — поварня, отдельно светлицы. Соединялись они сенями, висячими перехо-

дами. Снаружи выходило пестро, живописно: крыши то повыше, то пониже, окна на разных уровнях, башенки. Кое-что похожее и у Поганкина есть: сени, крыльцо с крутой лестницей, окошки вразброс. А стены в палатах толстые, с церковными сводами, из крепчайшей «дикой» плиты. Вряд ли где теперь найдешь такой удивительный дом!

Димка говорит, что в музее стоит изба, сложенная из вертикальных бревен. Остатки таких изб, скотные дворы, чаны для обработки кожи откопали на стройке около Главной почты. Нашли строители и древний водопровод — бревна, выдолбленные внутри. Водопровод теперь тоже в музее. Еще есть в музее княжеский меч, латы, кольчуги, разные наконечники стрел...

— Я пять раз в Поганкины палаты ходил,— сообщил Димка и мне зайти посоветовал: — Во получите удовольствие!

Мы расстались на Октябрьском проспекте, у ворот нового стадиона «Спартак». Вечернее солнце окрасило золотом камни крепостной стены, макушки деревьев, высокую решетку стадиона.

— На будущий год к нам приезжайте,— сказал, прощаясь, Димка.— Не узнаете Пскова. Скоро он большой будет. Как Ленинград! — И, улыбнувшись веселыми ямками на круглых щеках, побежал домой.

И. ВЕЧНАЯ
Фото автора.

«Секреты» «Пионерской правды»

«Дорогая редакция! Сегодня утром я получил очередной номер «Пионерской правды» и сразу же заглянул на последнюю страницу, где печатается повесть «Голубой лангуст». Читал, читал, а когда дошел до последней строчки, расстроился, хотя герой повести — смелый пловец Ильмар — побеждает знайку Гленна. Расстроился потому, что увидел слово «конец». Что же теперь будет интересного в следующем номере? А в будущем году? Может быть, это секрет?»

Письмо это пришло из Астрахани от Миши Соловьева. Потом с теми же вопросами стали приходить письма и из других городов и сел. И мы подумали: почему бы нам не открыть свои секреты?

У каждого отдела свои планы, свой секрет.

В отделе пионеров секрет прятался в большой книге-папке. И хотя папка занимала целый письменный стол, нам сказали, что тут только одна глава будущей книги о Ленине. Пишут ее ребята — участники ленинской экспедиции. Первая глава — творчество 37 отрядов Москвы и Московской области. Москвичи обратились к ребятам с призывом — создать на основе собранных о Ленине материалов «Лениниану».

В создании книги будут участвовать и ребята Дании, Чехословакии, Франции, Финляндии и других стран, где был В. И. Ленин.

Рядом с будущей «Ленинианой» на полке красуется тугой барабан. Мы даже ударили по нему деревянными палочками, чтобы он выдал свой секрет. И барабан пророкотал в ответ, что он не думает залеживаться на полке: он будет разъезжать по всей стране и соберет всех ребят-активистов. Конечно, за лето у них накопилось много вопросов, разрешить которые можно только в споре.

Слово «БАРАБАН» расшифровывается так: **Б**оевая **А**рмия **Р**ебят **А**ктивистов **Б**орется, **А**гитирует, **Н**аходит.

Штаб боевых командиров и Маршал Советского Союза Баграмян сказали нам, что со страниц «Пионерской правды» по-прежнему будут звучать приказы по **Армии боевой славы**.

Ждет читателей газеты увлекательная викторина. Но как она называется, пока секрет.

Отдел спорта сразу отличишь от других: на стенах фотографии победителей соревнований, в углу клюшки, на столах красивые кубки—призы.

В будущем году снова будут проводиться всеоюзные соревнования юных хоккеистов на приз клуба «**Золотая шайба**» и такие же соревнования клуба «**Кожаный мяч**».

Клуб «**Пингвин**» соберет на страницах газеты самых отважных, бывалых путешественников, побывавших на всех широтах от Северного полюса до Южного.

Отдел науки собирается продолжить заочную радишколу «**Эфир**». «Эфир» будет знакомить ребят не только с радиоприемниками, но и с более сложными электронными приборами.

Ну и, конечно, не будет пустовать четвертая страница газеты. Уже в сентябре наш клуб «**Волшебный луч**» объявит конкурс на лучший любительский фильм ребят. Председатель клуба А. Я. Каплер расскажет о выдающихся фильмах советского кино. В гостях у нас побывают известные киноактеры: Бабочкин, Гарин, Тихонов. Будет организована встреча клуба «**Волшебный луч**» с Четвертым творческим объединением «**Мосфильм**». На съемочных площадках студии режиссеры и операторы поделятся своими творческими планами и выслушают предложения ребят.

Появится на четвертой странице и повесть с продолжением.

Каждый номер газеты будет открытием многих «секретов» «Пионерской правды».

М. БАРАНОВА

О стихах твоих и моих

Один веселый писатель назвал свою книжку так: «Когда я был маленьким». Вот и мне хочется начать этот разговор со слов: «Когда я был маленьким».

Итак, когда-я был маленьким, я очень любил читать стихи. Не все, конечно, а хорошие, веселые. Нравились мне, например, такие:

Зайку бросила хозяйка,
Под дождем остался зайка.
Со скамейки слезть не мог,
Весь до ниточки промок.

А вот что мне нравилось, когда я стал постарше:

Возле Каменного моста,
Где течет Москва-река,
Возле Каменного моста
Стала улица узка.
Там на улице заторы,
Там волнуются шоферы...

Нравилось, может быть, потому, что я сам жил как раз у Каменного моста. А может, по-

тому, что мечтал стать шофером. И, наверно, еще потому, что видел, как в ту пору передвигали дома на бывшей Тверской—ныне улице Горького: очень здорово и весело об этом было рассказано в стихотворении «Дом переехал»!

В общем, рос я и—что ни год—встречал и запоминать новые стихи. То про «Нашего соседа Ивана Петровича», то про девочку Аниту из Испании, где народ боролся за свободу и куда все мы, советские мальчишки, конечно, мечтали попасть, то про пограничную собаку Пирата из стихотворения «На заставе», то про мальчишку Диму, который говорил:

— Шоколада мне не надо,
Я не вижу шоколада!

Ты, сегодняшний читатель, конечно, скажешь: «Я знаю эти стихи! Я знаю, кто их написал!»

Еще бы ты не знал! И я знаю. И все же тебе повезло больше, чем мне, поскольку сейчас вышла для тебя книга, в которой под одной обложкой собралось много любимых книжек и стихотворений. Книга эта называется «Твои стихи» (Издательство «Детская литература», Москва, 1965), а написала ее Агния Барто. Ты спросишь: почему тебе повезло больше, чем мне? Да, во-первых, потому, что, когда я был твоим ровесником, я читал стихи Агнии Барто в маленьких книжках поодиночке и никогда не читал вместе. А во-вторых, и потому, что в этой книжке много, очень много стихов, которых не было тогда, когда я был мальчишкой. Значит, тебе действительно повезло.

Я уже говорил, что ты встретишь в книге этой стихи, которые помнишь с малых лет. Это и «Игрушки», и «Машенька растет», и «Братишки», и «Петя рисует», и «Я живу в Москве»... Но книга поведет тебя дальше, и сколько бы лет тебе ни было сегодня, для тебя книга «Твои стихи» станет отличным компасом в путешествии по своей стране и по другим странам. Хочешь поехать в город Звенигород—пожалуйста! В Америку—пожалуйста! В Болгарию—пожалуйста! На Урал—пожалуйста!

Узнаешь ты из этой книги людей разных—хороших и плохих, маленьких и больших,—а ведь это для тебя очень важно—разбираться в людях: кто кто, кто что?»

Книга эта, я уже говорил, называется «Твои стихи». Но скажу по секрету, что это и мои стихи. Мои, потому что я люблю эти стихи с детства, потому что их любят мои дети—твои ровесники. Наконец, потому, что это просто хорошие стихи.

Сергей БАРУЗДИН

«Рыжик» и его автор

Мальчик читал книжку. На обложке было написано: «Рыжик».

— Что за рыжик?—спросила я. Мальчик посмотрел на меня с удивлением и немножко даже с жалостью. «Эх ты, неужели не знаешь?—говорил его взгляд.—Наверно, все ребята знают, а ты ведь не маленькая!» Потом он сказал мне все это словами.

По правде говоря, я знала про Рыжика, но мне хотелось услышать, что думает о нем тот мальчик. Я у многих ребят спрашивала, нравится ли им Рыжик и за что.

— За то, что он смелый,—сказал тот, первый мальчишка.

— За то, что он верный друг,—сказал другой.—Как он фокусника Полфунта искал!

— За то, что он добрый,—ответила на мой вопрос одна девочка.—Кому плохо, он заступает, хотя и самому плохо. Собаку спас, и Дуньке сиротке помог, и Спириу защищал, когда его нищий бродяга стал мучить.

Сто лет назад родился Алексей Иванович Свирский, написавший повесть о Саньке-Рыжике, сироте и бродяжке. Он сам испытал много горя: холод и голод, нищету и одиночество. Его собственное детство было похоже на детство Рыжика. И вот что замечательно: книжка, на страницах которой столько нужды и страдания, где без прикрас показана жизнь трудная, полная жестокой борьбы, несправедливости, злобы,—эта книжка остается светлой и бодрой.

«Сколько хороших людей на свете!»—думает читатель, перелистнув последнюю страницу. Да, много хороших людей, сохранивших доброту и благородство даже на самом дне человеческого общества. Много их и в книге. В этом ее и правда и сила. И сам Свирский—один из таких хороших людей. Он сродни таким писателям, как Горький и Короленко. Он всегда был на стороне обездоленных. И он брал их под защиту не только строками своих книг. В великой революционной борьбе бедняков с богачами, рабочих с фабрикантами Свирский был на стороне бедняков и рабочих. Он был с большевиками в дни Октябрьской революции, он хотел, чтобы все Саньки, Спириуки, Дуньки и Лейбеле не знали сиротской доли и голодного одиночества, чтобы они жили счастливо, как вы сейчас живете.

Е. ВЛАДИМИРОВА

СА МА М Ы И

Самый большой грузовик-самосвал в нашей стране — «БЕЛАЗ-540». Ты видишь его на фотографии. Посмотри, какие громадные у него колеса — с тебя ростом. Кузов похож на ковш гигантского экскаватора. За один раз в нем помещается столько песка, что им можно доверху заполнить восемнадцатиметровую комнату.

«БЕЛАЗ» — самый сильный автомобиль. Сразу может поднять 27 тонн, что равно весу шести самых крупных слонов.

Управлять таким мощным грузовиком не так просто. Для того, чтобы он повиновался каждому движению шофера, в нем сделано облегченное рулевое управление, ручные тормоза и ножные — на каждое колесо.

Несмотря на большой вес и размеры, машина двигается легко, плавно, быстро.

Работает «БЕЛАЗ» в основном на больших стройках, в карьерах, где добывают руду. Здесь без такой мощной и сильной машины трудно обойтись.

На второй фотографии — самый маленький грузовой автомобиль «УАЗ-452Д». По сравнению с «БЕЛАЗом» он кажется лилипутом. Гигант-самосвал может поднять боль-

БОЛЬШОЙ

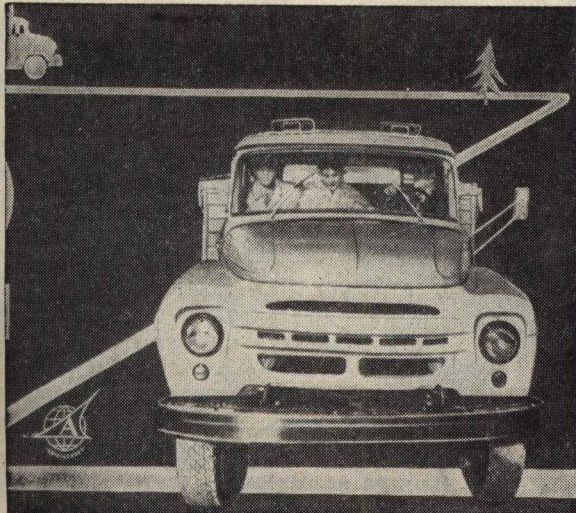
МАЛЕНЬКИЙ

ше тридцати малюток-«УАЗов». Но машина эта, как говорится, маленькая, да удаленькая. Ей не страшны ни пустыни, ни снежные заносы, ни размытые дождями дороги. Это автомобиль повышенной проходимости. И движется он в два раза быстрее великана. Правда, он поднимает намного меньше груза — всего 800 килограммов, но зато на нем очень удобно в условиях бездорожья перевозить почту, медикаменты, продукты. «УАЗ» покупают у нас многие страны.

На третьей фотографии самая новая машина — «ЗИЛ-130». Ее начали выпускать только в этом году. Это грузовой автомобиль высшего класса. Многие детали нового «ЗИЛа» сделаны из пластмасс. Они не боятся ни сырости, ни огня, ни жары, ни мороза. На такой машине хорошо работать на севере и на юге.

Конструкторы и инженеры, создавшие эту машину, подумали и о тех, кому придется на ней работать. Рулевое управление и тормоза новейшей конструкции обеспечивают легкость управления и безопасность движения машины. В просторной трехместной кабине устанавливаются вентиляторы, если «ЗИЛ» работает там, где жарко, а для «северянон» включается специальное обогревательное устройство. Если шофера в пути застанет ночь, диванчик из пенопласта будет удобной постелью.

Платформы у «ЗИЛа-130» могут быть самыми разными. Удлиненные — для перевозки леса. Самосвального типа — для работы на стройках. Открытые — доставят целые этажи новых домов. В любых условиях может работать новая машина «ЗИЛ-130».

Н О В Ы Й

ЭТО СОВСЕМ ПРОСТО

*Дорогая редакция,
Посоветуйте, что
мне делать, чтобы
волосы были гуще
и росли быстрее*

*Напомните,
пока вы еще гото-
градитесь с прическами,
с которыми можно
ходить в школу*

*Я пришла в школу,
заплетя волосы в косу,
и перебросила ее через
плечо на грудь. Можно
ли мне носить
такую прическу?*

• Есть художники, воздвигающие дворцы, есть художники, создающие прекрасные картины, ткани, вышивки, одежду. В ряду тех, чье призвание делать красивым самого человека, и художники-парикмахеры. Самым талантливым из них придают звание мастера парикмахерского дела.

Галя Айвазян, еще молодой парикмахер, имеет это почетное звание. Знаменитые певицы, балерины, киноактрисы причесываются у нее. Шахиня Ирана, приехав в нашу страну, желала испытать Галино искусство.

Мы решили обратиться с вашими вопросами к Гале Айвазян и двум ее подругам, тоже выдающимся специалистам своего дела. И вот мы в парикмахерской, где работают Галя Айвазян, Люба Руденко и Саша Уточкина. Выслушав нас, они сказали: чтобы дать ответ, нам нужны девочки. Самые обыкновенные девочки, лишь бы у них была голова на плечах и волосы на голове.

Самых обыкновенных девочек мы привели. Ответы мастериц вы видите на фотографиях. На прощание они сказали девочкам:

«Делать такие прически каждая из вас может сама».

ТРИ ПРАВИЛА

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ. Каким бы нарядным ни было платье, если волосы растрепаны, ты будешь выглядеть неопрятной.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ. Каждый человек по-своему красив. Нужно только найти свой стиль, понять, что тебе идет.

ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ. Никогда не копируй слепо прическу, которая тебе понравилась у других или кажется модной. Тебе она может и не подойти.

ВСЕМ ДЕВОЧКАМ

ШЕСТЬ СОВЕТОВ

1. Обязательно каждый день расчесывай волосы. Расчесывать начинай с концов.
2. Мой голову не чаще, чем раз в неделю.
3. Мыть голову под душем вредно. На волосах остается налет от мыла, они портятся, перестают блестеть. Мыть голову нужно в тазу, в мыльной пене. В воду для полоскания можно добавить уксус (одну ложку на литр воды) или щепотку лимонной кислоты. Волосы хорошо промоются и будут красиво блестеть.
4. Перед мытьем полезно смазать волосы касторовым маслом. Волосы станут гуще и расти будут быстрее.
5. Никогда не начесывай волосы: ты их испортишь.
6. Помни: начес, высокие прически, пучки строят девочек. Самое лучшее украшение для прически — широкая лента, красивый бант.

НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ

**ЭТИ
ДЕВОЧКИ
ПРИЧЕСЫ-
ВАЛИСЬ
ТАК...**

ПЕРВЫЙ ПРИМЕР. Посмотришь на прическу девочки в нижнем ряду слева и подумаешь: никогда она не видела себя в зеркале. Словно нарочно выбрала прическу, которая ей не идет. Лоб закрыт челкой, волосы лезут в глаза. Нижняя часть лица удлинилась.

Но вот нашли для Зои прическу, которая сразу изменила ее лицо, сделала его милым, привлекательным.

ВТОРОЙ. У Гали и Марины — косы. Нет спору, если волосы хорошие, косы — самая красивая прическа. Но и косы нужно уметь заплести так, чтобы было аккуратно и красиво.

У Гали лицо широкое, а она носит две косы, да еще укладывает их крендельками и с боков привязывает бантики. Крендельки и бантики делают лицо шире, полнее.

А Марина?! Лицо у нее худенькое, продолговатое. А она все волосы подняла кверху, туго затянула с боков, пригладила...

Но вот прически девочки изменили, и обе они стали гораздо милее.

ТРЕТИЙ. Если волосы плохие, лучше их подстричь. Покороче и обязательно «под бритву». Волосы станут гуще и расти будут быстрее. Когда волосы подстрижены правильно, их легко уложить самой. И давай условимся: ты научись причесываться сама.

НЕ ПРАВДА ЛИ, СТАЛО ЛУЧШЕ ?

Смехотрон и хулиган

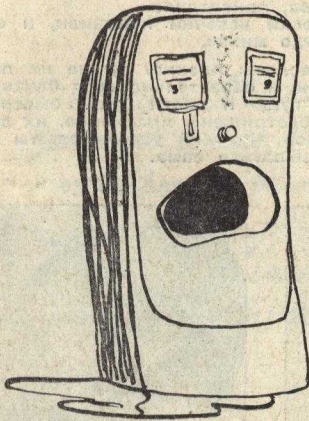
Рисунки А. ЕЛИСЕЕВА, М. СКОБЕЛЕВА

Как-то гулял Смехотрон по городу и забрел незаметно туда, где никогда прежде не был. Оглянулся и обомлел! Странное подалось местечко! Глядят со всех сторон покореженные, изувеченные его сородичи — электрические существа.

Газировка — водяной автомат, весь облупленный, измятый, притулился у стены, еле на ногах держится...

— Брат мой электрический, что с тобой случилось?

— Э... Да со мной еще ничего! Напоят, правда, никого не могу: стаканы побиты. Но стаканы — полбеда. Беда в том,

что как придет ОН ко мне за деньгами — грабить... Да как станет ногами пинать, бить под бока, где у меня самое нежное место, так не могу вытерпеть и отдаю ему монеты...

— О! О-о-ох! — застонал кто-то рядом. И, оглянувшись, Смехотрон увидел телефонную будку с выбитыми стеклами, а в ней аппарат без трубки с обрывком провода.

— А мы! — раздался тут другой голос. — Нет, Смехотрон, если уж у кого горе, так это у нас. Потому что нас трое, и горе наше втрое больше!

Смехотрон поднял голову. Со столба глядели на него электрические Часы. Все три циферблата были без стрелок...

— А ведь мы честно ходили, не убегая и не отставая ни на секунду. Теперь у нас внутри пыль и после дождей — лужи!

— У них лужи, а я-то совсем окривел! — завопил Светофор, у

которого два из трех глаз были вышиблены.

Смехотрон был совершенно потрясен и озадачен.

— Братья мои электрические, да кто же это вас так?

— Как, ты не знаешь? — закричали, завывая ему в ответ. И со всех сторон донеслось: — Это Вовка! Это Вовка, Вовка! — Вовка? Тогда скажите скорее, где я могу его найти?

— Ты храбр, братец наш, но безрассуден, — забормотал, забублькал Газировка...

— Подумай сначала, — посоветовал испорченный Телефон. — Ведь он и с тобой поступит так же, как с нами.

— Ха-ха, — закаркал сверху, будто ворон, кривой Светофор. — Если ты такой смельчак, то просто побудь здесь немного. Вовка сам тебя отыщет.

— Я остаюсь, — спокойно сказал Смехотрон.

И тут появился Вовка.

Это был мальчик. И довольно обыкновенный мальчик: курносый, желтоволосый, не очень высокий, толстенький и... веселенький.

— Приг о т о в ь ся! — сказал себе Смехотрон. — И не бойся его!

...Первым делом мальчик отвесил оплеуху Газировке. Тот захлопал, и звякнули в нем монеты. Вовка пре-

спокойно их выудил, пересчитал и сказал:

— Ну, на кино мне хватит. Но завтра ты мне должен насобирать на цирк! Смотри у меня! Ах да, кажется, у моего Светофорки остался еще один глазик... Вот я его!

Дзинь! Посыпалось стекло... Раздался глухой стон, и последний желтый глаз погас навсегда. А Вовка засмеялся.

— Ну, пора! — сказал себе Смехотрон. — Все-таки я мыслящее существо и должен с ним сладить...

— Ого! — сказал Вовка. — А ведь это что-то новенькое! Пылесос какой-то ходячий... Разрешите представиться, мистер... как вас там... Я Вовка! Я покоритель механизмов.

— Я — Смехотрон, — сказал Смехотрон серьезно и тихо.

— А откуда ты взялся, чудюдо?

— Я работаю в журнале «Пионер».

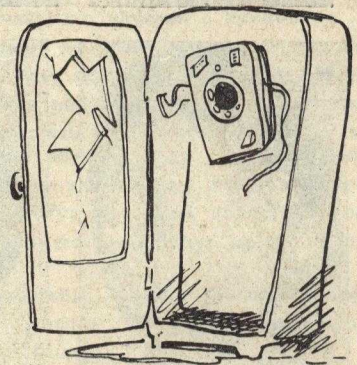
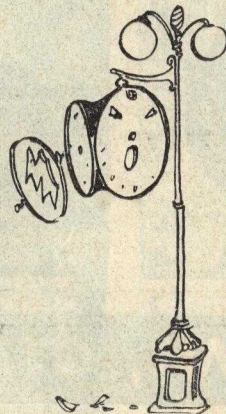
— Хы! А что, у вас там все такие?

— Нет, но и меня одного хватит, чтобы с тобой справиться.

Вовка кинулся в атаку.

— Ну, держись, Патрон-ватрон! Вот я тебе...

Он подбежал и хотел схватить Смехотрона за носовую лампочку, но Смехотрон сумел увернуться. Он направил на Вовку свое ухо, и Вовка вдруг зачихал, а потом задрожал и

затрясся, не в силах даже отскочить от Смехотрона. А Смехотрон, пользуясь ультразвуком, объяснил своим электрическим сородичам:

— Это, дорогие мои, действии необыкновенного тока на обыкновенного хулигана. Напряжение невелико, и вреда я ему не причиню, но пусть потрясется как следует...

— Нет, ты лучше испепели его! — кричали все инвалиды.

— Отпусти меня, дяденька! Миленький, красивенький, отпусти! — взмолился Вовка.

нет! Снова его затрясло пуще прежнего, и снова он зачихал, и снова завопили наперебой сородичи:

— Испепели, испепели его, Смехотрон, мы тебя очень просим!

— Нет, не испепеляй меня, я больше не буду. Я не буду!

— Я знаю, что ты не будешь! Я решил взять тебя под

я пришло ремонтную бригаду. Прощайте. Мне пора в журнал. У меня там дела...

Но это еще не все.

Рассказывают, что с некоторых пор можно встретить на улице мальчишку, который очень странно себя ведет. Погонится за девочкой, схватит ее за косу. Уж она-то думает: «Ну, пропала!» А ничего подобного. Он улыбнется ей вежливо и тихо скажет:

— Извините меня, сеньора, но у вас бантик немножко развязался. Разрешите я вам по... Вот как дам сейчас, так до неба подпрыгнешь! То есть я хотел сказать, не хотите ли мороженого?

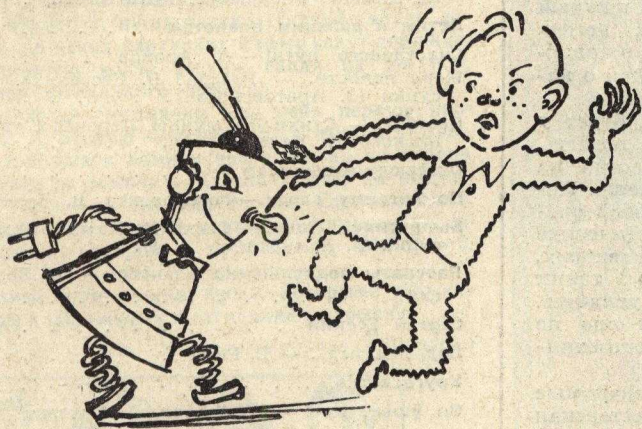
Или так, например: хочет тот мальчишка сказать кому-то «дурак», но получается у него наоборот: «Я дурак!», «Я хулиган и бездельник».

До того иногда доходит, что до слез ему хочется кого-нибудь обидеть, но размахнется и — бац! Сам себя по лбу... Да еще приговаривает при этом:

— Так тебе и надо! Будешь знать!

Вот какой объявился недавно мальчик, раньше такого и не встречали. А когда рассказал о нем кто-то Смехотрону, наш Смехотрон улыбнулся и ответил загадочно:

— Знаете, я сейчас занимаюсь усовершенствованием своего теленушения... Сейчас в моей власти лишь один мальчик, а хочу в ближайшие два-три месяца довести счет до десяти подопытных мальчиков... Только времени маловато.

— Я не «дяденька», я Смехотрон. Запомни и повтори!

Вовка послушно повторил, трясаясь и выстукивая зубами азбуку Морзе: двадцать три точки и тридцать два тире в секунду.

— Хорошо... — И Смехотрон чуть ослабил ток, а Вовка рванулся в сторону и тут же схватился было за камень... Э,

свое теленаблюдение... Хулиганов не надо бояться, дорогие мои сородичи, и не надо их испепелять. Их надо перевоспитывать...

— Ты можешь быть свободным, — сказал Смехотрон Вовке, и тот в один миг исчез за ближайшим углом, будто его здесь и не бывало.

— А к вам, дорогие родители,

МЫ СТРОИМ ДОМ

Помнишь, в прошлом номере мы предложили ребятам придумать и прислать в журнал свой проект нового дома, такого, в котором всем сразу бы захотелось пожить, потому что жить в нем весело, удобно, интересно.

Тебе еще не придумался такой дом?

Хороший проект дома придумать не просто. Мы не торопим ребят. Рисунки, чертежи, описания новых домов будут приниматься до конца этого года.

Пионер рассказывает о себе

Ты дочитал книжку журнала, перевернул последнюю страничку, но погоди откладывать номер в сторону, еще не все.

ПОСЛУШАЙ! ЖУРНАЛ ХОЧЕТ РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ О СЕБЕ САМОМ. Но сначала вопрос — **ТЫ ВЫПИСЫВАЕШЬ ЖУРНАЛ?** Если нет, — обязательно подпишись, ведь интересно же быть в дружбе с целым журналом и каждый месяц получать на дом новый, свежий номер. А если **ТЫ** уже **НАШ ПОДПИСЧИК**, то оставайся им и впредь и другим ребятам расскажи о нашем журнале. Что рассказать? Вот что.

В новом году, в первых же номерах, будет у нас опять интересная с продолжением повесть. Да и не одна, конечно, повесть припасена на год, а много. Какие? Подпишись — узнаешь. Лежат в ящиках наших столов и ждут своей очереди новые приключенческие и фантастические рассказы. Смехотрон пообещал много смешных, веселых историй, а Тяни-толкай привел таких зверей, каких ты нигде больше не увидишь. В журнале ожидают тебя раскрытые и еще не раскрытые тайны науки, записки путешественников, советы мастеров спорта, стихи.

Ты по-прежнему найдешь в журнале знакомые отделы: «Храбрые портняжки», «Мастерская «Золотые руки» — для умельцев и мастеров. «Трубите сбор!» — отдел пионерской жизни и пионерских дел — и другие.

Но и новые отделы открываются в новом году: «РАССКАЗЫ О РАЗВЕДЧИКАХ И РАЗВЕДКЕ», «ТОЛЬКО ДЛЯ МАЛЧИШЕК», «ВАШЕ мнение, ДЕВОЧКИ?», «ПИОНЕРСКИЙ ГЛОБУС»... Продлится начатое вот в этом номере **ПУТЕШЕСТВИЕ НА ДАЛЕКИЕ ПЛАНЕТЫ**, где каждый читатель — **ЧЛЕН ЭКСПЕДИЦИИ**.

Еще одна **НОВОСТЬ!**

Пойди в свой совет дружины и расскажи, что **ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» ОБЪЯВЛЯЕТ ПРЕМИИ СОВЕТАМ ДРУЖИН**, где окажется **БОЛЬШЕ ВСЕГО ПОДПИСЧИКОВ**: радиолу, велосипед, транзисторные приемники, кино- и фотоаппараты, подзорные трубы, годовую подписку на «ПИОНЕР». И так, ждем ваших донесений.

Подписаться на журнал **МОЖНО И ДВОЕМ С ДРУГОМ** или **ВСЕМ ЗВЕНОМ**, а то и **ЦЕЛЫМ ОТРЯДОМ**. Если нет сразу трех рублей, чтобы уплатить за год, то подпишитесь сначала на первое полугодие, это станет вам в полтора рубля, а три месяца обойдутся в 75 копеек.

Но **УЧТИТЕ:**

ПОДПИСКА ОКОНЧИВАЕТСЯ 25 НОЯБРЯ. Поэтому действуйте немедленно.

Содержание

Трубите сбор	1
Пузырьки. — Комедия А. Хмелика. Рисунки Е. Медведева	2
Тайна летучего яда. — И. Зарахович	19
Как ты учишься?	21
Стихи из почтовых конвертов	22
Сокровища короля Бискалара. — Фантастическая сказка С. Лема. Перевел с польского Ю. Абызов. Рисунки Б. Кыштымова	24
Летим к далеким планетам	31
Счастливого пути! — А. Аронов	33
Море ясности. — Рассказ В. Кессениха. Рисунки Ю. Аратовского	34
Свetaет. — Стихи П. Тычины. Перевел с украинского А. Чельцов	40
Отвсюду и обо всем	41
По лисьему следу. — Фоторассказ В. Чулкова	42
Было тихо... Пони. — Стихи Н. Матвеевой. Рисунки Ф. Лемкуля	44
Рассказы подпольщика Алексея. — А. Лозовский	46
Сергей Есенин	52
Лед, лед, лед... — Е. Рейн	54
Кругосветка	58
Он ушел? Нет! — В. Альтов, А. Солодов	60
Наедине с собой. — С. Гуревич. Гравюры В. Неклюдова	61
Снегопад. — Стихи И. Бехера. Перевел с немецкого Л. Гинзбург. Рисунок Н. Доброхотовой	64
Открыватели новых земель. — В. Крамов	65
Я человек настойчивый. — Рассказ С. Вольфа. Рисунки Ю. Черепанова	67
Мы идем по городу. — И. Вечная. Фото автора	69
Что нам читать?	73
Самый большой, самый маленький, самый новый. — Н. Елистратова. Фото С. Карасева	75
Это совсем просто	76
Смехотрон и хулиган. — Рисунки А. Елисеева и М. Скобелева	78
На вклейках:	
На Юпитере. Рисунки Йозефа Садила и Людека Лешака	
На репетиции в цирке «Юность». Фото Г. Палушевицуса	
На первой странице обложки: Осень пришла в лес. Рисунок Е. Мошина	
На четвертой странице обложки: Твой рабочий стол. Рисунок О. Зотова	

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Техн. редактор **В. Пархоменко.**

А 02072.

Подписано к печати 23/IX 1965 г.

Тираж 530 000 экз.

Изд. № 1763.

Заказ № 2365.

Формат бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ГДЕ ОБЕЗЬЯНЫ?

Из Пражского зоопарка убежали обезьяны! Помогите найти их и сосчитать.

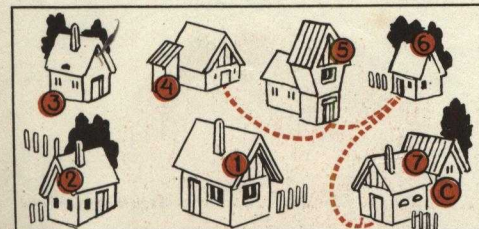
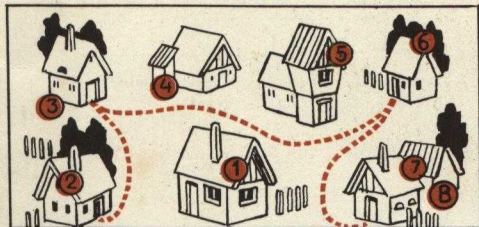
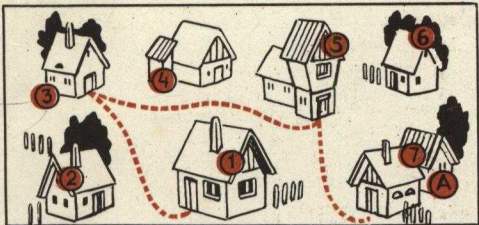
НОМЕР ДОМИКА

А в эту игру можно играть вдвоем. Попросите приятеля, пусть загадает какой-нибудь домик и скажет, на каких картинках к нему ведут дорожки. Вот он удивится, когда вы, не глядя на рисунок, назовете номер загаданного домика!

Как это сделать? Обозначим для себя первую картинку цифрой 1, вторую — цифрой 2, а третью — цифрой 4. Если дорожка к домику ведет только на первой картинке, то номер домика — 1, если только на второй, то — 2, если только на третьей, то — 4. Если дорожка к домику ведет на первой и второй картинках, то $(1+2)=3$, если на второй и третьей, то $(2+4)=6$. Понятно?

Номер домика — это сумма чисел, которыми обозначены картинка с дорожками к загаданному домику.

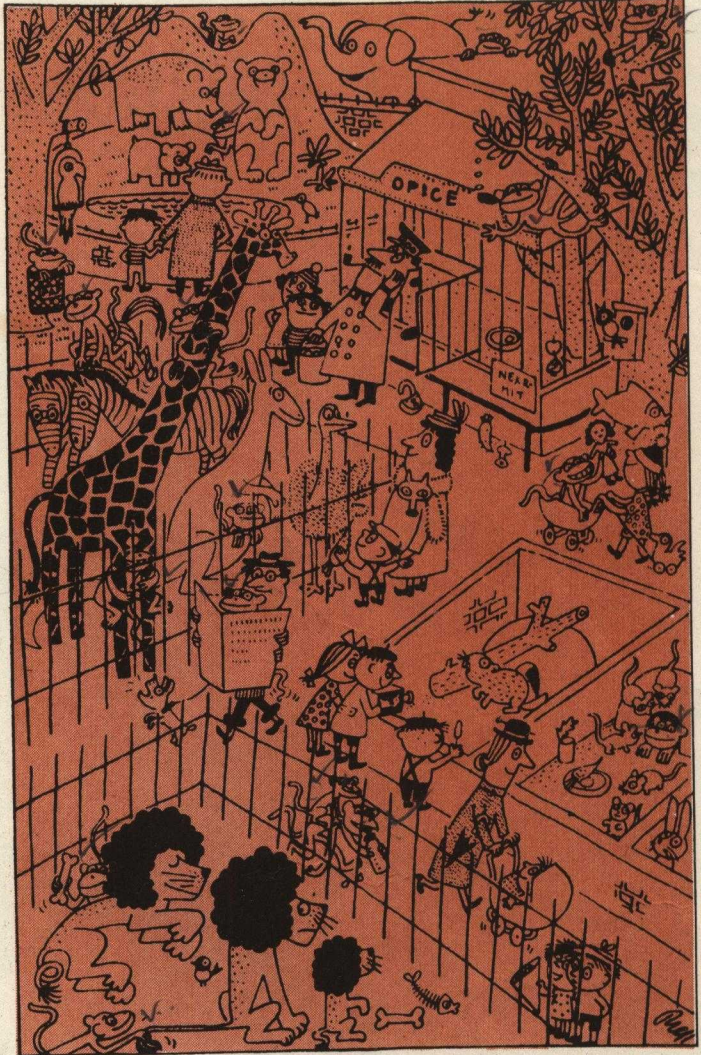
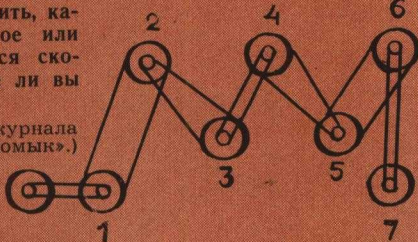
(Из чешского журнала «Пионер».)

КАКОЕ КОЛЕСО?

Техник-любитель Винтиков-Шпунтиков сконструировал передачу, но не знает, где ее применить, потому что не может определить, какое колесо, первое или седьмое, вращается скорее. Не поможете ли вы ему, ребята?

(Из польского журнала «Пломик».)

ОТВЕТЫ

на задачи, помещенные в № 6, 7

КТО ОТСТАЛ?

Отстал третий справа, тот, у которого рукава без манжет.

ОДНОЙ ГИРЕЙ

Отвесив 100 граммов муки, соседка пересыпала ее на чашку с гирей и получила «гирию» в 200 граммов. Отвесив вторым весом 200 граммов и пересыпав эту муку на чашку с гирей, она получила «гирию» в 400 граммов. Отвесив затем 400 граммов муки и пересыпав ее на чашку с гирей, она получила для взвешивания «гирию» в 800 граммов, в том числе 700 граммов муки. Четвертым взвешиванием добираются недостающие 800 граммов муки.

КРИПТОГРАММА С АНАГРАММАМИ

Сложные анаграммы: 1. Рама + арбуз = амбразура. 2. Репа + си + сани = расписание. 3. Колос + мина = соломинка. 4. Рак + торт = трактор. 5. Парик + дрова = драпировка. 6. Хор + овод = хоровод. 7. Уж + рог + до = Ужгород. 8. Як + куст = Якутск. Числитель указывает номер анаграммы, а знаменатель, — какую по порядку букву нужно взять из вновь образуемого слова «суммы». Заменяя дробные числа буквами, вы прочтаете поговорку: «Упорство награждается успехом».

НОМЕР ДОМА ШКОЛЫ

Коля, Вася и Саша живут на одной линии со школой, то есть у них у всех либо четные, либо нечетные номера домов. Вася живет через шесть домов от Коли, значит, номер его дома на 14 больше номера дома Коли. Саша живет через три дома от Васи, значит, номер его дома на 8 больше номера дома Васи, или на 22 больше номера дома Коли. Если сложить номера домов, где живет Вася и Саша, то получится число, в котором два раза уложится номер дома Коли да еще останется 36. По условию задачи это составляет два с половиной номера дома Коли, а следовательно, число 36 равно половине номера дома Коли. Отсюда номер его дома — 72, номер дома Васи — 86, а номер дома Саши — 94. Коля живет через восемь домов от школы, то есть номер его дома на 18 больше номера дома школы. Следовательно, номер дома школы — 54.

МОДЕЛЬ НОМЕР ОДИН

Наша научно-исследовательская лаборатория «Как ты учишься» предлагает эту модель рабочего места. Ты можешь так же устроить и свое. Посмотри, это совсем нетрудно. На странице 21 журнала происходит второе занятие лаборатории. Ты узнаешь, почему у Олега стали вдвое быстрее выучиваться уроки, как свет то помогал, то мешал ткачихам, какой цвет самый полезный.

